

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАЗАНСКИЙ ФИЛИАЛ

Т. В. Юсупов

ВВЕДЕНИЕ
В БУЛГАРО-ТАТАРСКУЮ
ЭПИГРАФИКУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1 9 6 0

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
26	7 сверху	Н. Верееки	Б. Березки
"	10 снизу	Янтиковский	Янтиковский, ЧАССР
86	4 сверху	нын	ныне
Табл. 1	10 "	رحمة و اسعة [رحمة و اسعة [
Табл. 23	1 "	Дата: 1323 г.	Дата: 1303 г. —
Табл. 50	4 "	كل نغس ذائقة الموت ثم	كل نغس ذائقة الموت ثم
Табл. 64	5 снизу	в девятьсот шестом,	в девятьсот сорок шестом,
Текст 9	2 сверху	عليها و يبقى	عليها فان و يبقى

Г. В. Ю с у п о в. Введение в болгаро-татарскую эниграфику

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава первая. Краткая история вопроса	7
Глава вторая. Местонахождения болгаро-татарских эпитафических памятников	19
Глава третья. Болгаро-татарские эпитафические памятники XIII—XVII вв. (К вопросу о происхождении казанских и уфимских татар)	34
Классификация болгаро-татарских надгробных памятников	34
Булгарские надгробия I-го стиля (XIII—XIV вв.)	50
Булгарские надгробия II-го стиля (XIII—XIV вв.)	59
О языке булгарских надгробий II стиля	66
О палеографии булгарских памятников II стиля	99
Социальная терминология и имена булгарских эпитафий	101
Булгарские надгробия Башкирии	111
Татарские надгробия XV века	138
Татарские надгробия первой половины XVI в.	147
Татарские надгробия второй половины XVI в. и первой половины XVII в.	158
Татарские надгробия второй половины XVII в.	159
Заключение	164
Приложение	167
Таблицы 1—77	168
Тексты 1—11	322

Гарун Валеевич Юсупов

ВВЕДЕНИЕ В БУЛГАРО-ТАТАРСКУЮ ЭПИГРАФИКУ

*Утверждено к печати Ученым Советом Института языка, литературы и истории
Казанского Филиала АН СССР*

Редактор издательства *Е. Г. Дагин*. Художник *М. И. Разулевич*. Технический редактор
Р. А. Афонс. Корректор *Э. В. Коваленко*

Сдано в набор 23/IV 1960 г. Подписано к печати 19/IX 1960 г. РИСО АН СССР №142-98В.
Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Бум. л. 10³/₈. Печ. л. 20³/₄ = 20³/₄ усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л.
16,76 + 1 вкл. (0,33 уч.-изд. л.). Изд. № 1169. Тип. зак. № 652. М-26867. Тираж 1500.

Цена 12 р. 50 к., с 1 января 1961 года 1 р. 25 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ

За годы советской власти наша историческая наука, вооруженная передовой теорией марксизма-ленинизма, добилась огромных успехов в деле создания истории народов СССР.

Значительные достижения мы имеем в разработке истории Татарской АССР и татарской литературы; эти успехи достигнуты в борьбе против различных методологических извращений буржуазно-националистического порядка.

За последние годы большим достижением историков Татарии является выпуск „Материалов по истории Татарии“, первого и второго томов Истории ТАССР (Казань, 1955, 1959).

Одной из основных задач советской исторической науки является выяснение вопроса о происхождении отдельных народов СССР.

Партия и правительство придают огромное значение этой проблеме. Свидетельством тому являются специальные сессии Академии наук СССР, посвященные вопросу происхождения ряда народов нашей страны — русских, узбеков, татар, чуваш и др.

Большую и целенаправленную комплексную работу в этом отношении ведут историки, археологи, этнографы и лингвисты Татарии.

Данная работа, посвященная исследованию болгаро-татарских эпиграфических памятников, тесно связана с этой насущной задачей татарских историков и должна показать преемственную связь болгаро-татарских эпиграфических памятников в различных формах ее проявления (территориальных, типологических и др.).

В настоящей работе автор поставил своей целью:

1) проанализировать болгаро-татарские эпиграфические памятники по различным принципам — хронологическому, ти-

пологическому и отчасти языковому — и дать классификацию их;

2) показать качественные и количественные изменения этих памятников в зависимости от историко-экономических изменений общества в эпоху феодальных отношений, к которой они относятся;

3) показать социальный смысл болгаро-татарских надгробий как выражение идеологии феодального общества, как надстроечный фактор, связанный с усилением роли ислама — одной из опор этого общества;

4) показать преемственную связь памятников эпохи Казанского ханства с болгарскими памятниками как в языковом, так и в типологическом отношениях.

Говоря о значении эпиграфики, необходимо отметить, что в советской науке исследования в этой области не являются самоцелью, не носят отвлеченный характер, как это мы видим в буржуазной науке, а тесно связаны с исследованиями в области истории, лингвистики и этногенеза народов.

В частности, в болгаро-татарских эпиграфических памятниках — источниках нашего исследования — мы имеем:

1) датированные памятники края, указывающие на историю расселения болгаро-татарского населения в древности;

2) источник, откуда мы черпаем ценный материал о феодальной структуре эпохи Болгарии и Казанского ханства;

3) материал для суждения о языке древних болгар, казанских татар и о происхождении последних;

4) наконец, богатейший материал по древнему болгаро-татарскому искусству, а также и палеографии.

В ходе полевых исследований с 1946 по 1957 г. я посетил 28 районов Татарии (преимущественно в Заказанье и в сев. Предволжье), 1 район Чувашии (Урмарский район) и 12 районов Башкирии с охватом около 150 населенных пунктов. За это время в ТАССР исследовано до 60 болгаро-татарских кладбищ и изучено до 200¹ болгаро-татарских надгробий. Из этого числа древних надгробий 73 впервые открыты мною. Остальные, уже известные, были заново прочитаны, обмерены, сфотографированы и эстампированы. Кроме того, за последние годы мною обнаружено и изучено

¹ Из них 40 относится к XIII—XIV вв., 8 — к XV в., 90 — к XVI в., 9 — к XVII в., остальные — к XVIII и XIX вв.

до 30 эпитафических памятников в западных районах Башкирии, среди которых имеются и болгарские.²

Изучался эпитафический материал, также собранный другими исследователями, как изданный, так и в музейных экспонатах.

Кратко методика автора данной работы по полевому исследованию этих памятников сводилась к следующему: соби- рание историко-этнографических сведений путем опроса насе- ления (стариков), обмер кладбищ, обмер древних надгробных памятников на них, чтение и запись текста на месте, полу- чение эстампажей с текста, фотофиксация.

Следует отметить, что данная работа не охватывает надгробий XVI в. из г. Касимова, главным образом потому, что автор не мог их обследовать сам. Однако отметим, что как в языковом, так и в типологическом отношении они не отличаются существенно от наших памятников XVI в.

То же самое нам приходится сказать и в отношении небольшого собрания эпитафических памятников Чебоксар- ского краеведческого музея, совершенно идентичных с на- шими.

В работе использованы некоторые эпитафические мате- риалы, добытые в 1953—1957 гг. в Башкирии, на основе которых и написан раздел „Болгарские эпитафические памят- ники Башкирии“.

В приложении чтение надписей в основном (за редкими исключениями) дано заново, хотя бы с небольшими отличи- ями от других вариантов.

Вышедшая недавно в свет работа проф. Прицака нами была получена, когда данная монография находилась уже в печати; следовательно, эта работа не могла быть учтена; то же самое нужно сказать и о новых работах проф. Бен- цинга.³

В таблицы-приложения включены шесть групп эпитафий (фотографии, текст и перевод): XIII—XIV вв. (табл. 1—50), XV в. (табл. 51—56), первой половины XVI в. (табл. 57—69), второй половины XVI в. и первой половины XVII в.

² Г. В. Юсупов. Эпитафические памятники западных районов БАССР. 1957. (Рукопись; хранится в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, в Уфе).

³ O. P r i t s a k. Bolgaro-Tschuwaschica. Ural-Altäische Jahrbücher, Bd. XXXI. Wiesbaden, 1959; J. B e n z i n g. 1) Das Hunnische, Donau- bolgarische und Wolgabölgarische. Philologiae Turcicae Fundamenta, т. I, Wiesbaden, 1959, стр. 685—695; 2) Das Tschuwaschische. Там же, стр. 695—751.

(табл. 70—72), второй половины XVII в. (табл. 73—74), XVIII в. (табл. 75—77).

В конце приложений помещены тексты эпитафий, фотографии которых по техническим соображениям не даны.

Транслитерация личных имен в эпитафиях произведена в основном по системе И. Ю. Крачковского, приспособленной к тюркским текстам тюрко-монгольским кабинетом Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР.

Отступления от этой системы встречаются главным образом тогда, когда это касается *ч*, которое в ранней тюрко-татарской литературе передавало звуки *дж* и *ч*.

За неоднократные ценные консультации по различным вопросам, затронутым в данной работе, выражаю свою искреннюю благодарность проф. В. А. Крачковской, проф. А. П. Смирнову, проф. Л. З. Заляю, проф. Н. И. Воробьеву и кандидату филологических наук С. Н. Муратову.

Автор.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В данной главе мы не собираемся давать хронологическое изложение истории исследования эпиграфических памятников края, что в свое время обстоятельно сделано в работах Н. И. Ашмарина,¹ Н. Ф. Катанова,² С. И. Порфирьева,³ Н. Ф. Калинина⁴ и др., а остановимся лишь на принципиальной стороне изучения болгаро-татарских надгробных памятников. В этом отношении мы различаем следующие периоды:

1) период, когда болгаро-татарские эпиграфические памятники рассматривались преимущественно как историко-археологические памятники (с 1722 по 1863 г.);

2) период, когда они приобрели значение памятников языка древних болгар (с 1863 г.);

3) советский период комплексного изучения их как в историческом и языковом отношении, так и со стороны художественного оформления (1929 г.), путем систематического сбора материалов по ним во время экспедиции.

Начало изучения болгарских надгробных памятников положил Петр I во время посещения развалин Булгара в 1722 г., когда направлялся в персидский поход. Вообще начало серьезного изучения восточной эпиграфики в России связано с именем и деятельностью Петра I.

¹ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902, стр. 67—70.

² Н. Ф. Катанов. 1) Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920, стр. 4—10; 2) Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Каз. муз. вестник, 1921, № 1—2, стр. 55—56.

³ С. И. Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. гос. унив., 1922, т. XXXI, вып. 4, стр. 41—44.

⁴ Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии по болгаро-татарской эпиграфике, стр. 5—14. (Рукопись; хранится в архиве Казанского филиала АН СССР).

Петр хорошо понимал, как важно изучать и знать Восток. „Значение сохранившихся на Востоке традиций Петр сумел оценить для чисто научных предприятий, тоже впервые осуществленных при нем“, — писал выдающийся ученый и знаток Востока И. Ю. Крачковский.⁵

По его приказу казанскому губернатору впервые были списаны и переведены 50 текстов надгробий с Булгарского городища ахунем Кадыр-Мухаммедом сыном Сюнчелеевым и слободским переводчиком Юсуфом Ижбулатовым.

Помимо того, Петр I, заботясь об охране булгарских памятников, писал казанскому губернатору Салтыкову:

„Господин губернатор!

„В бытность нашу в Булгарах видели мы, что у старинного булгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный надлежит подделать вновь. Того ради пошлите туда ныне человек двенадцать или пятнадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно есть, также и места старые по времени велите чинить. Подлинный его имп. вел. указ за приписанием собственные его вел. руки тако: Петр.

Из Астрахани во 2 день
июня 1722 г.

Получено в Казани
июня в день 1722 года“.⁶

Кратко говоря, судьба этих пятидесяти текстов сложилась так:⁷ в литературе русский перевод указанных надписей впервые был опубликован в 70-х годах XVIII в. И. Лепехиным,⁸ впоследствии они с рядом неточностей были опубликованы Ю. Клапротом,⁹ П. Ф. Эрдманом¹⁰ и И. Березиным,¹¹ а в порядке исправления неточностей один текст был издан проф. Катановым¹² (по И. Березину текст № 46).¹³

⁵ И. Ю. Крачковский. Очерки истории русской арабистики. М.-Л., 1950, стр. 41.

⁶ Цитировано по „Сборнику Археологического института“ (кн. 11, СПб., 1879, стр. 89).

⁷ Подробности см.: С. Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей.

⁸ И. Лепехин. Дневные записки путешествия, т. 1. СПб., 1771, стр. 271—283.

⁹ Klaprot. Notice et explication des inscriptions de Bolgari Nouveau Journal Asiatique, VIII, Paris, 1831, стр. 483—506.

¹⁰ П. Ф. Эрдман. О надгробных памятниках в Булгарах. Заволжский муравей, 1832, № 21, стр. 1219—1230, 1342—1358.

¹¹ И. Березин. Булгар на Волге. Уч. зап. Каз. унив., 1852, вып. III, стр. 100—134.

¹² Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник..., стр. 54—56.

¹³ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 116.

И. Березин опубликовал и ряд других текстов, изученных им непосредственно на Булгарском городище.

С течением времени сами памятники терялись, а большая часть их пошла на строительство Успенской церкви в Болгарах: ими выложен пол и фундамент этой церкви. В 1942 г. работниками Комиссии по болгаро-татарской эпиграфике в фундаменте были обнаружены, кроме зарегистрированных при Петре I и И. Березиным, совершенно новые тексты.¹⁴

Клапрот впервые при чтении часто встречающегося болгарского числительного *جِيَاتِ جُور* (*джиати джюр*), транскри-

бируя его искаженно — *джиат джейур*, пришел к выводу, что в числовом значении этого выражения нужно усмотреть дату смерти покойников, соответствующую 623 году хиджри¹⁵ (1226 г. н. э.), когда якобы случилась массовая гибель людей в крае, что было связано с нашествием монголо-татар („год пришествия угнетения“).¹⁶ Толкование это было принято на веру Эрдманом и И. Березиным.

В 1863 г. Х. Фейзханов в своей работе о болгарских надгробиях дал правильное чтение этих слов, выражающих дату, как *джиати джюр*, отождествляя это с татарским *джити юз*. „В пользу моего мнения говорит и обыкновение татар начальное «й» произносить и писать как «дж», что касается буквы «р», употребленной вместо «з» в слове «джюр», то это можно объяснить употреблением чувашских числительных слов в эпитафиях этого времени. Чуваши же «семь» (читай «сто», — Г. Ю.) называют «чюр»“.¹⁷

С той поры эти памятники начинают рассматриваться как памятники языка древних болгар.

Впервые на это крупное открытие Х. Фейзханова обратил внимание в своем письме к акад. В. В. Григорьеву крупный тюрколог, миссионер-руссификатор Н. И. Ильминский. Проявляя большой интерес к историческим корням чувашского языка, в этом письме он с осторожностью писал: „Если

¹⁴ Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии. . . , стр. 8. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

¹⁵ При следующем цифровом значении арабских букв: چ — 3, د — 10, ل — 1, س — 400, چ — 3, و — 6, ر — 200.

¹⁶ Такое ошибочное толкование этих слов, к сожалению, до недавнего времени встречалось и в современной исторической литературе.

¹⁷ Х. Фейзханов. Три надгробных болгарских надписи. Изв. Археолог. общ., т. IV, СПб., 1863, стр. 404. — Здесь мы имеем явную опечатку, допущенную, очевидно, издательством, поэтому вместо числительного „семь“ следует читать числительное „сто“.

известный историк Ш. Марджани,²⁶ который впервые дал принятое и доныне чтение довольно сложной и полустертой надписи конца XIII в. (?) у бывшей Архиерейской дачи близ Казани.²⁷

Крупный татарский просветитель XIX в. К. Насыри, отличавшийся широким кругом интересов в изучении культуры казанских татар, также не упустил из вида эпиграфические памятники. В 70-х годах XIX в. он изучал древние татарские кладбища северного Предволжья и дал до 15 текстов надписей — главным образом XVI в. и один XV в.²⁸

Местный краевед-археолог Г. Ахмаров, исследовавший ряд древних памятников по поручению Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, изучал древние кладбища и дал в своем труде „История Булгарии“ до 12 текстов болгарских надписей.²⁹

Надо отметить, что все названные исследователи, глубоко изучавшие эти памятники, подводя итоги своим работам, не шли дальше простой публикации их, часто даже без элементарных комментариев.

К 1907 г. относится начало деятельности ныне покойного С. Е. Малова по сбору материалов болгаро-татарской эпиграфики, которые легли в основу его позднейших публикаций.³⁰ В этих работах проявилась все та же тенденция отождествления чуваш с булгарами.

Значительно иной характер приняло изучение болгаро-татарских эпиграфических памятников в советский период, особенно в 1925—1930 гг. — в период оживления краеведческой работы силами членов различных обществ (Общество татароведения, Общество изучения Татарстана).

Начало комплексному изучению эпиграфических памятников положил в своей программной статье, посвященной этому вопросу, П. Е. Корнилов: „До сих пор это изучение, — писал он, — протекало исключительно по линии лингвистики... Изучение надгробных памятников, как памят-

²⁶ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвалй Казан ва Булгар, т. I. Казань, 1897, стр. 15, 26, 27, 28, 121, 122, 131; т. II, Казань, 1900, стр. 36 (на татарском языке).

²⁷ Там же, стр. 28. — Ныне надгробие это находится во дворе Гос. музея ТАССР.

²⁸ К. Насыри. Сборник неизданных произведений, Казань, 1926.

²⁹ Г. Ахмаров. История Булгарии. Казань, 1908, стр. 120—128. (На татарском языке).

³⁰ С. Е. Малов. Булгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпигр. Востока, I, М.—Л., 1947, стр. 38—45; II, М.—Л., 1948, стр. 41—48.

ников материальной культуры, не имело места до сих пор, но нам хорошо известно из личных наблюдений, что последние являются единственными носителями древней орнаментики, совершенно забытой к нашим дням в других видах изобразительного искусства; в форме самих памятников мы можем кое-что почерпнуть для понимания архитектурных деталей прошлого... Изучение надписей дает материалы лингвистического и историко-бытового характера".³¹

В эти годы предпринимается целый ряд экспедиций, некоторые со специально эпиграфической целью. В 1925 г. проф. Н. И. Воробьевым были обследованы болгаро-татарские надгробия в ряде пунктов Мамадышского кантона.³²

Осенью 1926 г. Н. Ф. Калининым была проведена большая работа по изучению татарского кладбища XVIII в. в г. Казани и зарегистрировано до 35 чардуганов (надгробных сооружений) и текстов. Ввиду того что это кладбище до настоящего времени не сохранилось, работа эта является весьма ценной, хотя она существует лишь в виде рукописи.³³

Плодотворную работу в 1927—1928 гг. проделала комплексная экспедиция Общества татароведения. Материалы этих поездок были отражены в целом ряде публикаций о надписях на надгробиях и художественной ценности их — главным образом на страницах такого издания, как „Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР“, ставшего популяризатором исследований по эпиграфике.³⁴

Впервые в этих работах, особенно в сводной работе Али Рахима,³⁵ обращается внимание на языковую сторону татарских надгробий XVI—XVII вв., титулатуру, орнаментацию,

³¹ П. Е. Корнилов. К изучению эпиграфического резного камня болгаро-татарской эпохи. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 3.

³² Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТАССР. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 11—13.

³³ Н. Ф. Калинин. О старом татарском кладбище в Казани. 1928. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

³⁴ Али Рахим. 1) О двух татарских надгробных памятниках XVII в. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань, 1929, стр. 14—21; 2) Болгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае. Там же, вып. IV, Казань, 1930, стр. 49—57; П. Дульский. Несколько слов по поводу орнаментирования татарских памятников XVI—XVII вв. Там же, вып. III, Казань, 1929, стр. 22—26; И. Н. Бороздин. Два татарских надгробия близ городища „Иски Казань“. Там же, вып. IV, Казань, 1930, стр. 58—64.

³⁵ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в. Труды Общества изучения Татарстана, т. 1, Казань, 1930, стр. 145—172.

палеографию надписей и даже стиль. Однако в отношении последнего Али Рахим допустил явную ошибку, отрицая преемственную связь между стилем надгробий XIV и XVI вв. Отрицание им связи болгар и татар выражается и в том, что он вообще не придавал серьезного значения болгарским надгробиям, игнорируя их наличие в Заказанье — в этой, по его словам, „исконной стране татар“. По-видимому, причиной была тенденция рассматривать эти надгробия в отрыве от истории болгар, но в связи с Золотой Ордой (см. главу III настоящей работы, стр. 147). Н. Ф. Калинин, критикуя это ошибочное положение, указывал: „Как мы увидим ниже, в XIII—XIV вв. господствовало два разных стиля. Один из них имеет полную преемственную связь со стилем XV—XVI вв. Здесь линия развития совершенно непрерывна“.³⁶

С своей стороны, на основе разбора болгарских памятников I и II стилей (см. главу III настоящей работы) мы должны сказать, что в стиле татарских надгробий XV и XVI вв. воплощены почти в равной мере типологические элементы как I, так и II стилей болгарских надгробий. Поэтому нам кажется, что приведенное указание Н. Ф. Калинина справедливо преимущественно в отношении лишь языка памятников. Мы здесь не можем согласиться с Али Рахимом и в том, что язык I стиля болгарских надгробий — это язык джагатайский, а памятники II стиля, возможно, принадлежали чувашам-мусульманам.³⁷

П. М. Дульский в своих опубликованных трудах впервые обстоятельно разбирает орнаментацию татарских надгробий с точки зрения их генезиса; справедливо указывая на связь ее с болгарским искусством, он говорит: „При изучении татарского искусства в прошлом большое значение должен иметь сравнительный анализ болгарской орнаментуры XIII в. с мотивами татарских резных камней XV—XVIII вв., и если искусство древних болгар служило до некоторой степени первоисточником для казанских татар, то как раз одни и те же сюжеты, встречающиеся в декоративном татарском искусстве в мотивах XV—XVIII вв., только подтверждают и документируют эту близкую связь творчества татар, долгое время питавшихся источниками болгарской культуры“.³⁸

³⁶ Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии..., стр. 14.

³⁷ Али Рахим, Г. Газис. История татарской литературы, т. I, ч. 2, Казань, 1923, стр. 52, 58.

³⁸ П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту. Труды Казанского института инженеров коммунального строительства им. Горького, вып. IV, Казань, 1936, стр. 76—77.

Но наибольшее оживление в исследовании эпиграфических памятников, всестороннее и систематическое их изучение, подчиненное насущным задачам изучения истории татарского народа, в частности его этногенеза, начинается с момента организации в 1939 г. Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ИЯЛИ), а особенно с момента создания Казанского филиала Академии наук СССР (КФАН), являющегося одним из показателей осуществления на практике благотворной ленинской национальной политики.

С декабря 1941 по декабрь 1942 г. при ИЯЛИ под председательством старшего научного сотрудника Н. Ф. Калинина и при участии А. Б. Булатова, Л. З. Залялетдинова и С. Е. Малова работала Комиссия по болгаро-татарской эпиграфике. „В тяжелую годину Великой отечественной войны, — пишет в своей работе Н. Ф. Калинин, — когда весь народ напрягает все силы на разгром ненавистного врага, когда идет напряженная борьба за существование, за счастье всего человечества, Институт правильно дал историкам и лингвистам направление, возможности и средства на те мероприятия, которые призвана была провести наша Комиссия“.³⁹

Здесь нет надобности подробно рассказывать о всей огромной работе, которая проведена этой Комиссией как в стенах Государственного музея ТАССР, с его большим фондом памятников, так и в экспедициях по районам Татарии, Чувашии и в Болгары, где было обнаружено много еще неизвестных, неопубликованных памятников. В результате были созданы три тома Альбома болгаро-татарской эпиграфики, состоящие из фотографий 253 памятников с комментариями и научной транскрипцией.⁴⁰ Значительное число этих памятников — болгаро-татарские надгробные надписи.

Огромное значение этих альбомов определяется тем, что они были предметом повседневного пользования для научных работников, аспирантов различных профилей — историков, археологов, лингвистов и др. Однако альбомы эти не свободны и от ряда недостатков. Значительны погрешности в научной транскрипции текстов, которые на сегодня в значительной мере исправлены общими силами пользующихся ими. В альбомах нет хронологического расположения датированных памятников, в основном представленных эпитафиями. Однако все это не умаляет их значения как ценного пособия и пер-

³⁹ Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии..., стр. 1.

⁴⁰ См.: Н. Ф. Калинин. Итоги работы Комиссии...

вого опыта собрания огромного числа эпиграфических памятников.

После открытия КФАН в ИЯЛИ сосредоточивается большая работа по комплексному изучению (историческое, археологическое, этнографическое) истории татарского народа, не говоря уже о большой литературной и лингвистической работе.

После войны, в связи с ростом полевых исследований, предпринимаемых историко-этнографическими и археологическими экспедициями ИЯЛИ, соответственно возглавленными проф. Н. И. Воробьевым и старшим научным сотрудником Н. Ф. Калининым, изучение эпиграфических памятников тесно переплетается с широким использованием их в ряде крупных работ историков, археологов и лингвистов Татарии.⁴¹

Здесь следует отметить находки эпиграфических памятников историко-археологической экспедицией КФАН в бассейне р. Казанки (1945 г.), в особенности памятников у с. Ямашурмы (Высокогорского р-на), среди которых имеется редкая позднеболгарская эпитафия.⁴² По ошибке раньше эти памятники считались найденными автором этих строк.⁴³

В 1946 г. на сессии Академии наук СССР, посвященной происхождению казанских татар, впервые были использованы материалы болгарской эпиграфики для решения этого важнейшего вопроса советской исторической науки. Еще шире работа в области болгаро-татарской эпиграфики получила отражение на конференции по древней и средневековой истории Среднего Поволжья в 1956 г. в Казани.

В связи же с этногенезом казанских татар в работе проф. Н. И. Воробьева о расселении последних широко используется эпиграфический материал, в частности, составленная автором этих строк карта распространения болгаро-татарских эпиграфических памятников,⁴⁴ которая использована и в за-

⁴¹ Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар. Сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 96—104; Л. Залай. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка). Там же, стр. 81—89, 156—157. Х. Г. Гимади. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды. Сб. „Материалы по истории Татарии“, вып. I, Казань, 1948, стр. 223—224.

⁴² О. С. Хованская. Историко-археологические памятники левого берега рр. Казанки и Кисьмеса. 1952. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

⁴³ Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпиграфики. Эпигр. Востока, XI, М.—Л., 1956, стр. 46.

⁴⁴ Н. И. Воробьев. Материалы по истории расселения казанских татар в XV—XIX вв. в связи с их этногенезом. 1950. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

щищенной кандидатской диссертации Ш. Ф. Мухамедьярова.⁴⁵ Вопросу происхождения казанских татар, а также истории и классификации эпиграфических памятников были посвящены мои опубликованные работы, являющиеся органической частью настоящего исследования.⁴⁶

На материалах же полевых исследований, во время которых было обнаружено много новых интересных памятников, был написан и опубликован ряд работ по болгаро-татарской эпиграфике.⁴⁷

Обобщению небольшого опыта по методике фиксации надписей была посвящена моя небольшая заметка „Простой способ фиксации надписей“.⁴⁸

Итогом эпиграфических исследований в Башкирии в 1953 — 1957 гг. является работа, посвященная эпиграфическим памятникам запада Башкирии,⁴⁹ материалы которой опубликованы и использованы в данной монографии.⁵⁰

За последние годы в печати появились работы, имеющие отношение к языку болгарских памятников II стиля. Точнее говоря, это критика языковой стороны теории болгарского происхождения казанских татар Б. А. Серебренниковым, В. Д. Дмитриевым и Н. А. Андреевым.

Заслуживает внимания мнение Б. А. Серебренникова относительно обособленности болгарского и чувашского языков еще до появления их в Среднем Поволжье. Справедлив он в своей критике разделения болгарского языка на так называемые I и II диалекты, которые он рассматривает как два

⁴⁵ Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический строй Казанского ханства. М., 1950. (Диссертация; хранится в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина).

⁴⁶ Г. В. Юсупов. 1) Татарские эпиграфические памятники XV в. (К вопросу о происхождении казанских татар). Эпигр. Востока, V, М.—Л., 1951, стр. 78—94; 2) К вопросу об истории и классификации..., стр. 44—53.

⁴⁷ А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги. 1949. (Рукопись; хранится в книжной палате ТАССР); Г. В. Юсупов, Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в., найденные летом 1947 г. Эпигр. Востока, IV, М.—Л., 1951, стр. 68—75; Г. В. Юсупов. О некоторых болгарских эпиграфических памятниках. Эпигр. Востока, VII, М.—Л., 1953, стр. 26—29.

⁴⁸ Г. В. Юсупов. Простой способ фиксации надписей. Эпигр. Востока, V, М.—Л., 1951, стр. 134.

⁴⁹ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники западных районов БАССР.

⁵⁰ Г. В. Юсупов. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища. Сб. „Вопросы башкирской филологии“, М., 1959, стр. 120.

самостоятельных языка,⁵¹ а также в кратком начертании генезиса чувашского языка.⁵² Однако с рядом утверждений Б. А. Серебренникова мы не можем согласиться, о чем будет речь ниже.⁵³ Что касается работ В. Д. Дмитриева⁵⁴ и Н. А. Андреева,⁵⁵ то положения их нам кажутся тенденциозными и неверными.⁵⁶

В настоящее время накоплено до 300 эстампажей надписей, снятых разработанным мною способом; так был создан фонд древних надписей, хранящихся в архиве Казанского филиала АН СССР.

Таким образом, накопленный значительный материал и опыт по изучению болгаро-татарских эпиграфических памятников находят достойное применение в исторических, лингвистических и других науках, помогая в разрешении насущных задач, поставленных перед нами партией и правительством.

⁵¹ Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров ЧАССР, вып. XIV, 1956, стр. 74—75.

⁵² Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка. Сб. „О происхождении чувашского народа“, Чебоксары, 1957, стр. 40.

⁵³ См. в разделе „О языке болгарских надгробий II стиля“.

⁵⁴ В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа. Сб. „О происхождении чувашского народа“, Чебоксары, 1957.

⁵⁵ Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными болгарских надгробных надписей. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров ЧАССР, вып. XIV, 1956, стр. 236—245.

⁵⁶ См. в разделе „О языке болгарских надгробий II стиля“.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Пределы Татарской АССР охватывают преобладающую часть бывшей территории государства волжских булгар, а позже казанских татар и являются основным местом сосредоточения их культурных остатков. Немалое значение среди последних имеют булгаро-татарские кладбища, так называемые *Иски зийārāt*, с интересующими нас надгробными камнями. Имеются эти памятники и в соседних с Татарией областях и автономных республиках, особенно в восточных районах Чувашии.

Начнем обзор прилагаемой нами карты распространения булгаро-татарских надгробий.¹ Булгарские надгробия конца XIII—XIV вв. сосредоточены компактно в ТАССР:

1) в западном Закамье,² преимущественно до р. Шешмы, а в отдельных случаях и до р. Зай;

2) в южном Предволжье до широты устья р. Камы, охватывая здесь и самые восточные районы Чувашской АССР;

¹ Произведенный нами опыт картографирования мест находок булгаро-татарских надгробных памятников ни в коей мере не претендует на полный охват таковых и отражает не количественную сторону, а лишь топографию их. Карта составлена как по литературным данным, так и по моим и Н. Ф. Калинина материалам.

² „Территорию Среднего Поволжья при рассмотрении обычно принято разделять на следующие части: Предкамье, Северное Предволжье, Южное Предволжье и Закамье. Территория левобережья Волги к северу от Камы называется Предкамье. Долиной р. Вятки оно разделяется на Зап. Предкамье или Заказанье и Вост. Предкамье или Елабужскую сторону. Правобережье Волги до широты устья р. Камы называется Сев. Предволжье, а южнее — Южное Предволжье. Левобережье Волги к югу от р. Камы называется Закамье, причем до р. Шешмы выделяется Зап. Закамье, а к востоку от нее Вост. Закамье“. (Н. И. Воробьев. Материалы по истории расселения казанских татар...).

3) в западном Предкамье, т. е. Заказанье, где на сегодня нам известно 13 пунктов с болгарскими надгробиями; здесь самая северная точка распространения этих надгробий — с. Старый Ашит Тукаевского р-на ТАССР, где в 1947 г. нами были найдены два памятника XIV в.,³ самой же восточной точкой является Кирменское городище (Мамадышский р-н ТАССР) с его памятниками XIV в.

В пределах Ульяновской обл. мы имеем надгробия XIV в. в сс. Матвеевка, Архангельское, Тат. Калмаюр. Южной границей распространения болгарских надгробий является г. Батраки Куйбышевской обл.⁴

Самым северным пунктом распространения болгарских эпитафий является д. Гордино Балезинского р-на Удмуртии. Найденный здесь довольно плохой сохранности памятник с надписью на древнеболгарском языке датируется 1323 г.

Пункты распространения болгарских надгробий XIII—XIV вв.:⁵

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
1.	Болгары.	Куйбышевский.	
2.	Ямбухтино.	"	
3.	Сухие Курнали.	Алексеевский.	
4.	Кубассы.	Чистопольский.	
5.	Сосновый Ключ (Нарат-Елга).	"	
6.	Городище Жуке-Тау.	"	
7.	Змиево.	"	
8.	Тат. Толкиш.	"	
9.	Верхний Толкиш.	"	
10.	Каргалы.	Кзыл-Армейский.	
11.	Ст. Ромашкино.	"	
12.	Исляйкино.	"	
13.	Тат. Тукмаклы.	"	
14.	Верх. Никиткино.	Ново-Шешминский.	
15.	Красная Кадка.	Шереметьевский.	
16.	Ст. Сауруш.	Аксубаевский.	
17.	Барское Енарускино.	"	
18.	Н. Демкино.	"	
19.	Ст. Ибрайкино.	"	
20.	Тяжбердино.	Алькеевский.	

³ Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов. Болгарские эпитафические памятники XIV в. . . ., стр. 68—75.

⁴ Г. В. Юсупов. О некоторых болгарских эпитафических памятниках, стр. 26—27.

⁵ Наименование районов дается по состоянию на 1 января 1959 г.; порядковые номера населенных пунктов нанесены на приведенную выше карту. Принадлежность района к ТАССР не оговаривается.

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
21.	Тат. Шапкино.	Алькеевский.	
22.	Матвеевка.	Ст. Майнский Улья- новской обл.	
23.	Б. Тарханы.	Больше-Тарханский.	
24.	В лесу на правом бе- регу р. Волги в 10 км к востоку от с. Б. Тар- ханы.	"	
25.	Урюм.	"	
26.	Билярск.	Билярский.	
27.	Ново-Чувашский Адам.	"	
28.	Русская Серда.	Пестречинский.	
29.	Тетюши.	Тетюшский.	
30.	Б. Шемякино.	"	
31.	Б. Атрясы.	Апастовский.	
32.	Кульгуны.	"	
33.	Салтыганово.	Камско-Устьинский.	
34.	Байглычево.	Чувашская АССР.	
35.	Б. Яльчики.	"	
36.	Байтеряково.	"	
37.	Б. Ошняк.	Рыбно-Слободский.	
38.	Дигитли.	Мамадышский.	
39.	Н. Яки.	"	
40.	Тат. Кирмени (Кир- менское городище).	"	
41.	Б. Нырсы.	Тюлячинский.	Там же XV, XVII вв.
42.	Таутермень.	"	
43.	Кибя-Кози.	"	Там же XVI в.
44.	Казань (ферма № 2 на озере Кабане).		В Казани же XVI в.
45.	Измя.	Сабинский.	Там же XVI в.
46.	Ст. Кишит.	Тукаевский.	Там же XVI, XVII вв.
47.	Ст. Ашит.	Тукаевский.	Там же XVI в.
48.	Рус. Сарсазы.	Чистопольский.	
49.	Ст. Баран.	Кузнечихинский.	
50.	Рус. Урмат.	Высокорский.	Там же XVI в.
51.	Архангельское.	Чердаклинский, Улья- новская обл.	
52.	Тат. Калмаюр.	То же.	
53.	г. Батраки.	Куйбышевская обл.	
54.	Ямашурма.	Высокорский.	Там же XVI в.
55.	Тат. Азелей.	Нурлатский.	Там же XV в.
56.	близ г. Уфы.	Башкирская АССР.	С. Чишмы.

Такое расположение болгарских надгробий совпадает с границами Булгарского государства (в позднюю его эпоху) которые определяются и другими археологическими памятниками.⁶

⁶ А. П. Смирнов. Волжские болгары. М., 1951, стр. 5.

За пределами ТАССР самые восточные болгарские надгробия мы имеем у с. Чишмы (Чишминского р-на БАССР), в 45 км к югу от г. Уфы. Из двух памятников один, датируемый 1339 г., находится на кладбище Акзират в 500 м к востоку от с. Чишмы, в мавзолее Хусейн-бека; другой же находился на старом, ныне не существующем кладбище, у поселка Красный ключ, в 700—800 м к северо-западу от с. Чишмы, где, по рассказам стариков, ранее было более 10 подобных памятников. Памятник этот в 1954 г. нами доставлен в Краеведческий музей БАССР в Уфе. В полукилометре к западу от этого поселка имеется место, называемое Сын-Таш, ранее почитавшееся окрестным населением. Здесь до недавнего времени стояли два надгробных памятника с арабскими надписями. Текст одного из них был прочитан с существенными искажениями группой духовенства во главе с муфтием в 1909 г.⁷ Как по языку и содержанию, так и палеографически упомянутые памятники не оставляют сомнения в принадлежности их к болгарским. Явным признаком этого, например, является и болгарский титул *یواری* (*йўварі* 'военный муж'), прочитываемый на одном из них.⁸

Освоение заказанских земель, начавшееся еще до монгольского завоевания, особенно интенсивно шло во второй половине XIV в. С 1236 г. население Булгарии бежало сюда от монгольских захватчиков. „Тое же осени, — говорится в летописи, — придоша от восточные страны в болгарскую землю безбожные татары, и взяша славный великий город болгарский, и избиша оружием старого и уного, до сущего младенца, взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша“.⁹ Эти переселения продолжались в значительных размерах в течение всей золотоордынской эпохи.

Последующее массовое переселение (в конце XIV в.) болгарского населения на север из основных мест сосредоточения его — Закамья — связано с происшедшими во второй половине XIV в. событиями, когда внутреннее устройство Булгарского государства претерпевает значительные изменения, впоследствии приведшие к его распаду. Конкретно это было обусловлено рядом военных ударов, — как со стороны Золотой Орды — Булат-Тимура (в 1361 г.), так и других сосе-

⁷ Журнал „Ма'лумат“, 1909, № 35, Уфа, стр. 854—855.

⁸ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники западных районов БАССР, рукопись, стр. 23.

⁹ ПСРА, т. 1, стр. 45.

дей, — повторявшихся вплоть до 30-х годов XV в.¹⁰ Эти походы и нападения так ослабили Булгарское государство, что оно не могло уже оказать серьезное сопротивление набегам кочевников с юга, в силу чего населению его оставался только один выход — переселяться на север, в Заказанье. Отсутствие в Закамье надгробий второй половины XIV в. позволяет говорить о довольно быстром темпе переселения и некотором запустении края. Именно с этим мы связываем факт отсутствия за данный период (с 60-х годов XIV в. по 40-е годы XV в.) надгробных памятников вообще, кроме найденных в Заказанье двух памятников, датированных 1382 г. (с. Ямашурма Высокогорского р-на) и 1399 г. (с. Б. Нырсы Тюлячинского р-на ТАССР).

Этот факт несомненно является результатом переселения основной массы булгарского населения в междуречье Волги и Вятки и северное Предволжье — центр созданного там впоследствии (около середины XV в.) Казанского ханства.

Наличие близ Казани булгарских надгробий конца XIII в. и факт чеканки монет в конце XIV и в начале XV в.¹¹ несомненно указывают на значительную политико-экономическую роль Казани в Булгарском государстве. Поэтому вполне естественна происшедшая впоследствии, в силу исторической ситуации, концентрация основного населения Булгарии вокруг Казани и перемещение сюда ее политического центра.

Памятников XV в. мы имеем очень немного, что также обусловлено историческими причинами. Все эти памятники, за исключением одного, который находится в северном Предволжье (с. Тат. Азелей Нурлатского р-на), сосредоточены лишь в Заказанье, и самый ранний из них датирован 1443 г.

Пункты распространения татарских надгробий XV в.:

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
57.	Б. Нырсы.	Тюлячинский.	Там же XIV и XVII вв.
58.	Тат. Ходяшево.	Пестречинский.	Там же XVI и XVII вв.
59.	Урывкино.	»	XV в. (предполож.).
60.	Камаево (около городища Иски-Казан).	Высокогорский.	Там же XVI в.
61.	Тат. Азелей.	Нурлатский.	Там же XIV в.
62.	Ниж. Верески.	Тукаевский.	Там же XVI в.
63.	Ст. Мичень.	Сабинский.	XV в. (предполож.).
64.	Ср. Агы.	Арский.	Там же XVI в.

¹⁰ Н. И. Воробьев. Материалы по истории расселения казанских татар. . . , стр. 40—41.

¹¹ А. Б. Булатов. Светинский клад. 1951. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

Такое расположение надгробий XIV—XV вв. еще раз убеждает нас в происшедших во второй половине XIV и начале XV в. перемещениях населения Булгарского государства из Закамья и южного Предволжья в Заказанье и северное Предволжье, что также подтверждается, как увидим в следующей главе, и преемственной связью между надгробиями XIII—XIV вв., с одной стороны, и XV—XVI вв., с другой.

Первая половина XVI в. — период расцвета феодальных отношений в Казанском ханстве — дает нам снова значительное число пунктов распространения надгробий: более 50 пунктов, учтенных нами, и некоторое количество не учтенных. Всего к 1957 г. выявлено 150 надгробий XVI в. На западе они доходят до пределов Чувашии, где распространяются вплоть до р. Суры (по устному сообщению проф. Н. И. Воробьева). Памятники этого времени на севере доходят до с. Нижн. Ура Тукаевского р-на ТАССР; а еще севернее мы их встречаем вне пределов ТАССР, в с. Карино (Нукрат) Слободского р-на Кировской обл. Самым южным пунктом в Заказанье был памятник XVI в. (ныне исчезнувший) в с. Епанчино Лаишевского р-на ТАССР. В Предволжье эти памятники южнее широты устья р. Камы мы встречаем только в одном пункте (Мантово Большеетархановского р-на ТАССР).

Из-за недостатка сведений мы не говорим об их распространении на территории Чувашии, которая также была в пределах казанского ханства, однако по данным Краеведческого музея ЧАССР мусульманские надгробия там найдены в 22 пунктах. Об этом сообщается и в научной литературе.¹²

Памятники XVI в. на восток от центра казанского ханства распространяются недалеко (д. Берсут-Сукачи Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР). Нам совершенно не известны они и в Закамье. Однако земли Казанского ханства здесь, видимо, простирались до р. Ик. На это косвенно указывают архивные документы о земельной тяжбе в XVII в.¹³ татар с ирехтинскими башкирами из-за земель по р. Ик. В документах этих делается ссылка на тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея (1523 г.) о предоставлении некоему Шейх-Ахмеду с семью товарищами земель в лен (سویورعاب — *сойургал*). Факт этот получил отражение и в найденной в 1956 г. на р. Ик (с. Исламбахино Ермакеевского р-на БАССР) экспедицией БФАН СССР *шэжэрэ* 'родословной' обладателя ука-

¹² Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. П. Романова, А. Р. Симонова. Чуваши, ч. 1. Чебоксары, 1956, стр. 38.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1350, оп. 56, 1823, д. 563, ч. 1, л. 439.

занного ярлыка.¹⁴ Родословная его такая: Малика сын Кайкы-би, его сын Сулейман, его сын Мухаммед, его сын Шейх-Ахмед. В примечании написано:

.....صاحب گرای حاندان
بیرو لیکان کرامطا شیخ احمد محمد اوعلی
یتی کشلار ایلان یقن اعلا
نلاری ایلان طارعان دیب اسملا توب“

(„Грамота, выданная ханом Сахиб-Гиреем Шейх-Ахмеду сыну Мухаммеда с семью товарищами и близкими огланами, наделив тарханским званием“). Таким образом, становится ясным, что земли по р. Ик входили в состав территории казанского ханства.

Пункты распространения татарских надгробий первой половины XVI в.:

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
65.	Ниж. Ура.	Тукаевский.	Там же XVII в.
66.	Ст. Узюм.	„	Там же XVII в.
67.	Ст. Ашит.	„	Там же XIV в.
68.	Ст. Кишит.	„	Там же XIV в.
69.	Ст. Менгер.	„	
70.	Малая Атия.	„	
71.	Ниж. Верески.	„	
72.	Б. Березе.	„	
73.	В. Серда.	„	
74.	Чувашли.	Дубьязский.	
75.	Альдермыш.	„	
76.	Ибра.	„	
77.	Айбаш.	„	
78.	Мемдель.	„	
79.	Русск. Айша и Тат. Айша.	„	
80.	Токтамыш.	„	Там же XVII в.
81.	Чирши.	„	
82.	Хохлово.	Высокогорский.	
83.	Ямашурма.	„	Там же XIV в.
84.	Чепчуги.	„	
85.	Куркачи.	„	
86.	Русск. Урмат.	„	Там же XIII в.
87.	Камаево (городище Иски-Казан).	„	Там же XV в.
88.	Чемерцы.	„	

¹⁴ Шэжэрэ хранится в библиотеке БФАН СССР. Переписана она в 1807 г. в медресе Хисамутдина Муминова.

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
89.	Кишметьево.	Арский.	
90.	Нижн. Серда.	"	
91.	Кодряково.	"	
92.	Ср. Аты.	"	Там же XV в.
93.	Верхн. Аты.	"	
94.	Б. Березки. Б. Березки	"	
95.	Наласы.	"	
96.	Ниж. Метески.	"	Там же XVII в.
97.	Казылино.	"	
98.	Верхн. Корса.	"	По отчету О. С. Хованской (1945 г.).
99.	Стар. Масра.	"	
100.	Измя.	Сабинский.	Там же XIV в.
101.	Верхн. Кибя-Кози.	Тюлячинский.	Там же XIV в.
102.	Тямти-Метески.	"	
103.	Ст. Зюри.	"	
104.	Тямти (крещено-татарский).	"	
105.	Шадки.	"	
106.	Кибячи.	"	XVI в. (предполож.).
107.	Казаклар.	Кзыл-Юлдузский.	
108.	Ташли-Ковали.	Дубьязский.	
109.	Берсут-Сукачи.	Кзыл-Юлдузский.	
110.	Б. Салтань.	Рыбно-Слободский.	
111.	Пановка.	Пестречинский.	
112.	Юнусово.	"	
113.	Тат. Ходяшево.	"	Там же XV в.
114.	Казань (найден у б. Гостиного двора).		
115.	Епанчино.	Лаишевский.	
116.	Васюково.	Нурлатский.	
117.	Кугушево.	"	
118.	Бакарчи.	"	
119.	Нурлаты.	"	
120.	Молвино.	"	
121.	Тат. Танаево.	"	
122.	Мантово.	Б. Тарханский.	
123.	М. Кайбицы.	Кайбицкий.	
124.	Ямбухтино.	Апастовский.	
125.	Шигали.	Янтиковский, ЧАССР	
126.	Карино.	Удмуртская АССР.	
126а.	Мал. Шинар.	Сабинский.	

Таким образом, пределы распространения камней первой половины XVI в. — это в основном территория казанского ханства в период его расцвета.

Во второй половине XVI в. количество надгробий сходит почти на нет. За этот период мы пока знаем только памятник 1594 г. из с. Ст. Менгеры Тукаевского р-на ТАССР, что несомненно является следствием коренной ломки политиче-

ского устройства края, происшедшей в связи с присоединением его к Русскому государству.

В XVII в. замечается некоторое увеличение числа памятников по сравнению с только что указанным периодом, однако далеко не до того количества, какое было в первой половине XVI в. Пределы распространения их те же: Заказанье, Северное Предволжье (предположительно к этому же времени относятся памятники в с. Ст. Урмары Урмарского р-на ЧАССР).

Пункты распространения татарских надгробий XVII в.:

№№ п. п.	Населенный пункт	Район	Примечание
127.	Нижн. Ура.	Тукаевский.	Там же XVI в.
128.	Ст. Узюм.	"	Там же XVI в.
129.	Бизяки.	Бондюжский.	
130.	Тураево.	"	
131.	Максабаш.	Тюлячинский.	
132.	Б. Нырсы.	"	Там же XIV и XV вв.
133.	Тат. Ходяшево.	Пестречинский.	Там же XV и XVI вв.
134.	Чита.	"	XVII в. (предполож.).
135.	Олуяз.	Кукморский.	
136.	Мамаширово.	"	
137.	Дусаево.	Таканышский.	
138.	Таканыш.	"	
139.	Именьково.	Лаишевский.	
140.	Нурлаты.	Нурлатский.	Там же XVI в. ✓
141.	Ошма.	Мамадышский.	
142.	Нижн. Метески.	Арский.	Там же XVI в. ✓
143.	Ст. Урмары.	Урмарский р-н ЧАССР.	
144.	Б. Менгеры.	Тукаевский.	
145.	Токтамыш.	Дубьязский.	Там же XVI в.
146.	Смаил.	Балтасинский.	XVII в. (предполож.).
147.	Качелино.	Арский.	
148.	Б. Нырты.	Сабинский.	

Из указанных памятников XVII в. надгробия Ст. Узюма и Нижн. Метески относятся к первой половине XVII в., а все остальные составляют особый стиль надгробных камней второй половины XVII в.

Следует при этом учесть, что многие надгробия были уничтожены, либо исчезли и не обнаружены. В особенности это относится к той части края, которая непосредственно прилегает к Казани и в которой преобладает русское население, естественно, относившееся к древним болгаро-татарским памятникам с меньшим чувством почитания. Совершенно уничтожены они были и в крупном центре, бывшей столице

Булгарии—Биляре, где Н. Рычковым (согласно сообщению о надписях, присланному ему одним муллою) отмечена самая древняя эпитафия, датированная 1173 г.¹⁵

„Вокруг видимых ныне развалин, — говорит Н. П. Рычков, описывая билярское кладбище, — находится множество стоящих и в землю утвержденных камней, которых высота составляет два аршина с половиной; и прочие части камней соответствуют сей стоящей громаде. Все они изписаны Арабскими и Татарскими словами, которые не иное что знаменовали, как имена землепреданных и обыкновенные их надгробные молитвы. При том надлежит знать, что все оные камни поставлены изображенными на них словами противу восхода солнца. Большая часть из сих могильных знаков лежали повержены на землю и разбиты нынешними жителями пригорода Билярска; да и самые же, которые стоят еще донныне целы, опустившись в землю, и видимы испортившиеся слова от древности их. Любопытство, желание, чтобы узнать имена на камнях изображенных, принудило меня списать слова на тех камнях написанные. Сие кладбище называют здешние жители Балын-Гус. Могометанцы не только здесь живущие, но и башкиры из отдаленных мест съезжаются летом к сим развалинам, признавая их местами священными“.¹⁶

Очень часто ныне мы не обнаруживаем надгробных памятников на местах, отмеченных в литературе. Так, нам не удалось не только найти памятник, но даже выявить очевидцев наличия памятника, некогда бывшего у с. Куземетьева Юдинского р-на ТАССР, о котором было сообщено В. Л. Борисовым на одном из заседаний Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.¹⁷ Также не увенчались успехом наши неоднократные поиски „древнего татарского кладбища, относящегося, по преданию, ко временам царства Казанского“, известного в окрестностях с. Шайтанова Челнинского р-на ТАССР (близ озера Могильного, где некоторые могильные плиты в XIX в. еще были целы).¹⁸ Однако о них нам удалось слышать предания от некоторых очевидцев.

¹⁵ [Н. П. Рычков]. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769—1770 гг. СПб., 1770, стр. 21.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В. Л. Борисов. Мусульманская надпись из дер. Куземетьево. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., 1899, т. XV, вып. 4, стр. 473.

¹⁸ П. Семенов. Географический словарь Российской империи, т. V, СПб., 1885, стр. 758.

Возможно, исчезновением многих памятников на местах нужно объяснить и факт отсутствия надгробий болгарских проповедников, во множестве упоминаемых в „Истории Булгарии“ Шараф ад-дином Булгарй. Лишь очень небольшое число указанных им кладбищ имеет ныне древние надгробия (с. Ст. Узюм Тукаевского р-на, с. Кутлу-Букаш Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР и др.).¹⁹

В результате этого — очень краткого — обзора приведенной выше карты можно заключить, что „из такого расположения эпиграфических памятников XIII—XIV вв., с одной стороны, и XV—XVI вв., с другой, мы ясно видим центры двух генетически связанных и исторически сменивших друг друга культур, в силу ряда причин не совсем совпадающих территориально, — это болгарская и казанско-татарская культуры“,²⁰ преемственную связь которых на имеющемся эпиграфическом материале мы попытаемся показать в главе III настоящей работы.

* * *

Если ныне мы совершим поездку в Заказанские районы ТАССР, то на пересеченной местности можем наблюдать довольно густую сеть татарских деревень, и возле каждой из них бросится в глаза выделяющаяся своими правильными очертаниями рошица. Разбросанные там и тут, большей частью на возвышениях, состоящие преимущественно из березы и ели, такие рошицы оживляют безлесный ландшафт этих районов. Своей строго четырехугольной, подчас приближающейся к квадрату формой они близко напоминают керемети поволжских финнов. Это ныне функционирующие татарские кладбища, где, однако, нередко можно встретить и надгробия XV, XVI, даже XIV в., что указывает на древнейшее происхождение некоторых здешних сел (села Тат. Азелей Нурлатского р-на, Тат. Ходяшево Пестречинского р-на, Ср. Аты Арского р-на, Б. Нырсы Тюлячинского р-на ТАССР и др.).

Иногда при татарских деревнях бывает по два и более кладбищ; те из них, которые уже давно не функционируют, обычно называются *иски зийарат* 'старое кладбище'; раньше они особо почитались населением. В них-то мы большей частью и находим интересующие нас древние надгробные памятники.

¹⁹ С. Казаклар близ Кутлу-Букаша.

²⁰ Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 78.

Размеры болгаро-татарских кладбищ колеблются в зависимости, очевидно, от длительности их функционирования. Так, когда на их территории мы обнаруживаем лишь болгарские памятники, то размеры их бывают обычно в пределах 40×70 — 70×100 м (кладбище у Кирменского городища). Когда же мы находим там надгробия нескольких столетий (XV—XVI или XIV—XVI вв.), размеры доходят и до 100×150 — 150×200 м (например, кладбище у с. Ст. Ашит Тукаевского р-на ТАССР с памятниками XIV и XVI вв.).

По могильным западинам, направленным с запада на восток, нетрудно догадаться об ориентировке погребений, у которых, по местным обычаям, надгробия ставились у изголовья, т. е. на западном конце могилы, надписью на восток. При этом обычно плита нижним концом своим уходит в землю на глубину 50—70 см. В некоторых случаях практиковали установку надгробного камня на широкую каменную плиту с четырехугольным отверстием, соответствующим по размеру толщине нижнего конца надгробия, врезанного в паз. Следует отметить отсутствие надгробий, установленных горизонтально, за редкими исключениями (с армянской надписью).

Нельзя пройти мимо наблюдаемой нами такой закономерной особенности расположения болгаро-татарских кладбищ по отношению к населенным пунктам или городищам, как нахождение тех и других преимущественно на противоположных берегах протекающей между ними речки или ручья. Например, это наблюдается на кладбищах у сел Ст. Ашит, Ст. Менгеры Атнинского р-на, Ст. Узюм Тукаевского р-на, Ямашурма Высокогорского р-на, Тяжбердино Алькеевского р-на, Б. Атрясы Апастовского р-на, Ср. Аты Арского р-на, Төрөк-Тямти Тюлячинского р-на; у городищ Чаллы, Змиево, Жукотин, Керменчук, Биляр, Измя Сабинского р-на, Сувар, Б. Тояба ЧАССР²¹ и во многих других местах.

От стариков-татар нам не раз приходилось слышать, что это диктовалось соображениями „безопасности“, т. е. стремлением оградить село от проникновения душ покойников (*öräk*), могущих причинять людям зло. Считалось, что *öräk*, так же как и *шурале* 'леший', не может перейти через воду.

Возле многих татарских деревень среди различных местных топонимических названий нам часто приходится слышать названия *Иски йорт* и *Йорт öсте*, которые почти всегда

²¹ А. П. Смирнов. Исследование городища и могильника эпохи Золотой Орды у с. Б. Тояба, Чув. АССР. Зап. Чув. научно-исслед. инст. яз., лит. и ист., вып. IV, Чебоксары, 1950, стр. 146—148.

бывают связаны с древним кладбищем. Первый из них — *Иски йорт* (буквально „Старый дом“) — несомненно есть название места старого селения,²² очевидно восходящего к болгарскому периоду, ибо кладбище, связанное с ним, имеет памятники XIV в. (с. Ст. Ашит Тукаевского р-на). Очень возможно, что это название, известное у древних тюрков как социально-родовой термин, означало территорию обитания хозяйственно-социальной единицы древних насельников края. Что касается второго — *Йорт өсте*, означающего буквально „поверхность дома“, „верх дома“, — то оно, очевидно, было термином, употреблявшимся ранее вместо арабского *зййәрәт* ‘кладбище’, исходя из расположения их в древности на возвышенных местах. Об этом же говорит, например, название, данное местными жителями кладбищу у с. Б. Атрясы Апастовского р-на, — *Шунгаты өсте*, по имени бывшего здесь, по преданию, города Шунгаты.²³ Небезынтересно в связи с этим указать, что у некоторых крещеных татар обряды, связанные с кладбищем (поминки), называются *кәбр өсте*. В данном случае слову *йорт* ‘дом’ в составе интересующего нас названия соответствует арабское *кәбр* ‘могила’. Могила есть дом в потустороннем мире — это поверие, общеизвестное в идеологии древних людей. Отсюда естественно и употребление термина *йорт* в названии кладбища, которое и ныне на языке стариков-татар образно называется *төл йорт* (буквально „основной дом“).

Важно здесь отметить и то, что нами зафиксированы и такие названия древних кладбищ, как *Ханнар зиараты* ‘Кладбище ханов’,²⁴ *Морзалар зийараты* ‘Кладбище мурз’,²⁵ которые указывают на существование в то время у феодальной верхушки своих особых кладбищ. Об этом же говорит народное предание о кладбище военачальников в с. Кульгуны Апастовского р-на.²⁶ О наличии ханского кладбища мы знаем из сообщения А. Кавелина.²⁷ По скоплению большого числа надгробных памятников на отдельных кладбищах (Б. Атрясы —

²² Под таким же названием (*Иски юрт*) имеются и села в ТАССР (Пестречинский и Сабинский р-ны). Считаю ошибочным отнесение названия *Иски йорт* также к кладбищу (на стр. 68, 69, 75 нашей работы „Булгарские эпиграфические памятники XIV в.“).

²³ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша, стр. 96.

²⁴ Кладбище у Кирменского городища (Мамадышский район), у с. Тямти Тюлячинского р-на.

²⁵ Кладбище у с. Янцевары Тюлячинского р-на.

²⁶ С. М. Шпилевский. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 496.

²⁷ А. Кавелин. Древние болгары. Казань, 1847, стр. 54—55.

до 50,²⁸ Кирменское — 27, Ст. Менгеры — 22 и т. д.) можно заключить, что в этих пунктах были значительные феодальные центры. Нередко вблизи них можно обнаружить другое кладбище, но уже без каменных надгробий, где лишь западины могильных ям дают знать, что это было кладбище широкого слоя трудового населения. О наличии отдельных кладбищ беднейшего населения упоминает по материалам раскопок г. Сувара проф. А. П. Смирнов.²⁹

Социальные различия наиболее четко отражались в характере надгробий. Огромные, хорошо оформленные плиты видим на могилах представителей феодальной верхушки, в то время как широкие слои трудового населения не в состоянии были ставить на могилы своих покойников более основательные памятники, чем кол или простой бутовый камень, помеченный родовым знаком — тамгой. Огромное количество таких простых памятников на татарских кладбищах поздних времен (XIX и начало XX в.), среди которых возвышаются несколько хорошо оформленных и с каллиграфической надписью памятников, принадлежавших баям и муллам села, воскрешают подобную же картину далекого прошлого.

Наконец, нельзя не отметить, что татарское население относится к этим кладбищам и надгробиям с особенным уважением и почтением, определяемым несомненно чувством предкопочитания. Благоговейное отношение татар-мусульман распространялось не только на наиболее известные болгаро-татарские кладбища в Болгарах, Биляре, б. Архиерейской даче близ Казани и др., но и на другие, менее известные. В 1947 г. нам приходилось, например, слышать о паломничестве, совершавшемся из отдаленных мест на такое малоизвестное кладбище, как староашитское (на севере Татарии).

Нередки случаи, когда по завещанию старика его хоронят на давно заброшенном участке рядом с древними могилами.

Случалось и так, что когда древние кладбища оказывались впоследствии на территории русских деревень, окрестные татары увозили к себе или покупали надгробные камни.³⁰ К этим камням со стороны татарского населения всегда проявлялось бережное (даже культовое) отношение, как к памятникам своих предков.

„В древних татарских селениях, основанных болгарами, — отмечает известный исследователь края М. Г. Худяков, — та-

²⁸ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвалі Казан вэ Булгар, т. 1, стр. 26—27.

²⁹ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 256.

³⁰ С. М. Шпилевский. Древние города... , стр. 408.

тары считают болгар своими предками, а болгарские кладбища — могилами своих отцов".³¹

В противоположность этому, можно наблюдать совершенно равнодушное отношение к этим памятникам со стороны чуваш, что отмечается и проф. Н. И. Воробьевым.³² Об этом же пишет в своем письме (от 21 июля 1951 г.) к проф. Н. И. Воробьеву чувашский этнограф Н. Р. Романов: „Татары ближайших селений часто приходили на это кладбище³³ на поклонение покойным и несколько камней увезли отсюда неизвестно куда. Чувашаи никакого почтения к этим памятникам не имели“. Такой же факт мы находим в заметке В. М. Магницкого „Старые, оставленные кладбища во 2-м стане Чебоксарского уезда“.³⁴

Таким образом, памятники эти, выражая религиозную форму общественного сознания своего времени и классовую принадлежность погребенного, впоследствии стали объектом своеобразного культа предков казанских татар.

Нельзя также не придавать значения и наличию на функционирующих ныне татарских кладбищах надгробий XIV, XV или XVI вв. Ввиду старинного татарского обычая, строго запрещавшего хоронить на данном кладбище посторонних покойников (татар-мусульман из других мест, умерших здесь случайно),³⁵ это обстоятельство несомненно говорит о преемственной связи населения этих сел с древнейшими насельниками края — булгарами.

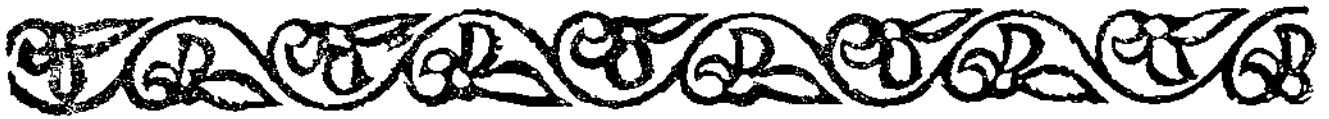
³¹ М. Г. Худяков. К вопросу о происхождении чуваш. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, 1927, № 4, стр. 135.

³² Н. И. Воробьев. Краткая история формирования чувашского народа и его культуры. (Глава из монографии „Чуваши“. Рукопись).

³³ Речь идет о древнем кладбище и надгробиях у с. Ст. Урмары Урмарского района Чув. АССР.

³⁴ Каз. губ. ведомости, 1866, № 46; приводится по: С. М. Шпилевский. Древние города. . . , стр. 510.

³⁵ В таких случаях их хоронили вне кладбища или отдельно совсем в другом месте (см.: Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов, Булгарские эпиграфические памятники XIV в. . . , стр. 69).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БУЛГАРО-ТАТАРСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ XIII—XVII вв.

(К вопросу о происхождении казанских и
уфимских татар)

Классификация болгаро-татарских надгробных памятников

Вопрос о классификации болгарских эпиграфических памятников практически впервые был поставлен Н. Ф. Калининым в связи с обсуждением на сессии Академии наук СССР в 1946 г. этногенеза казанских татар.¹

Рассматривая болгарские памятники конца XIII и XIV в., автор разделил их по языку и внешнему оформлению на два основных стиля, различая в то же время и стиль переходный. Существовавшие параллельно, эти два стиля резко различались. Так, к I стилю относились надгробия больших размеров, богато оформленные, с обширным текстом надписей, исполненных рельефным шрифтом сульс на тюркском языке со множеством арабизмов, эпитетов и родословий. Считая эти памятники распространенными в основном на Булгарском городище, автор относит их к „верхушке болгарского феодального общества, преимущественно столичного, в значительной степени арабизированного и пользовавшегося литературным языком того времени, каковым для нижнего и среднего Поволжья XIII—XIV вв. может считаться тюрко-кипчакский язык с сильными элементами арабизма“.²

Ко II стилю относятся памятники, имеющие широкое распространение, отличающиеся малыми размерами, значительно проще оформленные и с коротким текстом надписи,

¹ Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 96—104.

² Там же, стр. 104.

исполненной шрифтом куфи, с чувашизмами в языке, без эпитетов и родословий.

Памятники II стиля автор относит к „слою, стоявшему ниже на социальной лестнице: купцам, ремесленникам, менее знатным феодалам, язык которых был менее затронут влиянием литературы и арабской образованности“.³

И, наконец: „Третьего рода эпитафии носят черты переходного характера между первым и вторым стилем. От памятников первого стиля они отличаются меньшим размером, менее богатым оформлением, шрифтом прямых очертаний, но подобны им рельефным выполнением надписей. По сравнению с памятниками второго стиля они не имеют врезанных надписей, имеют большие размеры, текст от 8 до 14 строк, орнаментацию в форме розеток в верхней арочке, иногда выполненную сулюсом первую строку, в некоторых случаях отделенную от остального текста орнаментальной полосой“.⁴

Классификация эта, несмотря на целый ряд существенных недостатков и ошибочных положений, явилась большим шагом вперед в деле практического использования болгарской эпиграфики для пополнения и правильного истолкования истории народов Камско-волжского края. Она содействовала популяризации в научном мире факта существования в древнеболгарском языке известного среди лингвистов так называемого первого диалекта, близкого к современному казанско-татарскому языку. Этим был положен конец одностороннему использованию болгарской эпиграфики в вопросе этногенеза местного населения, что практиковалось долгое время сторонниками болгарской теории происхождения чуваш, использовавшими лишь памятники II стиля, т. е. с „чувашизмами“ в языке, как ошибочно было принято их называть, и оставлявшими совершенно в стороне памятники с языком, близким к современному казанско-татарскому.

Одним из существенных недостатков указанной классификации является то, что она включает лишь болгарские памятники конца XIII и XIV в. и не охватывает памятники XV, XVI и XVII вв., стало быть, не показывает преемственную связь болгарской и татарской эпиграфики.

Не менее существенной ошибкой является вытекающий из этой классификации вывод о классовом характере языка болгарского общества. Утверждение, что два параллельно существовавших стиля эпитафий отражают принадлежность

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 101.

надгробий двум слоям болгарского феодального общества, не подтверждается объективными фактами и противоречит данным науки.

Указанные в классификации Н. Ф. Калинина положения находятся в противоречии также и с имеющимися эпиграфическими материалами. Так, тщательно отделанные, больших размеров и с текстом до 12 строк эпиграфические памятники имеются и среди надгробий II стиля и не обнаруживаются преимущественно только в столице Булгарии, как отмечает автор, но встречаются в большом числе и в других местах (табл. 23, 25, 37).⁵ Как указано выше, согласно этой классификации язык надгробий ремесленников, купцов и менее знатных феодалов отражается в памятниках II стиля, однако мы имеем такие примеры, как памятники „золотых дел мастера“ (табл. 15), памятник „сборщика податей Ибрахима ал-Сувари“ (табл. 12), вся надпись которых целиком исполнена на „первом диалекте“ (т. е. на новобулгарском языке). Последний случай (т. е. надпись „ал-Сувари“, с тюркизмами в языке) еще более противоречит положению о переходном стиле в классификации Н. Ф. Калинина. Что касается эпитетов и родословий, характерных по этой классификации только лишь для I стиля, то их нетрудно найти также и на памятниках II стиля (табл. 11, 16, 17, 37).⁶ Так, на копии с одной такой надписи XIV в.⁷ перечисляется до девяти поколений, причем шестеро из упоминаемых имеют титул *یواری* (*йүварі*). Как видно, памятник этот принадлежал представителю болгарской родовой феодальной знати.

Следует отметить, что с этой классификацией не совмещается и такой факт, как наличие на кладбище при Кирменском городище, называемом *Ханнар зиараты* 'Кладбище ханов', надгробий II стиля, где, судя по названию кладбища, должны были находиться только памятники I стиля. Все исследованные нами там 14 эпитафий написаны на древнебулгарском языке. Наряду с простыми (табл. 34, 35, 36) есть там и довольно изящно оформленные экземпляры (табл. 24, 25, 28).

Ту же картину мы наблюдаем на большом болгарском некрополе у с. Б. Атрясы Апастовского р-на (табл. 18, 19,

⁵ Альбом болгаро-татарской эпиграфии (в библ. КФАН СССР), памятники №№ 221, 222, 227, 229.

⁶ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103—107.

⁷ Хранятся в Отделе редких книг и восточных рукописей Научной библиотеки Казанского гос. университета (№ 4942).

23), считающемся, как гласит предание, остатком довольно крупного болгарского города. Таким образом, имеющийся эпиграфический материал находится в явном противоречии с приведенной классификацией. Здесь следует указать на то, что принятое нами наименование (нумерация) стилей (I стиль — для меньшего числа памятников, написанных на новобулгарском языке, II стиль — для преобладающего числа памятников, написанных на древнебулгарском языке) не совсем оправдано, ибо следовало бы номера поменять местами. Однако учитывая, что наименование это уже известно в научной литературе, и не видя в этом принципиальной погрешности, считаем возможным оставить его без изменения.

Систематически проводившиеся исследования в 1948—1951 гг. в Татарии и в 1953—1957 гг. в Башкирии дали возможность собрать некоторый новый материал по интересующим нас болгаро-татарским эпиграфическим памятникам и лучше их изучить. Был выявлен ряд новых пунктов их сосредоточения и обнаружено немало интереснейших экземпляров.

Благодаря этому стало возможно заполнить такой пробел, как отсутствие памятников за период с середины XIV до конца XV в.;⁸ выявился новый стиль эпитафий второй половины XVII в. Были изучены никем пока не тронутые татарские надгробия XIX в., проливающие свет на развитие стиля и содержащие элементы типологии болгарской эпиграфики. Поэтому настал момент пересмотреть старую классификацию болгарских памятников и дать новую, с более широким хронологическим охватом, с тем чтобы показать преемственную связь болгарских и татарских эпиграфических памятников.

Историческая действительность, обусловившая развитие болгаро-татарской культуры, требует поставить во главу угла новой классификации хронологический принцип, подчинив ему типологический и языковый принципы. При этом последний, очевидно, будет иметь значение только по отношению к памятникам XIII—XIV вв. Что касается регионального принципа классификации, то для этого мы не имеем достаточных данных. Поэтому и памятники Башкирии также рассматриваются согласно данной классификации, но описываются отдельно.

Схематически наша классификация представляется в следующем виде:

⁸ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 148.

Время	Тип надписи		Язык	
	I стиль	II стиль	I стиль	II стиль
XIII—XIV вв.	Сульс рельефный.	Куфи врезанный и рельефный.	Новобулгарский язык.	Древнебулгарский язык.
XV в.	Простой врезанный шрифт; рельефный сульс.		Татарский.	
Первая половина XVI в.	Рельефный сульс.		Татарский.	
Вторая половина XVI и первая половина XVII в.	Рельефный сульс.		Татарский.	
Вторая половина XVII в.	Простой рельефный шрифт.		Татарский.	

Более детализируя эту схему, мы получим следующую картину:

XIII—XIV вв.	Шрифт: сульс рельефный.	Шрифт: куфи врезанный (редко рельефный).	Арабский.	Арабский и древнебулгарский.
	<p>Форма: прямоугольная с вырезанной сверху стрельчатой аркой с плечиками.</p> <p>Под аркой — формула: هو الحى الذى لا يموت وكل حى سيموت редко — шестиконечная звезда.</p>	<p>Форма: прямоугольная с вырезанной сверху стрельчатой или килевидной аркой с плечиками; верх в виде полукруглой арки; верх в виде стрельчатой арки.</p> <p>Под аркой — формула: هو الحى الذى لا يموت وكل حى سيموت формула: الحكم لله العلى الكبير</p>	Арабский и новобулгарский.	Арабский и древнебулгарский.

Время	Тип надписи		Язык	
	I стиль	II стиль	I стиль	II стиль
	<p>Бордюр: линейно-рельефный орнамент.</p> <p>Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи.</p>	<p>многолепестковая розетка; формула: بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ</p> <p>Бордюр: линейный, иногда линейно-рельефный орнамент.</p> <p>Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи; редко — надпись на боковой и обратной сторонах.</p>		
XV в.	<p>Шрифт: сульс рельефный; простой врезанный.</p> <p>Форма: прямоугольная; верх в виде стрельчатой арки; верх в виде полукруглой арки.</p> <p>Под аркой — шестиконечная звезда; формула: هو الحى الذى لا يموت و كل حى بِسْمِ اللَّهِ; формула: سي يموت الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ.</p> <p>Бордюр: редко — надпись; различного характера орнамент.</p>		Арабский и татарский.	
Первая половина XVI в.	<p>Шрифт: сульс рельефный.</p> <p>Форма: верх в виде стрельчатой арки; иногда — в виде килевидной арки; редко — верх в виде полукруглой арки.</p>		Арабский и татарский.	

Время	Тип надписи	Язык
Первая половина XVI в.	<p>Под аркой — традиционный рельефный растительный орнамент с цветами; редко — формула: هو الحي الذي لا يموت و كل حي سيموت.</p> <p>Бордюр: рельефный орнамент — „виноградная лоза“; рельефный орнамент — мелкий трилистник (тюльпанчики); растительный орнамент с цветами.</p> <p>Надпись на боковых сторонах.</p> <p>Надпись-штамп на обратной стороне.</p> <p>Иногда — орнаментальная полоса между аркой и текстом надписи.</p>	Арабский и татарский.
Вторая половина XVI и первая половина XVII в.	<p>Шрифт: сульс рельефный.</p> <p>Форма: верх в виде килевидной арки.</p> <p>Под аркой — традиционный рельефный орнамент с цветами.</p> <p>Бордюр: рельефный растительный орнамент, чередующийся с крестообразной розеткой.</p> <p>Надпись на боковых сторонах.</p> <p>Надпись-штамп на обратной стороне.</p>	Арабский и татарский.
Вторая половина XVII в.	<p>Шрифт: простой рельефный шрифт; редко — сульс рельефный.</p> <p>Форма: верх в виде стрельчатой арки; верх в виде полукруглой арки.</p> <p>Под аркой — врезанный растительный орнамент с бутонами цветов.</p> <p>Бордюр: линейно-рельефный орнамент.</p>	Арабский и татарский.

В интересах решения поставленной задачи, т. е. показа преемственной связи болгарских надгробий с татарскими, считаем необходимым привести здесь имеющиеся материалы по татарским надгробиям XVIII и XIX вв., хотя в них и нет строго выдержанных самостоятельных стилей, а только повторение элементов типологии предшествующих веков.

Время	Тип надписи	Язык
XVIII в.	<p>Шрифт: сульс рельефный; простой врезанный.</p> <p>Форма: верх в виде стрельчатой арки; верх в виде килевидной арки; верх в виде полукруглой арки.</p> <p>Под аркой — рельефный растительный орнамент с цветами; начало текста.</p> <p>Бордюры: растительный орнамент, чередующийся с крестообразной розеткой; рельефный орнамент „виноградная лоза“ (двух типов); обрамление прямой линией.</p> <p>Иногда — надпись на боковых сторонах.</p>	Арабский и татарский; татарский.
XIX в.	<p>Шрифт: сульс рельефный; сульс врезанный; та'лик врезанный.</p> <p>Форма: верх в виде полукруглой арки; верх прямоугольный; верх в виде килевидной арки; верх в виде полукруглой арки с плечиками.</p> <p>Под аркой — начало текста; рельефный растительный орнамент с цветами; формула: هو الحى الذى لا يموت; формула: الحكم لله.</p> <p>Бордюры: рельефный орнамент „виноградная лоза“ (новый вариант); обрамление прямой линией; рельефный растительный орнамент с цветами.</p> <p>Иногда — надпись на боковых сторонах; надпись-штамп на обратной стороне.</p>	Татарский; редко — арабский и татарский.

Заканчивая эту классификацию, отметим, что в болгарскую эпоху (XIII—XIV вв.) имело место наличие двух отличающихся друг от друга стилей эпиграфических памятников.

I стиль — надписи, исполненные рельефным шрифтом сульс на новобулгарском языке.

Эпитафии, исполненные целиком на арабском языке (табл. 2, 4), безусловно принадлежащие представителям болгарской аристократии, мы отнесли к этому же стилю по признаку шрифта (сульс) и других внешних приемов оформления. Наличие арабизмов здесь нужно понимать как проявление жаргонного языка, характерного для духовного сословия.

Обособленное место занимают здесь два памятника, датированные 1382 и 1399 гг. (табл. 44, 45). Отличаясь от других камней I стиля типологически, они все же должны, по нашему мнению, быть отнесены к I стилю и в этой группе памятников являются переходным звеном от эпитафий XIII—XIV вв. к эпитафиям XV в.

II стиль болгарских эпиграфических памятников характеризуется главным образом куфическим шрифтом и исполнением текста надписи на древнеболгарском языке (II диалекте болгарского языка, как мы его раньше называли).⁹ По другим мелким типологическим признакам этот стиль более разнообразен, чем I стиль. Самые поздние памятники, исполненные на этом языке, датируются 1359 г.¹⁰

Сам по себе факт наличия в эпитафиях XV в. только одного татарского языка, согласно принципу нашей классификации, определил и существование единого стиля, хотя имеющееся небольшое число памятников этого периода являет большую типологическую пестроту. Особое место среди них занимает памятник из с. Ср. Аты с надписью на бордюре (текст 3).

Первая половина XVI в. дает нам довольно однородный стиль со стройным шрифтом сульс, с текстом на татарском языке, кроме коранических формул, и другими довольно устойчивыми типологическими признаками (традиционный орнамент под аркой и на бордюре). Имеется ряд памятников XV в., являющихся типологически переходными к этому стилю (табл. 56).

На основе этого стиля во второй половине XVI и первой половине XVII в. вырабатывается стиль памятников, отличающихся от предшествующих (т. е. памятников первой половины XVI в.) лишь формой арки и несколько своеобразным

⁹ В. Г. Юсупов. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпиграфики, стр. 52.

¹⁰ Однако некоторые типологические элементы этого стиля сохранились на надгробиях даже XIX и XX вв., не говоря уже о более ранних.

орнаментом на бордюре. Как единый стиль он существовал до середины XVII в., а позднее продолжал бытовать наряду с другим стилем до середины XVIII в.

Во второй половине XVII в. мы видим довольно однородный стиль, характеризующийся нестройным рельефным шрифтом, с надписью на татарском языке и врезанным стилизованным растительным орнаментом под аркой (табл. 73, 74).

В небольшом нашем материале XVIII в. наблюдаются в основном лишь пережитки более старых стилей, особенно XVI и XVII вв.

Примечательна массовая вспышка пережитков типологических элементов всей хронологической лестницы булгаро-татарской эпиграфики в XIX в., особенно в первой половине его, на надгробиях казанских татар.

Этот — изложенный пока довольно схематично — путь развития булгаро-татарской эпиграфики мы ни в коей мере не должны рассматривать вне исторической действительности, исходя из того, „что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества“.¹¹

О существовании у булгар письменности до появления у них арабского шрифта, кроме сообщения Ибн ан-Надйма (X в.), мы не располагаем пока другими письменными источниками. В своей книге „Перечень“ он упоминает, что булгары и туббаты употребляют письма китайцев и манихейцев.¹² Из местной археологической практики мы знаем много случаев находок булгарских вещей, особенно керамики, с изображениями различных знаков — тамг (рис. 1, 2).

Большой интерес в этом свете представляют надписи из Новочеркасского музея и Маяцкого городища на Дону, первые из которых были расшифрованы А. М. Щербаком, исходя из основ древнетюркских рун.¹³ Датируя VIII—X вв., М. И. Артамонов считает возможным отнести их к памятникам хазарского или болгарского языка.¹⁴

Поразительно сходство некоторых собранных нами тамг, многократно повторяющихся в различных районах ТАССР,

¹¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1951, стр. 21.

¹² Kitāb al-Fihrist, hrsg. von G. Flügel, Leipzig, 1871, стр. 20; ср.: А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до X в. по Р. Х.). СПб., 1870, стр. 241—242.

¹³ А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. Сов. археология, т. XIX, 1954, стр. 271—273.

¹⁴ М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. Сов. археология, т. XIX, 1954, стр. 266—268.

со знаками письма орхоно-енисейских тюрок, аналогично тамгам других тюркских народов.¹⁵ Опубликованные в печати начертания знаков древнеболгарской письменности¹⁶ близко напоминают татарские тамги, а также древнетюркские знаки письма. Здесь нельзя пройти мимо факта сходства татарских тамг со знаками пиктографического комплекса из Хорезма.¹⁷ В связи со всем этим некоторую силу приобретает высказанное проф. М. А. Фазлуллиным мнение о существовании у болгар доарабской письменности¹⁸ и становится интересным сходство знаков на керамике из Саркела с татарскими тамгами, а также предположение А. М. Щербака, что эти знаки есть знаки письма.¹⁹ К утверждению о бытовании рунического письма приходит в своей интересной работе Х. Р. Курбатов.²⁰

Этот неисследованный интереснейший вопрос болгаро-татарской культуры должен привлечь внимание наших ученых. Пока же остается ограничиться предположением, что имевшие место у казанских татар тамги являлись остатком древнеболгарской письменности, скорее всего, типа надписей Маяцкого городища.

Если учесть, что в древности понятие тамги означало и грамоту,²¹ то предположение это, кажется, содержит зерно истины. В этом отношении небезынтересен болгарский памятник с вертикальным расположением строк, что, возможно, является далеким отзвуком традиций древнетюркских надгробий (табл. 38).²²

Появление арабской письменности у болгар, очевидно, надо отнести ко времени еще до официального принятия ими ислама (922 г.). Так, самые древние монеты, чеканенные

¹⁵ Н. Малицкий. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, 1897—1898 гг., стр. 43—46.

¹⁶ А. П. Окладников. История Якутии, т. I. Якутск, 1949, табл. XXXIV.

¹⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 74—75.

¹⁸ М. А. Фазлуллин. Письмо, орфография и фонетическая транскрипция в татарском языке. Казань, 1952, стр. 21—22. (Рукопись на татарском языке; хранится в Казанском педагогическом институте).

¹⁹ А. М. Щербак. Знаки на керамике из Саркела. Эпигр. Востока, XII, М., 1958, стр. 53—58.

²⁰ Х. Р. Курбатов. Доарабский алфавит волжских болгар. Журн. „Совет әдебияты“, 1957, № 10, стр. 112—117. (На татарском языке).

²¹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 121.

²² С. Е. Малов. Болгарские и татарские эпиграфические памятники. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 48.

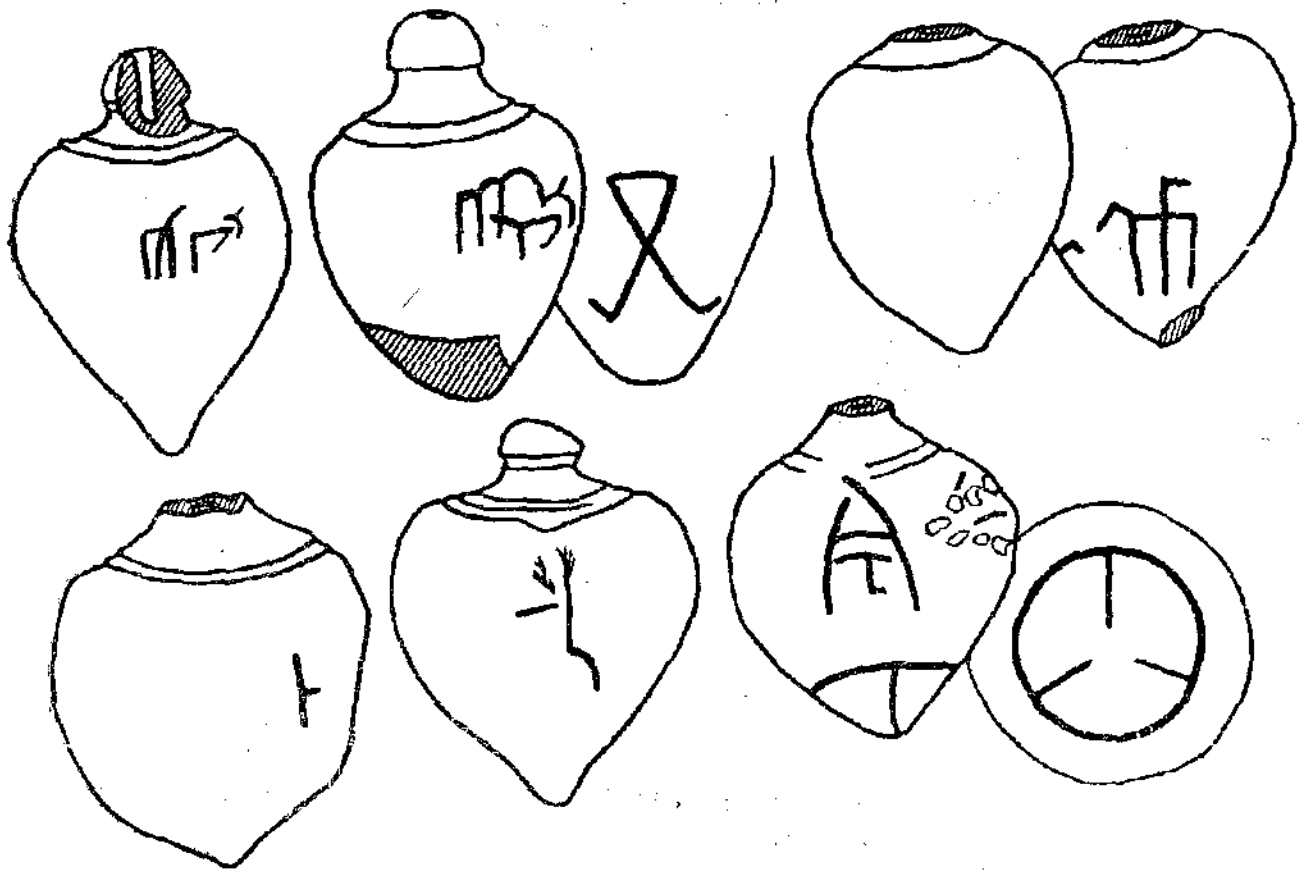

Рис. 1. Булгарские сфероконусы со знаками.

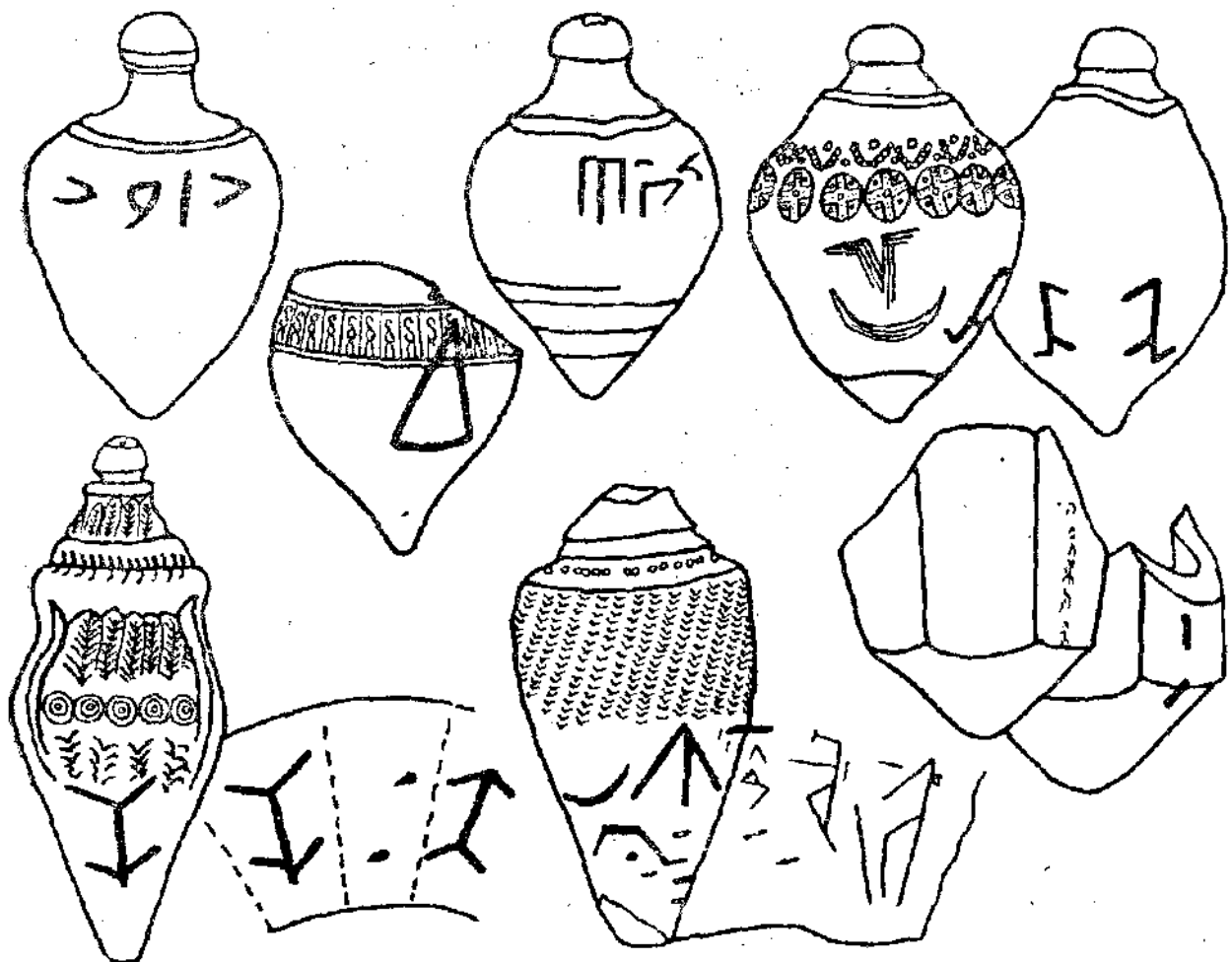

Рис. 2. Сфероконические сосуды с надписями.

в Булгаре куфическим шрифтом, являющиеся подражанием саманидским монетам, датированы 918 г.²³

К X—XI вв. относится описанное П. В. Савельевым зеркало с куфической надписью, найденное близ развалин Булгара.²⁴

В слоях, датируемых этим же временем, в 1955 г. в с. Балымеры (Куйбышевский р-н ТАССР) найдены четыре фрагмента керамики с арабской надписью.²⁵

Куфическая надпись на болгарском замке из Биляра датируется 541 г. хиджри (1146 г.).²⁶

Очевидно, к домонгольскому периоду относится найденная проф. А. П. Смирновым в Суваре янтарная печать-привеска, также с куфической надписью *ارسلان* (Арслан).²⁷

О самой древней болгарской надписи с билярского кладбища мы знаем из сообщения Н. П. Рычкова. Памятник этот, датированный 1173 г., до нас не дошел, так же как и все надгробия из Биляра.

Другое наиболее раннее болгарское надгробие, известное также только в литературе, датировано было 642 г. хиджри, т. е. 1244 г. Исследованное Г. Ахмаровым в с. Ямбухтино Тетюшского р-на и находившееся тогда на пороге сельской церкви, оно имело „красивую надпись сульсом“ и, как видно из уцелевших его следующих слов:

„الدندا لم ياشندا عدد
تاريخ التي يوز قرق ايكي ده ٤٤٢“

„ 84 лет“

По летоисчислению в шестьсот сорок втором,²⁸ язык его был близок к современному казанско-татарскому языку. Памятник по этим признакам должен относиться к I стилю болгарских надгробий. Кстати, дата этого памятника (самого

²³ Р. Р. Фасмер. О монетах волжских болгар X века. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., 1925, т. XXXIII, вып. 1, стр. 29, 40.

²⁴ П. В. Савельев. Описание двух металлических зеркал с арабской надписью, найденных близ развалин Булгара. Зап. Археолог. общ., т. IV, 1851—1852, стр. 74.

²⁵ Выражаю свою искреннюю благодарность проф. А. П. Смирнову за присылку фотоснимков с этих фрагментов, а также ряда других материалов.

²⁶ С. Е. Малов. Замок из Билярска с арабской надписью. Зап. колл. востоковедов, т. II, Л., 1926, стр. 155.

²⁷ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 263.

²⁸ Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 125.

древнего из датированных), написанного на новобулгарском языке почерком сульс,²⁹ опровергает необоснованные утверждения Н. А. Андреева, что „булгарские памятники с чувашизмами являются более древними, чем памятники, содержащие кыпчако-татарские слова“, и что „памятники с кыпчако-татаризмами появляются несколько позже, в первой четверти XIV в.“.³⁰ Все эти очень натянутые утверждения опровергаются синхроничностью этих двух стилей булгарских надгробий.

Имеющийся ныне ранний булгарский памятник, найденный у с. Русск. Урмат Высокогорского р-на ТАССР в 1951 г. Н. Ф. Калининым и прочитанный мною, датируется 680 г. хиджри, т. е. 1281 г.

Начиная с конца XIII в. и до 60-х годов XIV в. этих надгробий мы находим много, особенно относящихся к первой половине XIV в.

Тот факт, что время массового распространения этого вида лапидарной эпиграфики совпадает со временем появления в значительном числе и булгарских каменных архитектурных сооружений, датированных также концом XIII и XIV вв., говорит об общей обусловленности того и другого периодом нового культурно-экономического подъема Булгарии, после того как она оправилась от разорительного нашествия монголов.³¹

Господство Золотой Орды пагубно отразилось на экономической жизни Булгарского государства.³² Так, после монгольского разгрома 1226 г. потерял свое былое величие г. Биляр, о надгробных памятниках которого за этот период мы не имеем почти никаких сведений. После того как Булгария оправилась от этого первого поражения, в 1361 г. происходит разгром ее Булат-Тимуром, в результате чего она уже ослабевает окончательно. Происходит деградация развития и духовной культуры.³³ Если судить по эпиграфическим памятникам, эта деградация особенно чувствительна в конце XIV и в начале XV в., когда традиция установления памятников временно вышла из практики. Так, за период с 1358 по 1443 г. всего-навсего зарегистрировано два довольно простого оформления эпиграфических памятника далеко от центра Булгарского государства (табл. 44, 45), в се-

²⁹ Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашаи, стр. 99.

³⁰ Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 244.

³¹ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 54.

³² Х. Г. Гимади. Народы среднего Поволжья..., стр. 204.

³³ Там же, стр. 209.

лах Ямашурма Высокогорского р-на и Б. Нырсы Тюлячинского р-на ТАССР.

Политику исламизации, которую проводила Золотая Орда при ханах Берке и Узбеке,³⁴ нужно понимать как стремление Орды укрепить свое шаткое положение мерами не только административно-политического, но и духовного воздействия, что особенно чувствовалось к середине XIV в. Несомненно, это, в свою очередь, не могло не отразиться и на положении зависимого Булгарского государства. Вполне прав проф. А. П. Смирнов, считая показателем широкого распространения мусульманства массовое появление с конца XIII в. и в первой половине XIV в. эпиграфических памятников.³⁵

Памятники эти, с их непонятными для широких масс народа арабизмами, были для них своего рода символами, обожествлявшими личность представителей правящей феодальной верхушки; поэтому так много тогда и развелось на болгарской земле всяких *аулия* 'святых', что мы видим из книги историка XVI в. Шараф ад-дина Булгарй.³⁶ В этой книге сама топография могил духовенства — проповедников, — охватившая всю болгарскую землю, как основную ее часть (гг. Булгар, Биляр), так и периферию — север (Кутлу-Букаш Кзыл-Юлдузского р-на, Узюм Тукаевского р-на), запад (Ширдан Нурлатского р-на, Куккуз Апастовского р-на), восток (Западная Башкирия), — говорит о большом размахе пропаганды ислама.

С этим фактом, т. е. распространением волжскими булгарами мусульманства в башкирских землях, ряд авторов связывает, в частности, наличие там мавзолея Хусейн-бека с надгробным памятником XIV в. (1339 г.); Хусейн-бек предположительно считается болгарским проповедником ислама, а сам памятник „произведением эпохи болгарского влияния в Заволжье“.³⁷

Шараф ад-дин Булгарй также приводит много имен проповедников ислама в Булгарии родом из Средней Азии и воспитанников религиозных школ Хорезма и Бухары. Могилы многих из них находятся в самом Булгаре. В этом свете

³⁴ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 80—91.

³⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 76.

³⁶ Шараф ад-дин Булгарй. История Булгарии. Казань, 1902, стр. 17—25. (На татарском языке).

³⁷ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 57.; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. Зап. Археолог. общ., т. XIII, СПб., 1857, стр. 280.

интересны надгробия I стиля, найденные на Булгарском городище, принадлежащие среднеазиатцам: Хасану-Самарканди, Хайбетлю ибн Мухаммеду-аль-Дженди и Шах Курасан ибн Мухаммед-шейху ал-Кердари.³⁸ Упоминает Шараф ад-дин и о похороненном в Хорезме булгарском имаме Хавахир-Заде Булгари.³⁹

Все это лишний раз говорит о большой роли Средней Азии, в частности Хорезма, в исламизации Булгарии, которая в свою очередь была мусульманизирующим центром в Поволжье. В последнем мы убеждаемся и из истории Идриса хальфы, который, будучи проповедником в башкирских землях, был оттуда изгнан и проживал до конца жизни в своем родном селении Тябердино-Чаллы (Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР).⁴⁰

Останавливаясь на этой мусульманизирующей роли Средней Азии, А. Ю. Якубовский говорит: „Из средней Азии оно (т. е. Булгарское государство, — Г. Ю.) приняло ислам, который был поддержан халифским посольством из Багдада в 921—922 г. Булгары рано стали культурным мусульманским центром и в этом направлении оказывали немалое воздействие на соседей тюрков-кочевников, особенно на печенегов, а затем и половцев“.⁴¹

Возможно, к числу мусульманских проповедников принадлежат упоминаемые в найденных на Булгарском городище надгробиях I стиля — Садр ад-дин ал-Ширвани, Махмуд ибн-Исмаил аш-Шемахи; здесь мы видим также „Шейха И... поклонника бога отшельника . . . — эддина ал-Ширвани“.⁴²

Ряд исследователей — А. С. Башкиров, А. П. Смирнов и др. — особо подчеркивают связь искусства и архитектуры Булгарии, особенно в XIII—XIV вв., со Средней Азией и Кавказом. Так, традиционное украшение архитектурных сооружений декоративным арабским письмом (куфи и сульс) широко применялось и булгарскими мастерами. Об этом свидетельствуют уцелевшие значительные образцы изразцовой строительной эпиграфики.⁴³

На хранящемся в Государственном музее ТАССР фрагменте подобной изразцовой мозаики из г. Булгар мы видим

³⁸ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 111—113.

³⁹ Шараф ад-дин Булгарий. История Булгарии, стр. 21.

⁴⁰ Там же, стр. 23.

⁴¹ См. выступление А. Ю. Якубовского на сессии Академии наук СССР, посвященной этногенезу казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 131—132.

⁴² И. Березин, Булгар на Волге, стр. 110, 115, 124.

⁴³ Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 28.

двукратное повторение формулы الله الملك (табл. 46).⁴⁴ Формула эта часто фигурирует на архитектурных памятниках Средней Азии, например в мавзолее Ходжа Ахмада (Самарканд, Шах-и-Зинда, XIV в.),⁴⁵ в мавзолее Наджм ад-дина Кубра (Ургенч, XIV в.). Как тождественны техника и орнамент болгарской изразцовой керамики с майоликой последнего памятника, так и указанная надпись, найденная в Булгаре, являет палеографически поразительное сходство с такой же формулой, повторяющейся четыре раза на внутреннем архивольте порталной ниши этого мавзолея, построенного в 1321—1336 гг.⁴⁶

Не исключена возможность, что указанный фрагмент из Булгар с этой формулой является остатком портала, существование которого подтверждают раскопки 1892 и 1915 гг. в „Четыреугольнике“ (главной мечети г. Булгара).⁴⁷ Культурно-экономическое и политическое влияние Хорезма на болгар (особенно на архитектуру их) отмечают В. В. Бартольд,⁴⁸ В. В. Егерев⁴⁹ и др.

Булгарские надгробия I стиля (XIII—XIV вв.)

Судя по небольшому числу этих надгробий (табл. 2, 4, 10, 12, 15, 22, 44, 45, 49 и др.), средние размеры их таковы: длина 130—150, ширина 55—60, толщина 20 см. Выделяются среди них своей величиной два памятника: 1) найденный в Булгарах и вмозанный в стену вестибюля Научной библиотеки Казанского государственного университета (табл. 4) — длина 285, ширина 70, толщина 18 см; 2) самый большой из болгарских надгробий — памятник (табл. 2) из б. Архиерейской дачи близ Казани — длина 350, ширина 92—96, тол-

⁴⁴ М. Г. Худяков. К вопросу о датировке болгарских зданий. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. IV, Казань, 1930, стр. 41. — Мы, не будучи согласны с ранними и последним чтением этой формулы Комиссией по болгаро-татарской эпиграфике (الله الملك : Альбом болгаро-татарской эпиграфики в библиот. КФАН СССР, №№ 60, 61, 62), даем свое чтение.

⁴⁵ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. Л., 1939, стр. 143.

⁴⁶ А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. 2, 1930, стр. 62.

⁴⁷ В. В. Егерев. Ближайшие задачи по изучению и охране архитектурных памятников древних болгар. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. I, Казань, 1927, стр. 49.

⁴⁸ В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 42.

⁴⁹ В. В. Егерев. Архитектура города Болгара. Материалы и исследования по археологии СССР, № 61, М., 1958, стр. 361.

шина 38—40 см; этот памятник является древнейшим письменным памятником Казани, он же считается по своему оформлению и самым лучшим из болгарских надгробий.¹

Среди надгробий I стиля нет плит малых размеров, какие есть среди памятников II стиля.

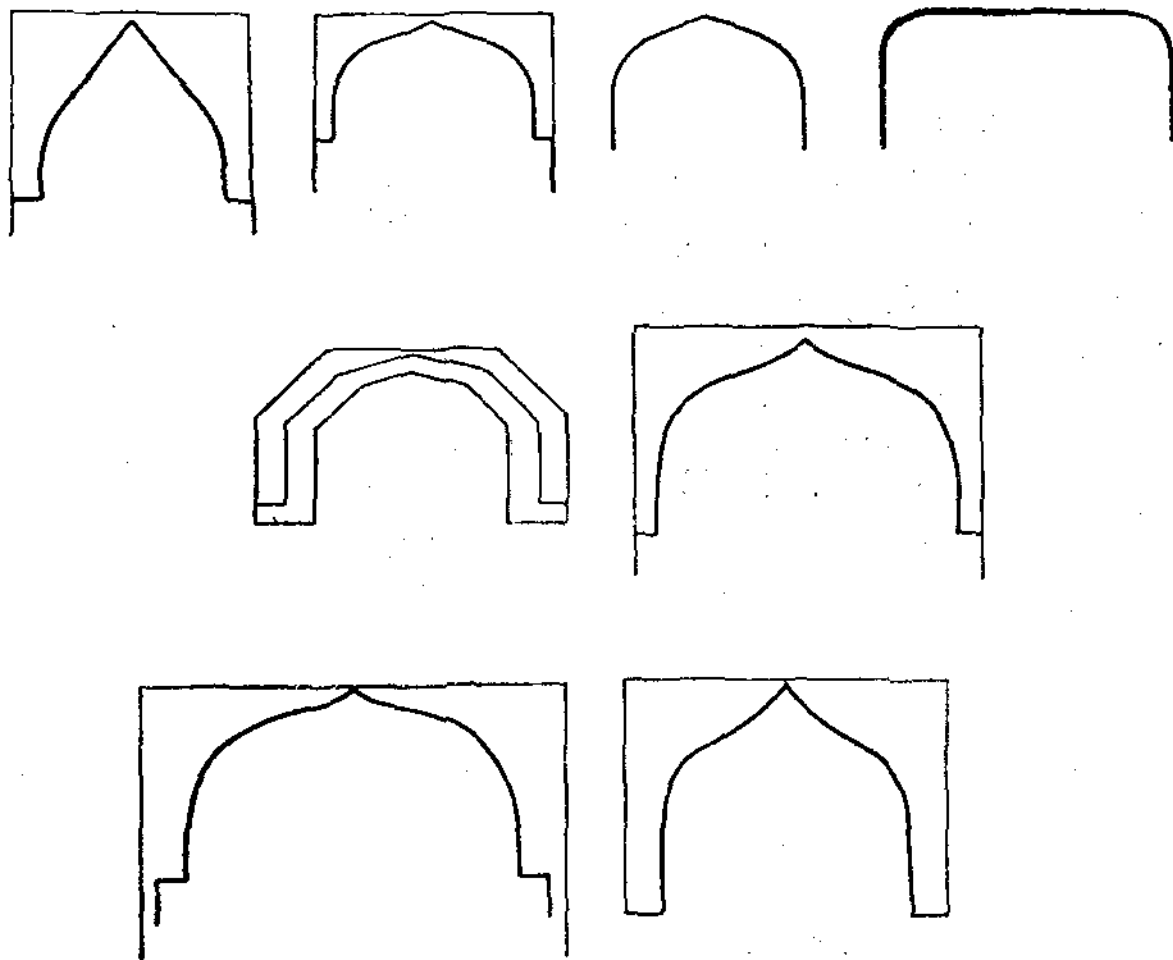

Рис. 3. Формы верхней части болгарских надгробий I стиля.

Нельзя не отметить здесь некоторую связь между размерами надгробий и измерениями архитектурных сооружений Булгара, установленную Н. Ф. Калининым и А. П. Смирновым и выражающуюся в предполагаемом единстве меры длины — локтя, — равной 40 см.²

Характерной чертой формы почти всех болгарских надгробий, в основном прямоугольных плит, является высеченная

¹ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар, т. 1, стр. 28; Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском могильном камне. . . , стр. 94—95.

² Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Реконструкция болгарской бани XIV в. Кр. сообщ. Инст. ист. матер. культ., вып. XIII, 1946, стр. 32.

в верхней части стрельчатая или килевидная арка с плечиками, исполненная стесыванием остального пространства вне арки на глубину до 5 см (рис. 3). Арка эта придает надгробиям определенную законченность, совершенство формы.

Судя по большой распространенности надгробий со стрельчатой аркой, выгодной конструктивно и строгой по форме, она, должно быть, широко применялась в болгарской архитектуре так же, как в среднеазиатской и древнерусской.³ Мы это видим и из формы оконных проемов и ниш Черной палаты.⁴ Кроме изображения ее на мелких болгарских вещах, мотив стрельчатой арки зафиксирован на орнаментации внутренней ниши Малого минарета, которая также высечена в этом стиле.⁵ Поразительное сходство с болгарскими надгробиями со стрельчатой аркой обнаруживает каменная рельефно-фигурная плита из Белой палаты, использованная там для вывода водосточного крана над бассейном (хранится в Государственном музее ТАССР, № 3363-59).⁶ За все время развития стиля болгаро-татарских надгробий арка эта является характернейшей формой. Не говоря уже о XIII—XIV, XV, XVI, XVII вв., когда она была преобладающей, а подчас и единственной формой (XVI в.), стрельчатая арка наблюдается и на надгробиях XIX в. Излюбленным мотивом она считалась и в народном творчестве казанских татар (в вышивках „намазлыков“, ковриков и др.).⁷ Наконец, как пример использования этой традиционной формы в современной архитектуре казанских татар, можно указать на построенный в Казани жилой дом по ул. Дзержинского, а также на Театр оперы и балета, в архитектурно-художественном оформлении которого широко применены орнаментальные мотивы из народного творчества, — в частности, сходные с таковыми на интересующих нас надгробиях.

Отношение высоты арочной части ко всей длине надгробия — от 1:4 (табл. 7, 10) до 1:3 (табл. 14—15). Что касается пропорции самой арки на надгробиях, то отношение стрелы подъема к пролету арки — 3:4, 1:2, 1:4, 3:5, т. е. арки преимущественно крутые (в подсчет не входит длина плечиков, равных каждый от 3 до 10 см).

³ В. В. Егоров. Ближайшие задачи... стр. 43.

⁴ Булгары. Черная палата. Казань, 1951.

⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 208.

⁶ Там же, табл. XII, рис. 140.

⁷ П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент. Казань, 1948, стр. 8, табл. 13.

Таким образом, в I стиле надгробий арки также высокие, ничем почти не отличающиеся по своим пропорциям от арок надгробий II стиля.

Характерной чертой надгробий I стиля является заполнение внутренней поверхности арки — тимпана — традиционной формулой *هوالمى الذى لا يموت وكل حى سيموت*, которая большей частью берется сокращенно: *هوالمى الذى لا يموت*.

Пространство вне арки, за редкими исключениями (табл. 2, 49), ничем не украшено; в указанных случаях оно заполнено растительным орнаментом. Указанной заглавной формулы мы не находим только на двух болгарских надгробиях I стиля, которые являются переходными к стилю XV в. На одном из них (1399 г.) арка совершенно отсутствует (табл. 45), другое же — с не характерной для I стиля, пологой и еле заметной ломаной аркой — имеет под ней шестиконечную звезду (табл. 44).

Весьма редко практиковалось нанесение надписи на боковые грани и обратную сторону памятников. Очень слабой сохранности надпись имеется на боках болгарской плиты из Черной палаты.

По характеру бордюра памятники I стиля бывают трех родов: одни не имеют бордюрного украшения (табл. 12), у других края плиты обрамляются двумя прямолинейно идущими рельефными валиками (табл. 4), у третьих бордюр представляет рельефно-плоскую полосу (табл. 10).

На многих памятниках I стиля (не на всех) имеется украшение между основным текстом и заглавной формулой, заполняющей внутреннюю поверхность арки. В большинстве случаев это полоска рельефно высеченной „виноградной лозы“ с крутыми изгибами стебля и с крупными листьями (табл. 10). Аналогичную „виноградную лозу“ можно видеть и в русском искусстве XIII в.⁸ Бывает орнамент и несколько другого типа, где растительность более стилизована (табл. 4).

Следует отметить поразительное сходство этого последнего варианта „виноградной лозы“ с орнаментом на металлическом зеркале из Булгар, описанном Н. Ф. Катановым.⁹ Зеркало это, в надписи которого мы обнаруживаем большую палеографическую близость к почерку надгробий I стиля, несомненно нужно отнести, хотя бы по этому признаку,

⁸ История русского орнамента с X по XVI век. М., 1870, табл. XXX.

⁹ Н. Ф. Катанов. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью. Казань, 1898, стр. 2, 5.

к произведению болгарских мастеров и датировать его XIII—XIV вв., а не считать предметом ввоза в эпоху „торговых отношений России с восточным халифатом в IX—XI вв.“, как предлагает Н. Ф. Катанов.

По тем же признакам к этой категории следует причислить и зеркало, найденное в кургане Нижней Дуванки Купянского уезда. Как признает сам Н. Ф. Катанов, они вполне тождественны.¹⁰

* * *

По языку в нашей классификации различается: 1) текст полностью на арабском языке, 2) текст на арабском и новобулгарском (I диалект) языках, 3) текст полностью на новобулгарском языке (кроме заглавной формулы, исполненной на арабском языке). Укажем несколько примеров этого стиля.

Текст камня, найденного при раскопках в мавзолее на Булгарском городище (превращенном в XVIII в. в Никольскую церковь) и находящегося ныне в стене вестибюля Научной библиотеки Казанского государственного университета (дата — 1291 г.), см. в табл. 4.

В чтении этого текста, приведенного Н. Ф. Катановым и принятого некоторыми другими учеными,¹¹ нами не дается заглавное **الله** 'Аллах', как совершенно отсутствующее. Эта ошибка в чтении вызвана палеографическими особенностями написания традиционной формулы **هوالمى الزلا يموت** под аркой, где жирно высеченные стволы „алифа“, расположенные близко друг к другу, на первый взгляд оставляют впечатление, что это именно стволы слова **الله**; в ошибочности такого чтения легко можно убедиться при тщательном рассмотрении этой формулы. Эпитеты и титул, приведенные в тексте, не оставляют сомнения в принадлежности покойницы к высшему сословию.

Наиболее выделяется в отношении высокой титулатуры камень из б. Архиерейской дачи (табл. 2), принадлежащий

¹⁰ Н. Ф. Катанов, Д. Айналов. Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губ. Харьков, 1902, стр. 4 (Зеркало № 6).

¹¹ Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXI, вып. 3, Казань, 1905, стр. 264—265; Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 128; Н. Ф. Калинин. История Казани. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

„Высокому султану
Хасан-беку сыну Мир-Махмуда“.¹² Кстати, в чтении заглавной части надписи этого камня Н. Ф. Калинин в точности повторяет ошибку Н. Ф. Катанова, несмотря на правильное чтение Ш. Марджани.¹³

Кроме этих указанных эпитафий, написанных целиком по-арабски, имеется еще до 20 памятников, принадлежащих также к I стилю (по литературным данным).¹⁴

Текст надгробия из болгарского городища (ныне в фундаменте б. Успенской церкви), исполненный на арабском и новоболгарском (I диалект) языках (дата 1311—1312 гг.), см. в табл. 10.¹⁵

В отличие от чтения И. Березина, Н. Ф. Катанова и Н. Ф. Калинина,¹⁶ в пятой строке лигатуру الحى (Ильхей) мы склонны читать *ильчи*, считая это, так же как и на памятнике из мавзолея в Булгарах (табл. 4), титулатурного характера словом.

Подобного рода личное имя اياچى تيمر — имя одного из башкирских послов к Ивану Грозному — мы видим в башкирском родословии.¹⁷ *Ильчи* (الحى) в смысле „правитель“ имеет место в древнетюркских рунических надписях, найденных на Дону,¹⁸ в которых М. И. Артамонов считает возможным видеть „памятники не только хазарского периода, но и хазарского или болгарского языка“.¹⁹

Интересен текст надгробия из Булгарского городища, написанный на новоболгарском языке, копия с которого была снята „врачом казанской больницы Н. А. Толмачевым, типографскими чернилами по наставлению академика Френа“.²⁰ Ныне памятник этот утрачен (дата — 1317 г., табл. 15).²¹

¹² Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фи ахвалй Казан вэ Булгар, т. 1, стр. 28.

¹³ Там же.

¹⁴ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 110—117; Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 127.

¹⁵ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 116.

¹⁶ Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии, стр. 54; Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 97—98.

¹⁷ С. Мирасов. Родословие башкир. Журнал „Башкорт аймагы“, 1927, № 4, Уфа, стр. 4—5. (На башкирском языке).

¹⁸ А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения. . . , стр. 274.

¹⁹ М. И. Артамонов. Надписи на баклажках. . . , стр. 263.

²⁰ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 118—119.

²¹ Там же, стр. 119.

Среди памятников I стиля большетарханское надгробие (табл. 12) выделяется своим куфическим шрифтом (1314 г.), хотя по конструкции текста оно очень сходно с только что приведенным. К этой же группе мы относим и обломок памятника, хранившегося в Книжной палате ТАССР (табл. 22). Приведенные тексты, хотя они и относятся к одному и тому же стилю, все же несколько отличны друг от друга по форме выражений и эпитетов. Так, текстам, написанным на новобулгарском языке, свойственны краткость и простота в характеристике личности покойника, а памятникам, написанным по-арабски — изысканные выражения и подробное перечисление нравственных достоинств умершего.

Эпитафии с подобного же рода текстами на арабском языке, относящиеся к XII—XIV в., в литературе отмечаются при описании памятников из Средней Азии.²² Нам кажется, что в противовес эпитафиям золотых дел мастера (табл. 15), *тамгачи* 'сборщика податей' (табл. 12) и Блюшак-бека,²³ исполненных на новобулгарском языке, памятники на арабском языке главным образом принадлежали представителям духовенства, среди которых было много воспитанников медресе Хорезма и Бухары. Нет сомнения, что они, находясь под сильным влиянием традиций Средней Азии, придерживались их и на булгарской земле. Арабизмы же в их языке были не более чем жаргоном, подобно тому, как это наблюдалось среди татарского духовенства с конца XVIII до XX в. Представители последнего, так называемые *бухари-муллы*, т. е. также воспитанники бухарских медресе, любили щеголять арабскими словами, сильно пересыпая ими свою речь. Это мы видим также и на их надгробиях, почти целиком исполненных на арабском языке. К числу таких, например, относится надгробие (XIX в.) деда известного ученого-муллы Шигабутдина Марджани — муллы Багаутдина (с. Кшкаевское р-на ТАССР) — и многих других, а также самого Марджани (как известно, получившего образование в Бухаре) на казанском кладбище. Известный двухтомный труд этого автора по истории края²⁴ из-за обилия арабизмов трудно понять человеку, не знающему хотя бы элементарно арабский язык.

²² В. В. Бартольд. Сообщение о надгробии из Мазара Кишкаулие в г. Аулие-Ата. Зап. Вост. отд. Русск. археолог. общ., т. XII, 1899, вып. 1, стр. V; М. М. Дьяконов. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 9—13.

²³ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 109.

²⁴ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фй ахвалй Казан вэ Булгар.

Типологически промежуточное место между памятниками I стиля и памятниками XV в. занимают два болгарские надгробия последней четверти XIV в. Это — найденные в 1945 г. надгробия из сел Ямашурма Высокогорского р-на, с датой 1382 г. (табл. 44), и Б. Нырсы Тюлячинского р-на, 1399 г. (табл. 45).²⁵

Ямашурминский памятник по своему внешнему облику резко отличается от остальных надгробий I стиля. Довольно неискусно высеченный, с очень пологой ломаной аркой, с шестиконечной звездой под ней, он всем этим, а также примитивным врезанным шрифтом и конструкцией текста близко напоминает памятник XV в. Текст надписи сохранился плохо (см. табл. 44).

На примере этих двух надгробий мы убеждаемся в падении стиля болгарских надгробий в конце XIV в. Очевидно, это нужно объяснить в основном такими историческими событиями, как неоднократные военные удары, нанесенные болгарам со стороны феодалов Золотой Орды, особенно Булат-Тимура в 1361 г., а также русских князей и ушкуйников во второй половине XIV в. и в первой четверти XV в., вызвавшие коренные изменения во внутреннем устройстве Болгарского государства. „Булат Тимир, князь Ордынский, Болгары взял и все грады по Волзе и улусы поимал и отня весь Волжский путь“.²⁶ Про большой поход ушкуйников на Булгар в 1374 г. в Воскресенской летописи говорится: „Идоша на них Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуев, и пограбеша Вятку, и им окупа 300 рублей...“.²⁷ Русские же летописи сообщают о взятии болгарских городов Булгара, Жукотина, Казани и Керменчука князем Юрием Дмитриевичем.²⁸

Несомненно, в связь с этими событиями нужно поставить малое число найденных надгробий за период с 1358 г. по конец XIV в. и полное отсутствие их от начала до 40-х годов XV в. Вообще, в силу указанных событий, в этот период отмечается падение всей культурно-экономической жизни Болгарии.

Из языковых особенностей памятников I стиля мы здесь должны отметить хорошо выраженное „йоканье“, например: *بيتى، يوز، يكتلار، يكرمى*. Кроме некоторых архаизмов —

²⁵ Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 80.

²⁶ ПСРА, X, СПб., 1885, стр. 233.

²⁷ ПСРА, VIII, СПб., 1889, стр. 21.

²⁸ ПСРА, XI, СПб., 1897, стр. 164.

اعرلاعان (табл. 15), وكوش (табл. 12),²⁹ относящихся к начальному периоду XIV в., язык этот обнаруживает большое сходство с современным казанско-татарским.

.....
 حاتون اوتز بش ياشندا
 وفات بولدى تنكري رحمتى
 برلا سوندرسون ,امين

В этой краткой выдержке из текста болгарской надписи 1328 г. (табл. 22) нет и сегодня ничего непонятного для татарина. Несколько архаичное *برلا* (ныне употребляется в форме *بلهان*) бытовало в литературном языке татар в конце XIX в. Форма *سوندرسون* ныне характерна для западного диалекта татарского языка, а в среднем диалекте употребляется в виде *سویندرسون*.

Заканчивая суждение о языке памятников I стиля, следует сказать, что литературные памятники болгарского времени, в частности „Нахжд ал-Фарādис“, „Қиссā-и-Йусӯф“, написаны именно на этом языке.

* * *

Текст надписи почти всех памятников I стиля, за исключением некоторых переходного типа эпитафий (1382, 1399 гг.), исполнен рельефным шрифтом, более или менее однообразным, характерным для болгарских надгробий данного стиля; типичными в этом отношении являются памятники табл. 10, 22. Аккуратным исполнением отличается надпись памятника табл. 4, а надпись надгробия из б. Архиерейской дачи (табл. 2), ныне значительно выветрившаяся, некогда представляла собой изящный образец подобного типа почерка. Палеографически довольно небрежно исполнена надпись памятника табл. 15. Почерк эпитафии табл. 49, со стройными и аккуратными буквами, имеет несколько иной оттенок по сравнению с другими памятниками этого стиля.

Тройное начертание имеет „алиф“ в надписях этого стиля: 1) он изображается с загнутым влево нижним концом (J), когда

²⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 355, 406.

помещен в начале слова; 2) иногда он бывает соединен с предшествующей лигатурой (فاطمة الحى вместо الحى فاطمة الحى) вместо (واسعة); 3) характерно восьмеркообразное его начертание в конце слова (هز 8). Типичным является сильно изогнутое и увеличенное написание конечного **ى**, когда оно пишется отдельно. Много случаев соединения **ر** с предыдущей лигатурой-رحمة (табл. 4), что создает слитную систему вязи. В текстах немного знаков чтения, но часто традиционно ставятся точки под буквами **ر**, **ي**, **پ**.

О большом сходстве почерка надгробий I стиля с надписью болгарского металлического зеркала мы уже говорили выше. Также следует отметить, что близким палеографическим аналогом болгарских эпитафий I стиля является надпись надгробия, датированного 608 г. хиджри (1212 г.), из Ташкентского музея, опубликованная М. Гартманом (№ 3),³⁰ где обнаруживается полное сходство в начертании букв **ا**, **د**, **ي**, **ر**, **پ** и др., а также и в самой конструкции текста. Да и вообще стилистически почерк на среднеазиатских надгробных надписях стоит очень близко к болгарским надгробиям этой группы, чего нельзя сказать о почерке надписей архитектурных памятников Средней Азии. Наличие куфического письма на памятниках I стиля — явление редкое, и то только в заглавной формуле под аркой.

Болгарские надгробия II стиля (XIII—XIV вв.)

Количеством памятников II стиля значительно больше, чем надгробий I стиля. Всего их известно более 200, в процентном отношении они составляют 90%.¹

Размеры по сравнению с I стилем имеют значительные вариации. Так, наряду с довольно большими памятниками [толщина 23, ширина 62.5, длина 225 см (табл. 7); толщина 24, ширина 73, длина 176 см (табл. 37); толщина 22, ширина 54, длина 182 см (табл. 14)] встречается много средних [толщина 18, ширина 50, длина 120 см (табл. 25)] и значительно меньших размеров [толщина 16, ширина 44, длина

³⁰ M. Hartmann. Archäologisches aus Russisch Turkistan. Orientalische Literaturzeitung. Berlin, 1906, 28—34, стр. 360.

¹ В этот приблизительный подсчет входят как известные по литературе памятники, так и те, которые зафиксированы на эстампажах, но полностью не сохранились.

86 см. (табл. 43); толщина 16, ширина 38; длина 50 см (табл. 42)]. Очевидно, различие в размерах памятников отчасти отражает различие в состоятельности покойников, большинство которых принадлежало к господствовавшему феодальному сословию. Маленького размера памятники (табл. 42, 43 и др.), надо полагать, принадлежали умершим малолетним детям правящего класса. Подобные надгробия на детских могилах с краткими надписями или с изображением цветка-тюльпана (XVI в.) известны нам и из более поздних времен, вплоть до начала XX в.

По общим очертаниям памятники II стиля мало чем отличаются от надгробий I стиля. Преимущественно это те же прямоугольные плиты с вырезанной наверху стрельчатой или килевидной аркой с плечиками (рис. 4, 5). Правда, среди памятников II стиля есть и надгробия с остроконечным (табл. 1, 31) и полукруглым верхом (табл. 30, 34, 38), но их мы знаем немного. Значительно больше в этом стиле вариантов арок, сходных с арками I стиля (табл. 5, 42, 43). Есть арки с небольшой стрелой подъема, т. е. плоские (табл. 29), и ломаные (рис. 5).

Одним из основных отличительных признаков надгробий этого стиля является наличие под аркой, кроме единственно характерной для I стиля формулы *هو الحى الذى لا يموت* (табл. 23, 30, 31, 43), орнаментальных мотивов, главным образом восьмилепестковых розеток (табл. 5, 7, 20, 24, 25, 37), и формул *الحكم لله* (табл. 40, 41, 42), *بسم الله الرحمن الرحيم* (табл. 32 и др.). Розетка всегда сочетается с какой-либо из этих формул или же с двумя формулами вместе (табл. 14, 28).

В основном орнамент тимпана сводится к двум разновидностям розетки: 1) восьмилепестковая розетка, 2) „солнце“, часто заключенное в круг. Встречается, хотя и редко, другого характера орнамент — пальметка и др.

Имеется несколько вариантов восьмилепестковых розеток. Наиболее простой вариант можно видеть на табл. 19 — это розетка с удлиненными заостренными лепестками, отходящими от центрального кружка, который рассечен крест-накрест на девять мелких клеток. Самой же распространенной является розетка, имеющая лепестки с продольными черточками — иногда одной, а чаще всего двумя. Центральный кружок розетки иногда имеет точку в середине или также представляет собой розеточку, образованную пересечением трех или более

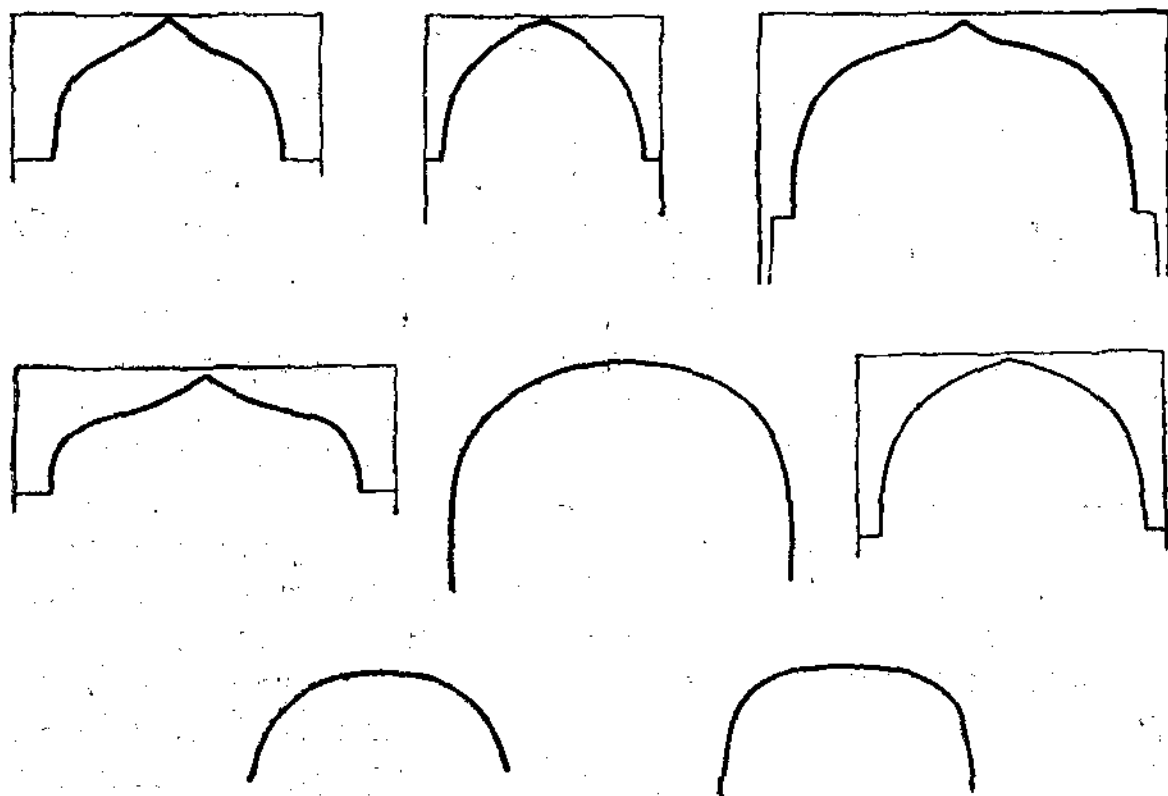

Рис. 4. Формы арок болгарских надгробий II стиля.

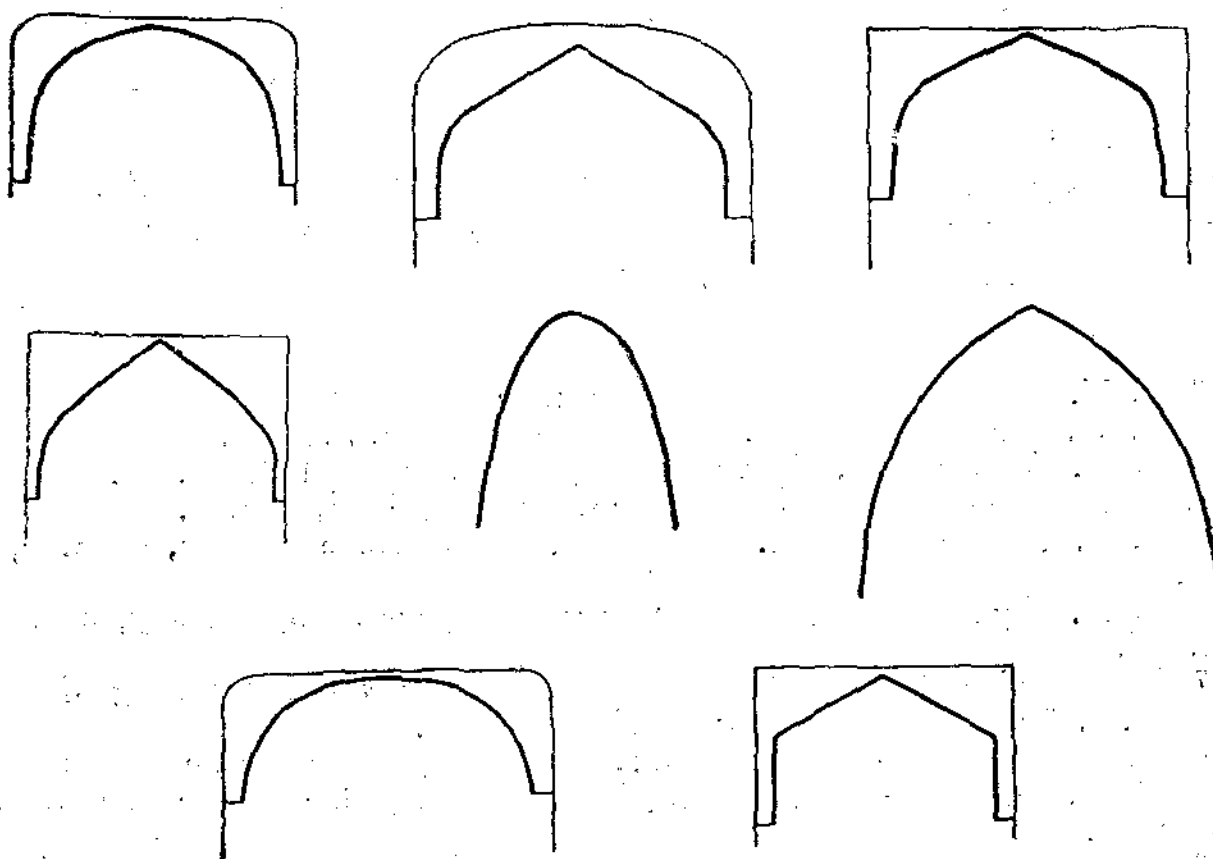

Рис. 5. Конфигурации верхней части болгарских надгробий II стиля.

линий (табл. 20). Редко между лепестками бывают вписаны сердцевидные фигурки (табл. 7). Редкие формы розеток (до 18 лепестков) мы видим на памятниках из Барско-Енарускино и Кирменского городища XIV в. (рис. 6).²

Вторую группу розеток — „солнце“ — мы видим на табл. 24, 25, 28 и др. Формой они оправдывают свое название. Так, орнамент одной плиты трактован настолько реалистично, что близко напоминает „изображение солнца в лучах“.³ На трех кирменских памятниках лучеобразные мелкие лепестки вписаны в плоский круг, составленный двумя концентрическими окружностями. Мотивы всевозможных розеток очень богато представлены в болгарском прикладном искусстве — на бытовых, ювелирных и других вещах,⁴ а также в позднейшем татарском народном искусстве — главным образом в вышивках.⁵ „Композиция примитивной розетки резного камня XIV века и рисунок гравировки ювелирного предмета XIX века, — отмечает П. М. Дульский, — типично иллюстрируют исторический путь одного и того же узора“.⁶

Мотив розетки обычен в искусстве многих народов. Восьмилепестковые розетки и „солнца“, подобные болгарским, мы находим в прикладном искусстве Средней Азии, Ирана,⁷ а также Азербайджана,⁸ где встречаются мотивы, близкие к мелколепестковой розетке-„солнцу“ памятников, изображенных на табл. 24, 25 и др.⁹

Следовательно, сюжеты розетки-„солнца“, являвшиеся преломлением древнейшей идеологии в искусстве земледельческих народов, в XIII—XIV вв., а также и раньше, были характерны и для болгар, как для народа достаточно старой земледельческой культуры. Именно этим социально-экономи-

² П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту, табл. III.

³ Н. И. Ильминский. Татарские надписи. . . , стр. 114.

⁴ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 123; Н. Ф. Калинин. Болгарское искусство в металле. Казань, 1945, стр. 6.

⁵ П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 6, 7, 9—25.

⁶ П. М. Дульский. Материалы по татарскому орнаменту, стр. 76, табл. III.

⁷ Josef Orbeli. Sasanian and islamic Metallwork. A sarveg of Persian Art, I. 1938. London—New York, стр. 743.

⁸ Фототека Отдела Востока Гос. эрмитажа, азербайджанские снимки №№ 1-7705, 1-7789, 1-7690, 1-2288, 1-7787 (надгробия из сел Маштаги и Нардаран).

⁹ Иногда на болгарских надгробиях XIV в. встречается и шестилепестковая розетка (надгробие из с. Б. Ошняк Рыбно-Слободского р-на ТАССР).

ческим моментом, по-видимому, нужно объяснить и наличие на большинстве болгарских надгробий II стиля так выразительно трактованной розетки-„солнца“.

Из других видов орнамента тимпана надгробий отметим еще пальметку на памятнике из Ульяновской обл. (табл. 13), мотив которой мы находим в архитектурном украшении „Четыреугольника“ и Малого минарета в Булгаре.¹⁰

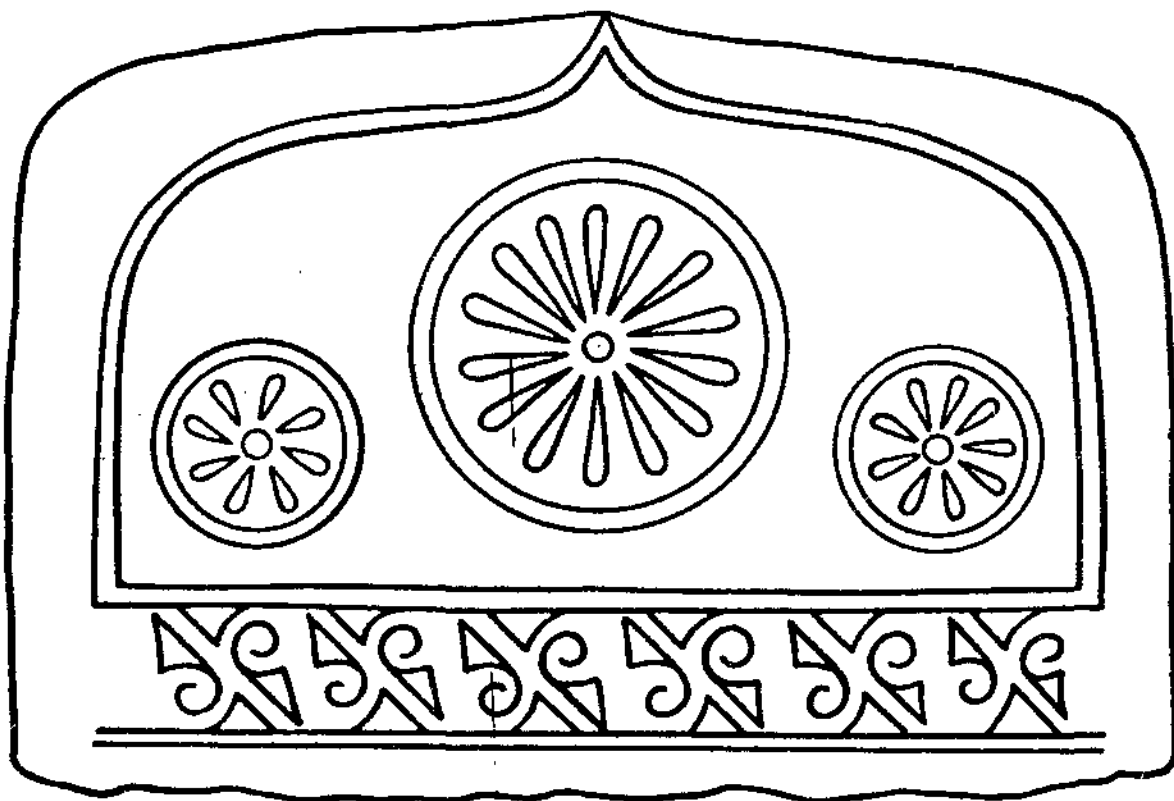

Рис. 6. Орнамент под аркой болгарского памятника с Кирменского городища.

Как и на памятниках I стиля, на некоторых надгробиях II стиля встречаются орнаментальные полосы, отделяющие текст от тимпана арки. По композиции своей они не имеют резких отличий от таковых I стиля; однако растительный орнамент здесь подчас трактуется несколько иначе (табл. 7, 23) — преимущественно виноградная лоза с трилистником.

В качестве третьей орнаментальной формы на надгробиях II стиля отмечено несколько случаев украшений орнаментом обратной стороны памятников. Например, можно отметить наличие только что описанной розетки на обломке надгробия из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на (рис. 7).¹¹ Другие случаи

¹⁰ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 204, табл. VIII, рис. 133; табл. X, рис. 135.

¹¹ Случай украшения обратной стороны памятника розеткой мы имеем и среди надгробий XVI в. (рис. 13).

Рис. 7. Орнамент на обратной стороне болгарского надгробия из с. Тат.
Азелей Нурлатского р-на ТАССР.

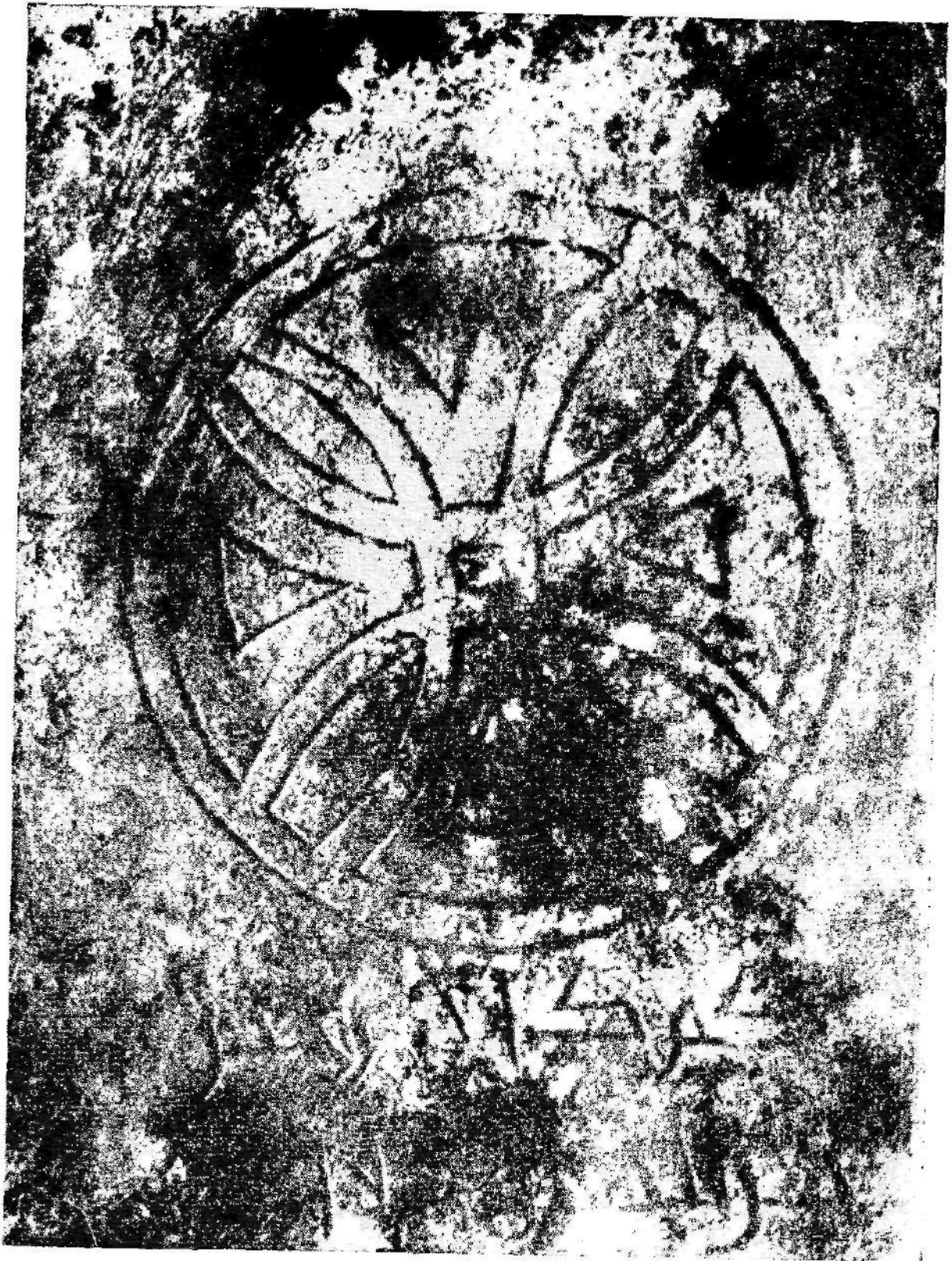

Рис. 8. Орнамент на обратной стороне памятника с Булгарского городища (XIV в.).

представлены орнаментом, состоящим из круга, в который вписаны четыре полукруглые полосы, пересекающиеся в центре. Кроме того, в одном случае между кругом и полосою имеются треугольники (рис. 8).

Близкие аналогии этому мотиву имеются на архивольте тимпана над входом в Хуналла-мечеть в с. Кубачи в Дагестане.¹² В древнерусском искусстве подобного рода узор встречается на литейной форме браслета, найденного при раскопках в Киеве (XII в.).¹³

В обработке бордюра этих памятников и памятников I стиля существенных различий нет — то же обрамление текста рельефными полосками (табл. 20, 23); часто нет никакого бордюрного оформления (табл. 31, 32, 34). Однако имеется один памятник (табл. 25) с геометрическим орнаментом на бордюре. Из-за плохой сохранности надгробия трудно разглядеть этот орнамент, но все же общие контуры его уловимы. Представляет он собой цепочку маленьких параллелограммов, вписанных в бордюрную ленту, отделенных друг от друга наклонными черточками. Из близких орнаментов можно указать на бордюрные украшения надгробий из с. Маштаги Азербайджанской ССР (упомянуты выше — стр. 62) и города Ст. Крым (709 г. хиджри).¹⁴

Как и на памятниках I стиля, очень редки надписи на обратной и боковой сторонах надгробий. Пока мы знаем несколько случаев на памятниках из Булгар на копии с болгарской надписи, хранящейся в Научной библиотеке Казанского университета, — кстати, совершенно неразборчивой.¹⁵ Надпись на боковой стороне памятника (табл. 7), возможно, является самостоятельной эпитафией, следовательно под этим памятником можно предполагать погребение двух покойников — вероятно, матери и ребенка.

О языке болгарских надгробий II стиля

Для ознакомления с языком памятников II стиля укажем на ряд текстов надписей. Текст надгробия, найденного в с. Русск. Урмат Высокогорского р-на, см. в табл. 1. Па-

¹² А. С. Башкиров. Искусство Дагестана. М., 1931, стр. 17, табл. 9, рис. 4.

¹³ История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 430, 431, рис. 213.

¹⁴ И. Н. Бороздин. Солхат. Новый Восток. М., 1926, № 13—14, стр. 279.

¹⁵ Отдел редких книг и восточных рукописей, № 5651.

мятник — очень примитивной работы с нехарактерным остроконечным верхом и испорченной врезанной куфической надписью — является пока самым древним из сохранившихся болгарских эпитафий (дата 1281 г.).

Текст изящно оформленного надгробия из Булгарского городища, написанный красивым рельефным полукуфическим шрифтом, см. в табл. 5. Памятник датируется 1294—1295 гг.

Наряду с древнеболгарскими числительными мы здесь имеем признаки новоболгарского языка (دنیااران). Слово حوم, встречающееся и на некоторых других памятниках II стиля, мы считаем термином социального характера, на чем остановимся ниже.

Текст надгробия, найденного в 1950 г. на Булгарском городище, исполненного почерком куфи, см. в табл. 7.

Надпись интересна наличием в ней этнического термина „төркмән“ и вышеуказанного термина социального характера — حوم. Строка с датировкой памятника распилена, поэтому о дате можно судить лишь по конструкции текста, в частности по наличию формулы الموت باب وكل الناس داخله, что характерно для болгарских надгробий II стиля конца XIII и начала XIV в.

Текст надгробия из древнего кладбища с. Б. Атрясы Апостовского р-на ТАССР, исследованного в 1949 г. археологической экспедицией КФАН, см. в табл. 23. Надписи памятников этого кладбища прочитаны А. Б. Булатовым.¹ Плита эта изящно оформлена, с надписью полукуфическим шрифтом, обильно снабженной знаками чтения и точками (дата — 1323 г.).

Текст надгробия с Кирменского кладбища (*Ханнар зияраты*) близ Кирменского городища см. в табл. 25² (дата — 1337 г.).

¹ А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги. — Экспедицией зафиксированы только 8 строк этой надписи, остальные 4 строки с именем покойницы (سیت) добавлены нами из имеющейся с этого памятника копии, снятой „рукой азянчи д. Б. Атрясы на белой бумаге“. Копия эта, без указания времени снятия, хранится в Отделе редких книг и восточных рукописей Научной библиотеки Казанского университета за № 5651.

² Памятники этого кладбища впервые были обследованы Е. Т. Соловьевым. В 1925 г. кладбище обследовалось экспедицией проф. Н. И. Воробьева. В 1949 г. чтение надписей, эстампирование и фотофиксация их были произведены автором этих строк (14 памятников). В 1955 г. кладбище исследовано Н. Ф. Калининым (произведено эстампирование и фотофиксация надписей).

Особенностью этого надгробия нужно считать, как выше было указано (стр. 66), бордюрное украшение, пока единственное среди болгарских надгробий. Язык этого памятника в числительном содержит форму جياچ вместо جيان , что имеет место,

кроме того, на эпитафии XIV в. из с. Дигитли Мамадышского р-на.

Текст надгробия, найденного в с. Ст. Ашит Тукаевского р-на ТАССР, см. в табл. 30 (дата — 1357 г.).

В языке этого памятника из далекой провинции Булгарского государства также обнаруживаются элементы новобулгарского языка. Написание числительного جيات جور لا سكر вместо جيات جور ال سكر , нужно полагать, исходит из палеографических особенностей, т. е. соединения в числительном ال „алифа“ (с загнутым влево нижним концом) с последующей буквой ل , отчего ال получилось в виде ل .³

Текст надгробия с кладбища с. Б. Атрясы Апастовского р-на ТАССР см. в табл. 41.⁴

Возможно, что слово ططر (*татар*) в третьей строке текста нужно понимать как пережиточно сохранившееся племенное название, заимствованное булгарами от Золотой Орды, или же — и это скорее всего — мы в данном случае имеем надгробие золотоордынца. Что касается диакритической точки под ط в этом названии, то она может быть поставлена для того, „чтобы указать на звонкое чтение этой буквы“, как по поводу тетюшского камня замечает Н. И. Ашмарин.⁵ Подобный же случай мы имеем еще на болгарском надгробии из с. Ст. Ашит Тукаевского р-на ТАССР.⁶

Текст надгробия с Булгарского городища см. в табл. 42.

В чтении надписи имени покойника как Мамли мы не видим особенного затруднения. Ошибочность чтения его как Сабли⁷ вызвана плохой сохранностью второго „мим“, уцелевшая правая черточка которого, очевидно, была принята за зубчик буквы ... , не имеющей здесь места. Имя Мамли мы видим и на другом надгробии из Булгар — ابوبکر یواری اول

³ Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в. . . ., стр. 72.

⁴ А. Б. Булатов. Намогильные памятники Правобережья Волги.

⁵ Н. И. Ашмарин. Булгары и чувашаи, стр. 82.

⁶ Г. В. Юсупов и Г. М. Хисамутдинов. Булгарские эпиграфические памятники XIV в. . . ., стр. 71.

⁷ Альбом болгаро-татарской эпиграфики (в библ. КФАН СССР), памятник № 8.

مامل يوارى.⁸ Оно же имеет место в татарской топонимике — дер. Мамли Тукаевского р-на, — а также и в списке языческих имен чуваш.⁹

Текст надгробия из с. Атрясы Апастовского р-на ТАССР см. в табл. 20.

Имя покойного *اترح*, как мы его читаем (Äтрәч), встречается еще на нескольких болгарских надгробиях (табл. 14). Интересно то, что имя покойного совпадает с названием татарского села Атрясы, около которого находится большое болгарское кладбище со множеством надгробий. Очевидно, факт этот нужно рассматривать как преемственность татар от болгар.

Не будучи достаточно компетентными, чтобы дать глубокий лингвистический анализ, все же несколько остановимся на языке памятников II стиля.

Из текстов надписей, как опубликованных, так и не опубликованных в печати, известно некоторое своеобразие языка болгарских надгробий II стиля. Условимся, что при рассмотрении языка этих памятников мы не будем принимать в расчет арабизмы в виде традиционных коранических формул, скорее всего относящихся к элементам типологии.

Главных особенностей в языке этих памятников мы различаем четыре: 1) джоканье, 2) наличие хронологических числительных, напоминающих, с одной стороны, чувашские, с другой — татарские, 3) двуязычность памятников, т. е. наличие наряду со своеобразными глагольными формами древнеболгарского языка элементов новоболгарского языка, 4) своеобразие некоторых глагольных форм и существительных.

Основное отличие языка памятников II стиля от языка памятников I стиля — джоканье — представлено словами

جيرم || جيرم, جيات, جور || جوز, جال, Джирәм || Джирім), которым в татарском языке ныне соответствуют: *джыл, джөз, джиде, джегерме || джирме, джегерем || джерем*.

Кроме того, на этих памятниках (табл. 23, 25, 33, 47 и др.) отмечены случаи замены фонемы *ج* фонемой *ع*, что, очевидно, объясняется сильной степенью джоканья, с одной стороны,

⁸ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

⁹ В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. Казань, 1905, стр. 55.

и диалектальными особенностями болгарского языка, с другой. Примеры эти следующие:

اج ¹⁰	вместо	ات	'то было'
جياج, جيجا, جيج	вместо	جيات	'семь'
زياراج	вместо	زيارة	'место погребения', 'могила'

Пока таких случаев еще немного (около 15), преимущественно в материале из северо-восточных районов Закамья и Тюлячинско-Мамадышских районов Предкамья, т. е. из одного створа нижнего течения Камы.¹¹ Однако имеются они и на надгробиях Предволжья (табл. 23) и юго-запада Закамья.

Выразительным примером сильного джоканья в болгарском языке является почти неизменная форма написания на этих эпитафиях جال 'год', требующая исключительно звонкого произношения ج, фонетическое значение которого умалялось Н. И. Ашмариним, видевшим в этом звуке наиболее мягкий аффрикат Ҹ и сопоставлявшим со словом *джал* чувашское *сол*, *сул*.¹² В этом мы видим искусственную лингвистическую натяжку. Звук ج довольно выразительно произносится и в современном татарском языке, а также башкиро-татарским населением западных районов Башкирии: *жыр*, *жырак*, *жил*, *жук*, *жыл* (даже *дөнъжа*, которое у казанских татар произносится *дөнъя*). Кстати говоря, болгарское слово جال, иногда встречающееся и в форме جل (*жыл*), в какой оно ныне бытует в языке казанских татар, почему-то В. Г. Егоровым и Н. А. Андреевым исключается из их языка и заменяется словом *яшь* в смысле „возраст“, что никак не может быть употреблено для обозначения календарного года.¹³

Широкие диалектологические исследования, проведенные в последние годы в ИЯЛИ КФАН СССР, показали большое

¹⁰ Замена ات — اج имеется на памятнике из с. Тяжбердино Куйбышевского р-на ТАССР, она приведена Г. Ахмаровым: История Булгарии, стр. 123.

¹¹ Села Ст. Ромашкино, Исляйкино Чистопольского р-на, Ср. Кирмени, Дигитли Мамадышского р-на, с. Кибя-Кози Тюлячинского р-на и др.

¹² Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашаи, стр. 103.

¹³ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 38; Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные. . . , стр. 240.

распространение в языке казанских татар джокающего диалекта, локализованного в основном на территории Татарии.¹⁴ Наиболее сильно джоканье распространено в западных районах Татарии.

Второй особенностью языка памятников являются болгарские числительные, указывающие дату смерти покойника.

Для более ясного представления о них приведем их здесь:

Числа	Написание числительных на памятниках II стиля (варианты)	
	количественные	порядковые
1	بیر، بر، برو	برنج
2	اک	اکش، اکنش، اکنش
3	وج	وجم
4		توتم، تواتم
5	بش، بل	بیلم، بیالم، بلج، بلج
6	الط، الط	بلج، بلنج الطش، الطش
7	جیات، جیات، جياة، جیت جتی، جیاچ، ججا، جیج	جیاتش
8	سکر، سکر	
9	طحور، طحر	
10	ون، وان	وانم
12		وانم اکش
14		وان توتم، وان تواتم
15		ون بیلم
16		وان الطش، وان الطش
18	وان سکر، ون سکر	
19	ون طحر، وان طحر	وانم طحر
20	جیرم، جریم، جرم، جیرم	جیرمش، جیارمش جیارمیش
22		جرم اکنش، جیرمه اکش
23		جرم وجم

¹⁴ Л. З а л я й. К вопросу о происхождении татар Поволжья. . . , стр. 82.

Числа	Написание числительных на памятниках II стиля (варианты)	
	количественные	порядковые
24		جیرم تواتم
25		جیرم بیالم
27	جیرم جیات	
28	جیرم سکر, جرہ سکر	
30	وטר	
33		وטר وجم
37		وטר جیاتش
38	وטר سکر	
40	جرخ, حرح	
41	جرخ برو	
49	حرح طحر	
51	ال بر	
52	ال آک	
53		ال وجم
56		ال الطیش
58	ال سکر, الو سکر	
59	ال طحر	
80	سکر وان	
90	طحرون, طحروان	طحوروانم
100	جوز, جر, جور	
600	الط جوز, الط جور	
700	جیت جور, جیح جور, جیات جور ¹⁵ جیات جور	

Как видим, для приведенных числительных характерны две особенности.

Во-первых, отмечается аналитическая форма в образовании сложных числительных

¹⁵ Пропущенные здесь числа пока на памятниках не обнаружены.

سكروان (татарское *сиксӧн* '80')

طحروان (татарское *ту'сан* '90')

наподобие чувашского *тухрванн*¹⁶ или ойротского *тугузон*¹⁷ и др.

В дате часто встречаются числительные в количественной форме вместо порядковой:

جیات جور جرم سکر جال

جیات جور جیرم جال

جیات جور ال اسک جال

جیات جور الو سکر جال

جیات جور ال سکر جال ذوالقعد وان سکر کوان ات جیات کوان ات

Во-вторых, нередко мы имеем и порядковые числительные, образованные при помощи аффикса *м*:

Количественные

Порядковые

'три' وج

'третий' وجم

'четыре' توات

'четвертый' تواتم

18 'пять' بیال

'пятый' بیالم

'семь' جیات

'седьмой' جیاتم

'восемь' سکر

'восьмой' سکر م

'девять' طحر

'девятый' طحرم

'десять' وان

'десятый' وانم

Но часто порядковые числительные образованы суффиксами *نش*, *ش*.

جیات جور جیار منیش جال

'семьсот двадцатый год'

جیات جور جرم اکنش جال

'семьсот двадцать второй год'

جیات جور وطر جیاتش جال

'семьсот тридцать седьмой год'

جیات جور وان الطیش جال

'семьсот шестнадцатый год'

جیات جور جیار منیش جال

'семьсот двадцатый год'

¹⁶ В. Г. Егоров. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1935, стр. 703.

¹⁷ Н. А. Баскаков, Т. М. Тошаква. Ойротско-русский словарь. М., 1947, стр. 150.

¹⁸ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша, стр. 92.

Из последних примеров видно, что аффикс *نش* близко напоминает аффикс *нч* татарских числительных.¹⁹

Редуцированный вариант этого аффикса *ش*, характерного для чувашских порядковых числительных, напоминает известную для говора Заказанья форму притяжательных местоимений с пропуском *н*, где вместо *безнең*, *минеңке* соответственно говорят *безен*, *минен*.²⁰

В некоторых тюркских языках, например в каракалпакском, мы подобный аффикс *нш* видим и сейчас: *екинши*, *алтыншы*, *он алтыншы*, *жетиншы*, *жирминшы*²¹ и др.

Кроме того, в образовании числительных участвует аффикс *нч*, как в языке памятников I стиля — *اون الطنج* — *اون اردى* (табл. 12), так и II стиля — *ربعل احرايع برنج كن اج* — *شعبان ابع بلنج كوان ات* (табл. 47), (табл. 3).

По форме числительные эти тождественны с числительными из памятника Кюль-Тегину, как *toğzunç*, *töğtönç*.²² Но самое важное то, что эта форма образования порядковых числительных утвердилась впоследствии в татарском языке: *بیرنجى*, *بیشنجى* 'первый', 'пятый'. Поэтому будет не совсем справедливым утверждение Н. А. Андреева, что „татарский язык не воспринял форм болгарских порядковых числительных“.²³ А наличие чередования звуков *ر || ز* в языке казанских татар (см. ниже) дает основание предполагать в прошлом бытование у них и числительных, оканчивавшихся на *ر*. Например, подставив в *جور*, *وطر*, *طحر* корреспондирующий звук *ز*,

¹⁹ Мы не согласны с Х. Фейхзановым в чтении первого слова из восьмой строки надгробия № 2 в его труде „Три надгробных болгарских надписи“ (стр. 401) — *اكنج* 'второй', мы читаем его *بلج* 'пятый'. Неправильное чтение приведено и Н. И. Ашмариним (Болгары и чувашы, стр. 90), который транскрибирует его также *اكنج*. Вслед за ним это ошибочно прочитанное числительное фигурирует и в таблице: О. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden. 1955, стр. 78.

²⁰ Н. Б. Бурганова. Языковые особенности каринских и глазовских татар. Казань, 1953. (Автореферат канд. диссертации).

²¹ Н. А. Баскаков, С. Б. Бекназаров, У. Н. Кожуров. Русско-каракалпакский словарь. М., 1947, стр. 108, 810, 159.

²² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 33, 433.

²³ Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 245.

получим طحز (тохоз || токоз), وطز (отоз), جوز (жюз), причем последнее, как указано выше, в таком написании (جوز) встречается на эпитафиях II стиля.

Так же обстоит дело с числительным, оканчивающимся на ل — بيال || بل 'пять', соответствующим بش в татарском языке, где также известно чередование л — ш (камыл — камыш). Редуцированным вариантом порядковых числительных с аффиксом нч являются числительные, часто встречаемые на эпитафиях в виде بلج — بلج ('пятый', от بل), но неправильно транскрибируемые многими — беледж, а не белчи, как их следует транскрибировать. Таким образом, мы здесь видим чередование звуков ч — ш в образовании болгарских порядковых числительных, что, по-видимому, следует объяснить диалектальным явлением в болгарском языке — так же, как употребление в нем аффикса м. Характерно чередование звуков ч и ш в диалектах татарского языка (чык — шык, чйкеч — чйкеш и др.), особенно на окраине их расселения, например у парангинских татар.²⁴ Все это, кажется, делает возможным для татарского языка и образование порядковых числительных с помощью аффиксов нш и ш (которых мы пока не знаем), соответствующих нч и ч болгарских числительных (الطنج بلج) и современных (беренче, бишенче, алтынчы).

Из сопоставления некоторых болгарских числительных с татарскими получим следующее звуковое соответствие:

Болгарский	Татарский
ر (جور)	ز (جوز)
ل (بل, بيال)	ش (بشر)
ح (حرج)	ق (قرق)
ت (توات)	د (دورت)
و (وج)	او (اوچ)
ون — وان) و او	اون (اون)

В свете этих чередований нельзя не остановиться здесь на следующем: в топонимике ТАССР мы имеем ряд названий

²⁴ Л. З а л я й. Татарская диалектология. Казань, 1947, стр. 30. (На татарском языке).

сел, оканчивающихся частицей *ширма*, — Орымширма, Икширма, Караширма, Яуширма (Джаужирма), Ямаширма.²⁵ Смысл этой частицы становится ясным из названия деревни Шуширма, данного по названию протекающей здесь речушки. Село и речушка называются еще по-иному — Баллы *ширма*, т. е. Медовая ширма. Из смысла *Баллы* вытекает и значение частицы *ширма* 'речушка', 'ручей', соответствующее, очевидно, *чишма* в современном татарском языке. Таким образом, в данном случае мы имеем соответствие звуков *ч || ш* и *ш || р*.

Небезынтересно также отметить то, что Джауширма (Чистопольский р-н ТАССР)²⁶ есть и название той речки Джаушиз, или Джаушыр (пишется и *з* и *р*), где во время своего путешествия побывал Ибн-Фадлан.²⁷

Фонетические переходы звуков в тюркских языках — явление общеизвестное, объясняющееся, очевидно, древними историческими корнями их. Было бы большой ошибкой, если бы только по этому признаку, т. е. по несоответствию болгарских звуков звукам современного татарского языка, мы рассматривали эти языки изолированно друг от друга, как сделали сторонники теории болгарского происхождения чуваш.

В татарской диалектологии, как в зеркале, отражаются все эти кажущиеся на первый взгляд загадочными стороны болгарского языка, например корреспонденция звуков *р* и *з*, бытующая и ныне в татарском языке (хотя и не в числительных).

Это мы видим из следующих слов:

<i>яткызу</i> — <i>яткыру</i>	'уложить'
<i>котказу</i> — <i>коткару</i>	'спасать'
<i>менгезү</i> — <i>менгерү</i>	'поднимать'
<i>сөзү</i> — <i>сөрү</i>	'ловля рыбы бреднем'
<i>белгезү</i> — <i>белдерү</i> ²⁸	'оповестить'
<i>кигезү</i> — <i>киертү</i> ²⁸	'одевать'
<i>салгызу</i> — <i>салдыру</i>	'раздевать'

²⁵ Село это находится на речке Ямашурминке или, иначе, Яшурме, Ящерме. См.: И. А. Износков. Список населенных мест Казанского уезда. Казань, 1855, стр. 2, 8 (Собакинская и Чепчуговская волости). На кладбище села имеются надгробия XIV и XVI вв. На карте ТАССР название это пишется „Ямашурма“.

²⁶ Ныне с. Кутлушкино, стоящее на реке Яуширма (Джауширма).

²⁷ А. П. Ковалевский. 1) Чуваш и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 14, 18—19; 2) Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956, стр. 131, 139, 225.

²⁸ Л. Т. Махмутова. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. Материалы по диалектологии. Казань, 1955, стр. 141.

Явление это говорит за то, что в истории татарского языка чередование $p \parallel z$ было довольно распространенным. Поэтому отрицание его Б. А. Серебренниковым не оправдано.²⁹ К этой же категории примеров следует отнести и имена *Жөри* || *Йөзи*, топонимические названия *Қандыр* || *Қандыз* (от *қандыз* 'бобр'), слова *күр* || *күз*. Смысловая тождественность последних более заметна в производном от *күз*—*күзәт*.

Несомненно к числу проявлений ротацизма относится одно топонимическое название, слышанное мною в Кушнаренковском р-не Башкирской АССР во время моего пребывания там в составе историко-этнографической экспедиции КФАН СССР. Старожилы с. Талбазы (населенного тептярями), наряду со многими другими интересными сведениями, сообщили мне название одного из их полей: *Шар-басу*, где *басу* 'поле', а что означает *шар*— мне никто не мог сказать. Однако, заподозрив здесь проявление ротацизма и чередование звуков $ш \parallel с$, я спросил своего собеседника, нет ли на этом поле заболоченности, и получил ответ, что заболоченность имеется и там ныне колхозники добывают торф. После этого не осталось никакого сомнения в том, что слово *шар* в современном языке татар тождественно слову *саз* 'болото'. Семантически это слово возводится Г. Алпаровым к тюркскому *су* 'вода'.³⁰

В свете этого заслуживает внимания тот факт, что на административной карте Татарской АССР села с названием *Сарсаз* преимущественно расположены на заболоченных местах у поймы, — например, Русский *Сарсаз* (Чистопольский р-н) на левобережье р. Камы, *Сарсаз-Тралы* и *Сарсаз-Гора* (Мензелинский р-н) на левобережье р. Ик. В данном случае название это образовано из парного слова *шар-саз* 'болото' путем замены фонемы *ш* фонемой *с*, на основе регрессивной ассимиляции. Что касается чередования звуков $с \parallel ш$, то оно, как диалектальное явление, имеет место в татарском языке (*шугыш* вместо *сугыш*, *шөйләшү* вместо *сөйләшү* и др.).

Кроме того, *шар* имеется и в таком топониме, как *Шаршада* (Красноборский р-н ТАССР), который, по-видимому, равнозначен *Сарсаз* (*Шаршад*), но построен на принципе уже других звуковых соответствий (например $p \parallel z \parallel й \parallel д$, о чем речь будет ниже).

²⁹ Б. А. Серебренников. К вопросу о действительных взаимоотношениях. . . , стр. 73.

³⁰ Г. Алпаров. Избранные труды, Казань, 1945, стр. 306.

Таким образом, в приведенных примерах мы безусловно имеем болгарские формы языка, сохранившиеся в топонимике Башкирии и Татарии. Как в первом, так и во втором случае соответствие этих древних форм языка болгар древности указанных населенных пунктов как бы подтверждает зафиксированный впервые нами в эту поездку клад золотоордынских монет XIV в. в с. Талбазы и имеющиеся болгарские надгробия XIV в. у с. Русские Сарсазы.

Но самый выразительный пример пережитка бытования ротацизма в татарском языке, наследования его болгарскому языку мы видим в татарском выражении *кыз-кыркын* с собирательным значением слова *кыз* 'девушка'.³¹ Слово *кыркын* в отдельности означает пленницу. Однако — аналогично выражениям, состоящим из двух слов одного и того же смысла, — значению *кыз* в данном случае соответствует *кыр*.³²

На болгарских эпитафиях II стиля часто встречается термин *هير* 'его дочь', например: *رمضان هير سیت* — „дочь Рамазана Сайта“. На некоторых же эпитафиях II стиля (XIII—XIV вв.) имеется выражение *هير حوم* (табл. 5, 7, 13). Сопоставление этих двух выражений дает понятие „девушка“ в трех формах: *кыз* || *кыр* || *hir* (*هير*). Однако из выражений *кыркын* и *هير حوم* остается непонятым *кын* и *حوم*.

Проф. В. Г. Егоров в своей книге раскрывает одно забытое у чуваш, но сохранившееся в сказке „Пике“ выражение — *Хӑрхӑм*.³³ Вторую половину этого выражения, *хӑм*, он отождествляет с древнетюркским *кӱн* 'рабыня' (из большой надписи Кюль-Тегина) и этимологизирует выражение: *хӑр* 'девушка', *хӑм* 'рабыня', 'служанка'.

Расчленив и сопоставив все три выражения —

Татарский	Болгарский	Чувашский
<i>кыркын</i> 'пленница'	<i>هير حوم</i> ?	<i>хӑрхӑм</i> 'девушка-рабыня'
<i>кыр</i> 'девушка'	<i>هير</i> 'девушка', 'дочь'	<i>хӑр</i> 'девушка'
<i>кын</i> ?	<i>حوم</i> ?	<i>хӑм</i> 'рабыня'

³¹ Шаихзаде Бабиç, Избранные произведения, Казань, 1958, стр. 127.

³² Например, в подобного рода выражении *бала-чага* слова *бала* и *чага* — одного и того же смысла: „дитя“.

³³ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, стр. 43.

— убеждаемся в смысловом соответствии слов и второй половины этих выражений: *қын* — *حوم* — *хӓм* 'рабыня', 'пленница'. Из сопоставления *қыр* — *хӓр* — *هير* (*hir*) видим чередование звуков *қ* — *х* — *h*.³⁴ Короче, татарскому *қ* соответствуют болгарские *х* и *h*. Чередование *h* — *х* является характерным для татарского языка и ныне: так, вместо *hэм* часто говорят *хэм*, а вместо *шӓһэр* — *шӓхэр*.

Здесь, кстати, нужно указать на приведенные выше разнописания одних и тех же числительных: *يال* — *بل* 'пять', *جوز* — *جور* 'сто', *الو* — *ال* 'пятьдесят', *تواتم* — *تواتم* 'четвертый', *وان* — *ون* 'десять' и др., что, очевидно, является следствием диалектальных особенностей болгарского языка. Возьмем числительное 10 — *وان* — *ون* в болгарском и *اون* в татарском языках. В первом варианте болгарское *وان*, очевидно, нужно произносить протяжно: *оон*; во втором же *ون* — кратко: *он*. Подобно этому звучит и двойко пишущееся порядковое числительное *تواتم* — *تواتم* от количественного *توت* — *тот* и *توات* — *тоот*. Подобным же образом обстоит дело и с произношением других числительных, например: *وطر* — *отор*, *طحر* — *тохор*, наподобие *отоз*, *токоз*. Получается впечатление, что в языке самих памятников II стиля проявляются две формы окающего диалекта — *оон* и *он*. То же, очевидно, вытекает и из двойкого написания термина „день“: *كوان* — *كون* (иногда *كن*).³⁵ Наиболее ясно виден окающий характер древнеболгарского языка на примере болгарских заимствований в марийском языке, например: *ояр* 'ясный', *окса* 'деньги', *орва* 'телега', *мотор* 'красивый', *олма* 'яблоко',³⁶ вместо татарских *аяз*, *акча*, *арба*, *матур*, *алма*, причем болгарское происхождение первого слова с его ротацизмом, кажется, не оставляет сомнения.

То же самое болгарское „оканье“, как нам кажется, звучит и в удмуртском языке (*оксиз* 'сирота', *ось* 'месть', *курбон*

³⁴ Ин. ересчо отметить наличие на одной эпитафии (табл. 27) написания *هير* вместо *حير*.

³⁵ Быть может, мы здесь имеем два диалекта — болгарский и суварский, упоминаемые М. Кашгарским.

³⁶ И. Ф. Андреев, Д. И. Иванов, К. Ф. Смирнов, Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола, 1946.

‘жертва’, *мотор* ‘красивый’, ‘стройный’, *ултон* ‘ подошва’, *юлтош* ‘друг’, ‘товарищ’) наряду с „аканьем“ поздних его заимствований от татар (*мактан* ‘хвала’, *масхара* ‘смешной’, *таза* ‘здоровый’).³⁷

Несомненно, с этим „оканьем“ болгар нужно связывать и общеизвестное произношение в современном татарском языке гласного *a* приближенно к *o*. Исходя из сравнения татарского и чувашского языков, историческое восхождение этого явления к языку болгар подчеркивает в своем новом труде и Л. Заляй. Таким образом, в болгарском языке преимущественно был „окающий“ говор.³⁸ Возможно, как уже отмечалось, что диалектными особенностями болгарского языка

нужно объяснять разное написание числительных: *جیات* — *جيام* ‘семь’, *جيرم*, *جيرم*, *جرم* ‘двадцать’. В трех вариантах зафиксирована глагольная форма *آت*, *ات*, *اج*, причем произношение числительного *جيرم* — *جرم* ‘двадцать’ — явление, аналогичное диалектной особенности татар нагорной стороны ТАССР,³⁹ в произношении некоторых слов опускающих звук *z* (так, вместо *тегерман* говорят *тирмэн*, вместо *джигерме* — *джирме*). Известно, что в сравнении с южнотюркскими языками казанско-татарский язык отличается употреблением в конце некоторых слов фонемы *و* вместо *ع*, например: уйгурское *باع*, *تاع*⁴⁰ — татарское *باو*, *تاو*; уйгурское *أليم*⁴¹ — древнеболгарское *الو* (табл. 29). Следовательно, характерное для татарского языка *و* исторически восходит к древнеболгарскому

³⁷ Удмуртско-русский словарь. М., 1948.

³⁸ Л. Заляй. Материалы по исторической фонетике татарского языка. Казань, 1954, стр. 28.

³⁹ Диалектологический словарь, ч. III. Казань, 1958, стр. 155.

⁴⁰ Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 144.

⁴¹ С. Е. Малов. Два уйгурских документа. Ташкент, 1927, стр. 10 (там имеется числительное 52, которое С. Е. Маловым транскрибируется Алиг ики); П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. Русск. Археолог. общ., т. XII, 1899, вып. 2—3, стр. 95.

языку. Поэтому едва ли справедливо будет отрицать наличие дифтонгов и в языке болгар XII—XIV вв.⁴²

На нескольких памятниках нами обнаружено числительное حرج 'сорок' (табл. 26).⁴³ Факт этот вместе с встречающимися حيراتلو, ايع, طحر⁴⁴ говорит о наличии в болгарском языке фонемы ح, что ранее отрицалось некоторыми лингвистами.⁴⁵

Нельзя согласиться с тем, что она вошла в татарский язык через „книжные арабский, персидский и др. языки“.⁴⁶

Чередование ح || ق у хазар отмечено С. П. Толстовым (қахан, хақан, қаған); это соответствует делению хазарского языка на восточный и западный диалекты.⁴⁷ Поэтому очень возможно, что такое чередование имело место и в древнеболгарском языке и фонема ح не является результатом влияния „финноугорского субстрата“.⁴⁸ Поэтому естественно наследование этого чередования и в языке казанских татар. Согласно определению казанского нумизмата А. Б. Булатова, на некоторых болгарских монетах в слове بلغار (Блгар) вместо ع употреблена фонема م: بلخار (Блхар).⁴⁹ Пережиточное употребление этого звука вместо ق мы видим на памятнике XVI в. (توقوز вместо توحوز) с кладбища с. Епанчино Лаишевского р-на ТАССР (табл. 60). То же самое мы наблюда-

⁴² Д. М. Сарманова. Диалектические особенности языка среднеуральских татар. Казань, 1949, стр. 7. (Автореферат канд. диссертации).

⁴³ Такое числительное (حرج — хырых) отмечает и Н. И. Ашмарин (Болгарские надписи... , стр. 19).

⁴⁴ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

⁴⁵ Л. Залая. К вопросу о происхождении татар Поволжья... , стр. 85.

⁴⁶ Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. Сб. „Материалы по диалектологии“, Казань, 1956, стр. 37.

⁴⁷ См. выступление С. П. Толстова на сессии Академии наук СССР, посвященной вопросу происхождения казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 139.

⁴⁸ Б. А. Серебряников. К истории звуков чувашского языка. Уч. зап. Научно-исслед. инст. яз., лит., ист. и экон. при Совете Министров Чув. АССР, вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 83.

⁴⁹ А. Б. Булатов. Светирский и Альмеьевский клады, найденные на бывшей территории Болгарского государства. (Рукопись; хранится в архиве КФАН СССР).

даем на эпитафии XVIII в. (табл. 76), где вместо ⁵⁰قطایى мы читаем ^{قطایى}. В древней исторической литературе о булгарах факт этот (قطایى вместо ^{قطایى}) имеет место в ^{جوامع التواریح}, ^{بلعاریه} ^{نواریح} и других произведениях.⁵¹ Отсюда понятно наличие чередования ^ق—^ع в говорах татарского языка, например употребление ^ق вместо ^ع: ^{Сэлэқ} || ^{Сэлэх}, ^{Исқақ} || ^{Исхақ}, ^{қатын} || ^{хатын}, ^{қалық} || ^{халық}, ^{Салиқ} || ^{Салих}, ^{Қатип} || ^{Хатип}, ^{қат} || ^{хат}, ^{қэбэр} || ^{хэбэр}, ^{қач} || ^{хач};⁵² имеет место и обратное явление, т. е. употребление ^ع вместо ^ق: ^{вахыт} || ^{вақыт}, ^{хэберлек} || ^{қэберлек} и др.

Здесь следует остановиться еще и на факте своеобразного написания на эпитафиях II стиля слов ^{دنیادان}, ^{طندوی}, ^{هجرةدان}, которые преимущественно написаны вместо ^د через ^ر. В отношении одного из них — ^{طندوی}, — исходя из традиционной точки под ^ر в одной надписи, зафиксированной Г. Ахмаровым, Н. И. Ашмарин допускает чтение его через ^ر: ^{طنروی}.⁵³ Так же читает его О. Прицак.⁵⁴ Написание указанных слов через ^ر вместо ^د мы можем проследить в нашем приложении в следующих надписях: табл. 3, 5, 11, 23, 30, 31, 48, текст 1. В одном из них над ^ر имеется точка, позволяющая читать это слово как ^{دنیازان} (табл. 11). Встречающаяся традиционная точка под ^ر устраняет подозрение в простом сходстве в написании ^د и ^ر, т. е. в палеографической небрежности писца. Явление это следует рассматривать как закономерное чередование звуков ^د и ^ر. Из наличия на эпитафиях форм ^{دنیادان}, ^{دنیاзан}, ^{دنیااران} вытекает соответствие звуков

⁵⁰ „Катайский“ — от известного среди тюркских народов эпонима „قطایى“ (^{қатāй}).

⁵¹ Шараф ад-дйн Булғарй. История Булгарии, стр. 13; А. Саади. Новый материал по истории татарской литературы древней эпохи. Казань, 1927.

⁵² Н. Б. Бурганова. Особенности говора татар... стр. 31—32.

⁵³ Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашы, стр. 97—98.

⁵⁴ O. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, стр. 87.

د || ز || ر. Чередование *д* || *э* мы встречаем в таких примерах (из татарского языка):

йодрык — йозрык 'кулак'
 сидрәй — сизрәй 'изнашиваться'
 кода — коза 'сват'
 бодай — бозай 'пшеница'
 адак — азақ 'нога'

Примеры чередования *д* || *й*:

коды — койы 'колодец'
 иде — ийе 'да'

Чередование звуков *д* || *р*:

бодай — борай 'полба' (разновидность пшеницы)
 тудун — турун

Соответствие орхоно-енисейского *d* чувашскому *p* (*тудун* — *турун*) ранее было замечено и В. Г. Егоровым.⁵⁵ Здесь не безынтересно заметить употребление в татарской литературе слова *турун* в смысле „внук“.⁵⁶ Из всего этого соответствия фонем *д* || *э* || *р* || *й* в материале эпитафии имеет место *ر* || *ز* и *ر* || *د* (в *دنياران* || *دنپادان* || *دنپازان* и в *جوز* || *جور*).

Из небольшого лексического материала мы здесь должны констатировать такие звуковые переходы в болгарском языке, как *د* || *ق*, *ق* || *ح*, *ح* || *ع*, *ر* || *ز*, *د* || *ر*, *ز* || *س*, *د* || *ت* и др. Например, последние два перехода становятся ясными хотя бы из написания имени *Зобъйдä* (что и сейчас имеет место среди казанских татар) в виде *سَبَيْت* (*Söbäytä*, табл. 43). Кроме того, в языке памятников II стиля звуки *т* и *с* заменяют *д* и *э*:

ایدی ایردی — ایت
 دورت — توات
 سیده⁵⁷ — سیت
 بولدی — بلیت || بلطوی

Для памятников же I стиля, т. е. новоболгарского языка, типично употребление звука *д*. Говоря об этом явлении,

⁵⁵ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I, стр. 22, 41.

⁵⁶ Муса Джалил. Алтынчеч. Избранные произведения, т. II, Казань, 1955, стр. 35.

⁵⁷ Женское имя *Сäйдä*, по-болгарски *Сäйтä*.

характерном, по словам С. Е. Малова, для наиболее древней стадии тюркского языка, Л. Заляй отмечает, что татарский язык в процессе своего развития перенял звук *t* от болгар и сувар, а звук *d* — от огузов и кипчаков.⁵⁸ Чередование этих звуков в диалектах татарского языка ныне является фактом довольно распространенным:

<i>tävä</i>		<i>дӱвӱ</i>
<i>пышылтау</i>		<i>пышылдау</i>
<i>горселтӱй</i>		<i>горселдӱй</i>
<i>тиде</i>		<i>диде</i> ⁵⁹

Следующей особенностью языка памятников II стиля являются встречающиеся в них выражения, которые по своим грамматическим формам напоминают памятники I стиля.

Например:

فانى دنيادين باقى احرت كا رحلت طنڧوى⁶⁰

أحرة بَطْوَى هَجْرَةَ رَانَ الطَّجُورِ (табл. 3);

فانى دُنْيَارَانِ باقى اد[رة] رحلة طُنْرُوى (текст 1);

فانى دُنْيَارَانِ ... باقى احرة يطوى (табл. 30);

دُنْيَارَانِ سَفْرَط [نروى] (табл. 39);

دُنْيَارَانِ كَوْحِرُوى (табл. 11);

فانى [دُنْيَارَانِ] كَجْرُوى (табл. 33);

دُنْيَارَانِ رحلة طُنْرُوى (табл. 48);

الله رحمة اطنظم (табл. 50);

طُنْطُرْمَ حَوْ بَلْعِ (табл. 3).

⁵⁸ Л. Заляй. Материалы по исторической фонетике..., стр. 74.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Г. Ахмаров. История Булгарии, стр. 124. — Некоторое недоверие в этом примере вызывает форма *احرت كا*: это слово всегда встречается в виде *أحرة*, в данном случае оно, возможно, было искажено при списывании Г. Ахмаровым. То же самое надо полагать в отношении слова *دُنْيَادِين*, которое пишется на эпитафиях XIV в. в форме *دُنْيَارَانِ* или *دُنْيَادَانِ*.

По поводу первого из них в свое время Н. И. Ашмарин подметил, что в данном случае „чувашиские формы перемешаны с джагатайскими“.⁶¹ В целях уточнения мы должны сказать, что здесь действительно имеет место смешение древнебулгарских форм с новобулгарскими. Вообще факт этот надо расценивать как показатель бытования у болгар в то время (XIV в.) языка памятников I стиля — новобулгарского языка; употребление его частично в надгробиях II стиля следует считать лишь дополнением к отжившим формам древнебулгарского языка, превратившегося к этому времени в язык надгробий. В частности, об этом свидетельствует наличие наряду с часто употребляемой на камнях II стиля древней формой *وفات بلطوی* формы *وفات блт* (табл. 28). Все эти глагольные формы, несмотря на их морфологическое своеобразие, мы легко можем сопоставить с современными татарскими:

тынды (түнде) — тындүви — тынрүви *طنروی — طندوی*
 ятты — йатүви *یطوی*
 батты (не в смысле утонул) — батүви *بطوی*
 кучте — күчрүви *کوحروی* }⁶²
 кичте — кічрүви *کچروی* }
 вафат булды — вафат былтүви⁶³ *وفات بلطوی*
 вафат булты *وفات блт*
 „ *وفط بلطی ده*

В татарском языке мы и сейчас имеем такие своеобразные морфологические формы, как *бармалы*, *булдачи* (характерные для западного диалекта), *кичү*, *итенү* и др., которые раньше, очевидно, имели более широкое употребление. Ныне бытующая страдательная форма *итену* в смысле „делать“ (*син ни итенеп йörисең* ‘что ты ходишь — делаешь’ или ‘что ты делаешь — ходишь’) интересна в свете толкования О. Прицаком *اطنروی* как *قیلاری* ‘сделал’. Синонимом последнего ныне имеем *итте*, что видим из часто встречаемого выражения на татарских эпитафиях XIX—XX вв. — *الله رحمت اتسن*, тождественного также часто встречаемому *الله رحمت قیلسون*. Отсюда, возможно, как *اطنروی*, так и *اطنظم* есть производные от глагола *итену*

⁶¹ Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашаи, стр. 97.

⁶² Эта форма очень редко встречается (см. табл. 11, 33).

⁶³ Быть может, этот часто встречаемый термин в такой форме следует читать как *бәлтөө* с протяжным окончанием прошедшего времени.

Одну из особенностей — архаичность древнебулгарского языка — очевидно, нужно объяснить, кроме причин социального порядка, и географическим положением булгар, т. е. отдаленностью их от центра тюркской речи.

Итак, обзор языка памятников I и II стилей указывает на существование некогда у булгар двух последовательно сменявшихся друг друга языков — древнебулгарского и новобулгарского, — принадлежавших одному, единому в социально-этническом отношении народу: волжским булгарам.⁷⁴ Последнее убедительно доказывается наличием на одних и тех же кладбищах камней I и II стилей.

Чтобы судить о роли древнебулгарского языка надгробий II стиля в создании современного казанско-татарского языка, недостаточно простого языкового сопоставления, а следует подойти к этому вопросу исторически. Вследствие ряда военных ударов, обрушившихся на Булгарское государство во второй половине XIV в. и в начале XV в., оно претерпевает глубокие изменения в своем внутреннем устройстве и в дальнейшем превращается в ханство Казанское.⁷⁵ С этих пор основным центром сосредоточения населения его становится Казань, названная в летописях Новым Булгаром.⁷⁶ Об этом же говорят слова русских летописей: „Болгары рекше на Казань“, „на Булгарского князя Асана еже ныне глаголются казанцы“.

Древнее булгарское население, несмотря на ряд потрясших край исторических событий, осталось на своей прежней территории. Однако оно претерпело значительные изменения как в отношении языка, так и названия. Отчасти это было обусловлено воздействием других тюркских и местных финно-угорских племен.

В свою очередь, булгарский язык не мог не повлиять на язык других этнических групп, составных частей многоплеменной Булгарии (предков чуваш, удмуртов, мари и др.), в языке которых мы видим и ныне значительные следы этого далекого прошлого. Так, для удмуртов на территории Татарии и сопредельных с ней районов характерно сильное джоканье, не говоря уже о лексической стороне их языка, богатого булгаро-татарскими элементами. Близость волжских булгар к зоне оживленного движения огузов и кипчаков

⁷⁴ П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных. Сов. этногр., 1950, № 3, стр. 52.

⁷⁵ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 246.

⁷⁶ История Татарии в материалах и документах. Казань, 1937, стр. 122.

при их принадлежности к тюркской системе языков и культуре способствовала все большему и большему обновлению довольно архаической формы болгарского языка, который впоследствии у болгар исчез как разговорный язык. В результате возник новоболгарский язык (кипчакского типа), близкий к современному казанско-татарскому языку. Чередование в нем звуков *к*—*ç* (*чоґыр* вместо *чоқыр*, *çоe* вместо *кoe*), имеющее место в Камско-Устьинском р-не ТАССР⁷⁷ нужно считать огузским элементом. Наличие среди наших памятников такого этнонима и титула, как *төркмән* и *инāl* (табл. 7, 16), дает также основание предполагать большие болгаро-огузские языковые связи на почве политико-этнических отношений в эпоху, когда Волжская Булгария вела торговлю с Хорезмом через земли огузов.⁷⁸

„Кочевники, — говорит проф. А. П. Смирнов, — представленные племенами, входившими, судя по памятникам материальной культуры, в число сармато-аланских племен, являлись болгарами, т. е. одним из племен, входивших в болгарский союз племен, по которому они и могли получить свое имя, подарив его, в свою очередь, одному из городов по Волге. Более высокая военная организация кочевников дала им перевес над оседлыми соседями, и то обстоятельство, что все государство именовалось «Болгарским», показывает, что болгары подчинили себе окрестные племена“.⁷⁹

Сказанное, очевидно, относится к начальному периоду сложения Болгарского государства. Однако впоследствии потомки самих этих болгар, оказавшись оседлыми высококультурными земледельцами, стали, как уже отмечалось, соперниками кочевников последующих волн, тюрков — огузов и кипчаков (X—XIII вв.).

„В конечном счете в процессе скрещения двух элементов, — замечает проф. Л. З. Заляй, — кипчакское «й» приобретает господствующее положение и утверждается в татарском языке как литературная норма“.⁸⁰ Наибольшую устойчивость показала фонема *й*, которая „сохраняется в большинстве тюркских диалектов, включая древнетюркский, орхонский и

⁷⁷ Л. Заляй. Татарская диалектология, стр. 55.

⁷⁸ С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской культуры. М.—Л., 1948, стр. 242—245.

⁷⁹ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 26—27.

⁸⁰ Л. Заляй. К вопросу о происхождении татар Поволжья... стр. 85.

половецкий".⁸¹ В истории татарского языка наглядный пример проявления устойчивости *й* — нукратский говор, где ныне наблюдается только „йоканье“, тогда как датированные XIV в. болгарские эпитафии здесь говорят об имевшем место „джоканье“, теперь совершенно отсутствующем.

В ходе разбора небольшого языкового материала памятников II стиля мы видим, как современный язык казанских татар своими диалектальными особенностями перекликается с древнеболгарским языком. Одним из основных отличий его ныне являются вышеуказанные звуковые переходы, послужившие главной причиной непризнания некоторыми учеными болгарского происхождения этого языка. Поэтому мы никак не можем согласиться и с утверждением Б. А. Серебряникова, что начало татарскому языку положил кипчакский.⁸² Не отрицая определенной роли этого языка в формировании современного татарского, следует указать, что кипчакский и огузский языки, наслоившись на древнеболгарский, резко изменили направление его развития при том же, в основном, этническом (болгарском) субстрате. Процесс этот не коснулся чувашского языка, с его финно-угорским субстратом.

Выше мы видели, как далеко в глубь болгарской старины уходят исторические корни татарского языка, имеющего прямое отношение к языку памятников как I, так и II стиля, вопреки всяким попыткам умаления роли древнеболгарского языка в истории формирования татарского.⁸³ Материалы татарской диалектологии, с одной стороны, и древнеболгарский язык, с другой, находятся в тесной взаимосвязи. Таким образом, из консолидации древнеболгарского языка в течение длительного времени с огузо-кипчакскими языками получился современный казанско-татарский, близкий к языку I стиля надгробий, со многими элементами древнеболгарского языка.

Возникает вопрос: когда же закончился процесс сложения новоболгарского языка, сменившего древнеболгарский?

Судя по дате памятников II стиля, язык их бытовал и во второй половине XIV в., ибо самый поздний из известных нам памятников этого стиля датирован 1358 г. После этого мы их нигде не находим. Это в свое время было подмечено

⁸¹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 41.

⁸² Б. А. Серебряников. К вопросу о действительных взаимоотношениях... стр. 73.

⁸³ М. Сафаргалеев. Один из спорных вопросов истории Татарии. Вопр. истории, 1950, № 7, стр. 76.

и проф. Н. Ф. Катановым. Однако, считая его замечание справедливым, мы ни в коей мере не поддерживаем его выводов относительно отатаривания чуваш, которым, по его мнению, и принадлежали указанные эпитафии.⁸⁴

Начиная с болгарских надгробий, датированных 1382 и 1399 гг., которые мы выше назвали переходными по своему внешнему оформлению (табл. 44, 45), мы наблюдаем наличие на памятниках только одного языка, причем вполне сходного с языком надгробий I стиля, в котором совершенно не встречаются те архаические числительные, какие имели место на памятниках II стиля. Как же объяснить, что за такой короткий период — в 20—25 лет — исчез язык II стиля памятников? Некоторые, не объясняя этот факт, просто обходят его молчанием,⁸⁵ другие же объясняют его „сменой древней болгарской культуры казанско-татарской культурой“ и „вытеснением болгарских элементов языка элементами казанско-татарского языка“, хотя не могут не признать малочисленность надгробных надписей, содержащих, как они выражаются, „татаризмы“.⁸⁶ Куда же могла деваться та феодальная верхушка болгарского общества, которой преимущественно принадлежали надгробия с „чувашизмами“? „Отатаривание“ их за такое короткое время невозможно. Дело здесь в том, что после разгрома болгар Булат-Тимуром в 1361 г. Болгария в значительной мере потеряла свое политическое могущество, территориально переместилась к северу, в места с другими физико-географическими условиями и иной этнической средой. Все это не могло не отразиться на экономике и культурных традициях общества. Поэтому изменилась и традиция — писать эпитафии на древнеболгарском языке, который задолго до этого перестал быть разговорным и употреблялся лишь как язык эпитафии. В свете этого явления интересно высказывание проф. А. П. Смирнова по поводу связей болгар с кипчаками. Он говорит: „Эти близкие политические и культурные взаимосвязи определили и языковую ассимиляцию левобережных болгар. По-видимому, еще в домонгольскую эпоху язык болгар претерпел значительные

⁸⁴ Н. Ф. Катанов. Чувашские слова..., стр. 11. — Говоря об этом, автор в то же время проходит мимо такого факта, как отсутствие эпитафий с так называемыми „чувашизмами“ в XV, XVI и XVII вв. (т. е. до крещения чуваш) на самой территории Чувашии, где мы находим во множестве памятники XVI в. только на татарском языке.

⁸⁵ В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные..., стр. 110—112.

⁸⁶ Н. А. Андреев. Чувашские порядковые числительные..., стр. 244.

изменения".⁸⁷ По мнению А. П. Смирнова, близость к кочевому миру, сыгравшая большую роль для левого берега, не могла повлиять на лесное правобережье; поэтому культура населения правобережья не подвергалась такому внешнему воздействию. Кстати, следует отметить и то, что малое число памятников I стиля и большое число памятников II стиля ничуть не отражают соотношения распространенности болгарского и кипчакского языков в Булгарии, что хотят доказать некоторые авторы.⁸⁸ Количественное преобладание памятников II стиля, написанных на древнеболгарском языке, когда этот язык в качестве разговорного уже вышел из употребления, является лишь показателем живучести старой традиции и привязанности болгар к своему древнему языку.

Время сложения новоболгарского языка и окончательного растворения в нем древнеболгарского, иными словами — „исчезновения“ последнего как разговорного языка, надо отодвинуть значительно назад, к X—XI вв., т. е. ко времени образования Болгарского феодального государства. Как на некоторый ориентир можно указать, например, на то, что в начале X в. у болгар Ибн-Фадланом уже зафиксировано употребление в произношении одного и того же названия реки наряду с *p* и фонемы *z* (*Джаушир* || *Джаушыз*).⁸⁹ Однако бытование древнеболгарского языка (до 1359 г.) на камнях — святынях болгар — было уже только пережиточным существованием его как языка надгробий.

Подобного рода примеров пережиточного существования мертвых языков в истории народов мы знаем немало — старославянский, древнееврейский, коптский и др., употреблявшиеся только в богослужении. Немало известно подобных аналогий и из погребального обряда у различных народов. Например, русские в Татарии (правобережье Волги), живя среди татарского населения, ранее носили в быту татарские лапти, но при похоронах обували покойников только в русские лапти.⁹⁰ Наконец, на татарских кладбищах много подобных архаизмов и на современных надгробиях (XIX—XX вв.), где часто читаем вместо *улы* 'сын' древнюю форму — *углы*,

⁸⁷ А. П. Смирнов. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа. Сб. „О происхождении чувашского народа“, Чебоксары, 1957, стр. 26.

⁸⁸ В. Д. Дмитриев. Некоторые исторические данные... стр. 112.

⁸⁹ А. П. Ковалевский. 1) Книга Ахмеда ибн-Фадлана... стр. 131, 139; 2) Чуваша и болгары... стр. 19.

⁹⁰ Е. П. Бусыгин. Взаимовлияния русских с народами Поволжья (по этнографическим материалам XIX в.), стр. 16 (рукопись).

что можно наблюдать на камнях I стиля в XIV в., а вместо *تاریع منکده* (по летосчислению в тысяча) — форму *بنکده*, что сплошь и рядом встречается в книге XII в. „Кисса-и-Йусуф“ (*قامتی بنک دینار*), — стр. 100), не говоря уже о более поздних памятниках. Аналогичное явление можно отметить и в отношении русских надгробий, многие из которых в недавнем прошлом писались на старославянском языке.

Что касается болгарско-чувашических отношений в свете языка надгробий II стиля, то основным в этом вопросе является расшифровка болгарских числительных, исходя из некоторого фонетического сходства с ними чувашских числительных, вернее из ротацизма чувашского языка:

Чувашский: чер 'сто'

Булгарский: *جور* 'сто'

Татарский: *جووز — йюз* (жөз — йөз) 'сто'

Только на основе такого простого сопоставления, без учета исторических корней этих языков, несколько поколений ученых ставили знак равенства между чувашами и булгарами.

О генезисе чувашского языка ныне довольно четко высказался в своем докладе на сессии, посвященной этногенезу чувашского народа, Б. А. Серебренников: „Нам кажется, что в настоящее время можно сделать вполне определенный вывод о том, что к моменту вторжения тюркских племен на территорию Чувашии значительная часть этой территории была занята древнемарийскими племенами и язык тюркских пришельцев наслаивался на марийский языковой субстрат. В процессе этого языкового взаимодействия верх одержал язык тюркских пришельцев“.⁹¹ Здесь под тюрками несомненно надо подразумевать болгар, пришедших из Приазовья.

Критикуя доводы сторонников теории болгарского происхождения чуваш, проф. П. Н. Третьяков, выступая на сессии Академии наук СССР, посвященной вопросу происхождения чуваш, говорил: „Упомянутые ученые исходили из того, что среди современных народов, живущих в пределах Волжской Болгарии, один лишь чувашский народ обнаруживает в своем языке древние тюркские черты. Другим аргументом в пользу болгарской теории явились несколько отдельных чувашских слов и имен, обнаруженных на болгарских могильных плитах с арабскими надписями. Никаких иных данных

⁹¹ Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка, стр. 40.

в пользу болгарской теории в распоряжении буржуазной науки не имелось".⁹²

Выше мы уже говорили о наличии в татарском языке интересующего нас ротаизма — фонетического перехода *p* || *э*.

Числительные по своей природе, сравнительно с другими частями речи, имеют значительно более широкую сферу обращения, поэтому, будучи наиболее употребительными и первоначально важными в межплеменном обмене и торговле, они подвержены изменениям (нивелированию) гораздо сильнее, чем другие слова. Вот почему сейчас мы не видим наиболее архаических черт болгарских числительных в татарском языке. Это еще более важно отметить, если мы вспомним общеизвестную большую роль как внешней, так и внутренней торговли в экономической жизни болгар.

Переход впоследствии болгарского *p* в *э* Л. Заляй считает совершившимся в татарском языке под влиянием кипчакского. Между прочим, эту древнеболгарскую фонему *p* мы видим в языке мари в заимствованных, очевидно, от болгар слов: *Юмо ояр*⁹³ 'небо ясное', где *ояр* 'ясное' соответствует *аяз* в современном татарском языке.

На примере искажений болгаро-татарских слов в языке мари можно легче уяснить себе фонетические особенности языка чуваш, воспринятого последними от болгар:

Марийский	Булгаро-татарский
<i>Ака</i>	<i>Ага</i> 'старший'
<i>Окса</i>	<i>Акча</i> 'деньги'
<i>Пасу</i>	<i>Басу</i> ⁹⁴ 'поле'

В точности такая же картина повторяется и в фонетике чувашского языка. Звуковое сравнение чувашских и болгарских числительных позволяет отметить, что они не совсем совпадают; факт этот в свое время был подмечен и Н. И. Ильминским, который определил эти древние формы как нечто „среднее переходное между тюркским и нынешним чувашским“.⁹⁵ На этом основании он допускает предположение, что „чувашский язык, некогда особенный, финский, впослед-

⁹² П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа. . . , стр. 45.

⁹³ Уч. зап. Марийск. научно-исслед. инст. яз., лит. и истор., т. I, 1948, вып. 1, стр. 110.

⁹⁴ Там же, стр. 90. — В словах *окса*, *ояр* мы видим следы оканья, характерного для языка II стиля болгарских надгробий.

⁹⁵ Н. И. Ильминский. О фонетическом отношении. . . , стр. 84.

ствии уже существенно изменился от влияния тюркского языка".⁹⁶

Не всецело болгарским признает чувашский язык проф. В. Г. Егоров, указывая на добулгарские нетюркские элементы как в словарном составе (в том числе в топонимике и ономастике), так и в грамматическом строе.⁹⁷ Исходя из лингвистических, археологических и этнографических данных, В. Г. Егоров приходит к заключению о происхождении чуваш от местных угро-финских племен, из которых формировались финно-угры Среднего Поволжья.⁹⁸ О принадлежности чуваш в основе к финно-угорской культуре говорит и отсутствие в их мифологии выразительного термина языческо-шаманских верований тюрков — *күт* (قوت) 'душа', имевшего место в верованиях якутов, алтайцев, казахов, киргизов, узбеков, башкир, татар и др. Говоря о материальной культуре чуваш, мы отмечаем преимущественно финно-угорский характер ее, в особенности орнамента.⁹⁹

Соответствие болгарскому аффрикату (џ) (дж) чувашского мягкого свистящего спиранта *ç* напоминает фонетические особенности русских слов, заимствованных татарами:

Русский	Татарский
<i>казенное</i>	<i>кажунни</i>
<i>озимь</i>	<i>ужым</i>

Соответствие *з* || *ж* аналогично соответствию в чувашских заимствованиях из болгарского. Таким образом, по-видимому, в чувашском языке, с его значительными финскими элементами, мы имеем наслоившиеся на древнюю финскую почву заимствования скорее всего от волжских болгар, под властью и сильным воздействием которых чуваша находились до распада Булгарского государства.¹⁰⁰ Заслуживает внимания предположение Б. А. Серебrenникова (исходя из фонетических особенностей) об обособлении чувашского языка, родственного болгарскому, в самостоятельный язык еще до прихода

⁹⁶ Там же, стр. 84.

⁹⁷ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. 1, стр. 10—16.

⁹⁸ Там же, стр. 10—11.

⁹⁹ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. С. Романов, А. Р. Симонова. Чуваша, ч. I. Чебоксары, 1956, стр. 386.

¹⁰⁰ А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Вопросы этногенеза народов Поволжья. Вестн. АН СССР, 1955, № 10, стр. 53.

булгар на Волгу.¹⁰¹ Об этом же писал ранее и В. Г. Егоров.¹⁰²

В исторической литературе отмечается проникновение в чувашское Поволжье в более ранний период — в середине первого тысячелетия н. э. — тюркского элемента, связанное с приходом гунно-сарматов.¹⁰³ К более древнему периоду, „задолго до V в. до н. э.“, относит проникновение тюркского языка в Поволжье и Урал С. Е. Малов.¹⁰⁴

Однако, по мнению проф. А. П. Смирнова, усиление тюркского влияния в Среднем Поволжье имеет место со времен хазар и булгар,¹⁰⁵ при более тесной и длительной связи последних с аборигенными угро-финскими племенами.

Частичному отюречению (обулгариванию), очевидно, подверглись мадьяры, в большинстве своем переселившиеся в конце IX в. из пределов западной Башкирии в Венгрию после двухсотлетнего соседства с булгарами. Об этом свидетельствует наличие в языке современных мадьяр, наряду с целым рядом других тюркских слов, термина *velyeg* 'клеймо', 'знак';¹⁰⁶ этот термин в смысле „памятник—знак“ встречается на каждом булгарском надгробии II стиля в виде *بلوی*. Отсюда и название надгробий: *تاش بیلدی* (*tāsh bilgi*) — в татарском языке буквально „каменный знак“.

Аналогичное отюречивание мы наблюдаем сегодня в удмуртских и чувашских селах Татарии, где язык удмуртов и чуваш сильно разбавлен татарскими словами. Мало того, молодежь в этих селах говорит почти только на татарском языке, забывая и подчас коверкая свой родной язык.¹⁰⁷ Характерным в этом отношении является село Мордовские Каратаи Камско-Устьинского р-на, где население разговаривает по-татарски, одевалось до недавнего времени по-мордовски и считает себя потомками мокши.¹⁰⁸

¹⁰¹ Б. А. Серебряников. К вопросу о действительных взаимоотношениях. . . , стр. 73.

¹⁰² В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, стр. 18, 19, 22, 75.

¹⁰³ П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа. . . , стр. 48.

¹⁰⁴ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., т. XI, 1952, вып. 2, стр. 137.

¹⁰⁵ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 83.

¹⁰⁶ Русско-венгерский словарь. Сост. Э. С. Хаас. М., 1947, стр. 127.

¹⁰⁷ Удмуртское село Удмурт-Ташла Бавлинского р-на, чувашское село Каран-Азиково Матвеевского р-на, татарско-русское село Верхний Арняш Кзыл-Юлдузского р-на ТАССР.

¹⁰⁸ Н. И. Воробьев. Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТАССР летом 1927 г. Вестн. научн. общ. татаровед., 1928, № 8, стр. 111.

Утрате с течением времени болгарским языком его архаических фонетических элементов (ротадизма) способствовали тесные культурно-экономические сношения болгар с другими тюрко-мусульманскими народами (с характерным для их языка звуком *э*), усилившиеся особенно в XII—XIII вв.¹⁰⁹

Географическое положение территории, где жили предки чуваш — суазы, которые, по словам проф. А. П. Ковалевского, не принадлежали к числу болгарских племен,¹¹⁰ а также специфика их хозяйственного уклада, принадлежащего в основном к финской лесной культуре,¹¹¹ заставили их держаться в стороне от болгаро-татарских отношений, и это в значительной мере способствовало сохранению древних черт языка, воспринятого ими у болгар. По словам С. П. Толстого, „мы просто можем сказать, что большая близость чувашского языка к древнеболгарскому объясняется тем, что в своем дальнейшем развитии чувашский язык впитал в себя меньше этих последующих волн тюркского влияния с юга, с востока и сохранился, таким образом, на более архаической стадии и удержал то, что С. Е. Малов называет более древним типом“.¹¹²

Аналогичную мысль высказал по этому поводу и проф. П. Н. Третьяков: „Местные племена, вошедшие впоследствии в состав татарского народа и обитавшие ниже по Волге, чем предки чуваш, издавна значительно больше, чем последние, были связаны с миром степей. Процесс тюркизации не мог развертываться здесь более энергично и в то время, когда в среде предков чувашского народа этот процесс не пошел дальше того уровня, какой был достигнут в эпоху Волжской Булгарии, в среде предков татарского народа он продолжался и впоследствии. Еще в эпоху Волжской Булгарии сюда проникали печенежско-огузские и кипчакские (половецкие) элементы. Во время татаро-монгольского завоевания и в период существования в Волго-Камье Казанского ханства приток кипчакских элементов, доминирующих в Европейской

¹⁰⁹ Здесь нельзя не отметить факт влияния болгарского языка на язык западных башкир, что видно из „джоканья“ языка эпитафии начала XVIII в. на кладбище с. Чишмы (تريچ مينگدا يوزدا او طظ جتيدا).

¹¹⁰ А. П. Ковалевский. Чуваш и болгары..., стр. 49. — То, что суазы действительно являются предками чуваш, не доказано.

¹¹¹ Н. И. Воробьев. Этногенез чувашского народа по данным этнографии. Сов. этногр., 1950, № 3, стр. 66—78.

¹¹² См. выступления С. П. Толстова и С. Е. Малова на сессии Академии наук СССР, посвященной происхождению казанских татар: сб. „Происхождение казанских татар“, стр. 145, 117—118.

части Золотой Орды, не мог не продолжаться. В среду предков чувашского народа кипчакские элементы почти не проникали. Их язык развивался на местных и старых тюркских основах. Этим обстоятельством, по-видимому, и объясняется, почему в Волго-Камье образовался не один тюркоязычный народ, а два — чувашский и татарский¹¹³. Так же высказывается по этому поводу и ряд других авторов.¹¹⁴

Этим, в частности, объясняет и проф. Н. И. Воробьев то, что в быту казанских татар преобладают черты, характерные для степи.¹¹⁵

Таким образом, из всего сказанного вытекает, что ошибка последователей теории болгарского происхождения чуваш заключалась в том, что они только на почве механического сопоставления болгарского и чувашского языков отождествляли их и строили „китайскую стену“ между татарским и болгарским языками, не вникая в исторические корни татарского языка, локализованного в основном на территории бывшего Болгарского государства. Вот почему глубоко ошибочен применяемый до сего времени в отношении болгарского языка на надгробиях термин „чувашизмы“; он противоречит также и исторической стороне этнонима „чуваш“, известного из русских летописей лишь с XVI в. До сего дня некоторые ученые, говоря о болгарском языке, придерживаются иногда принципа простого сопоставления его с чувашским (и не обходятся без двойного термина: „болгаро-чувашский“), забывая, что лингвистические исследования должны быть проникнуты глубоким историзмом, ибо взаимную связь между древними и современными языками можно обнаружить не только при рассмотрении языковой системы на данном этапе, — она ярче выступает при историческом подходе к делу. Как известно, генетическая связь казанских татар с булгарами, кроме языка, прослеживается и при сравнительном изучении их культуры, антропологии и этнографии.

Нельзя поэтому согласиться и с Г. С. Губайдуллиным, ограничившим историю приволжских татар только историей Казанского ханства.¹¹⁶

¹¹³ П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа. . ., стр. 53.

¹¹⁴ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова. Чуваш, ч. I, стр. 32—33.

¹¹⁵ Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар по данным этнографии. Сб. „Происхождение казанских татар“, Казань, 1948, стр. 80.

¹¹⁶ Г. С. Губайдуллин. К вопросу о происхождении татар. Вестн. научн. общ. татаровед., 1928, № 8, стр. 141.

В заключение нам хочется высказать пожелание в деле изучения истории татарского языка: следует обратить особое внимание не только на тюркские языки, но и на языки соседних народов — мари, удмуртов и мордвы, — где масса болгаро-татарских языковых заимствований наиболее контрастно выделяется на фоне финских языков при значительной их целостности; этим до сего времени почему-то пренебрегали.

О палеографии болгарских памятников II стиля

В палеографическом отношении надгробия II стиля, исполненные, как выше было указано, только куфическим шрифтом, выглядят более или менее однородно. Однако шрифт этот мы никак не можем считать куфическим в полном палеографическом смысле слова. Это скорее полукуфи, в некоторых случаях приближающийся к наску или даже к простому шрифту. Было бы неверно думать, что куфи в наиболее чистом виде не было у болгар. Куфи встречается на более ранних памятниках. Так, например, простой куфический шрифт мы видим на вышеупомянутых болгарских зеркалах, на металлическом замке из Биляра, не говоря уже о болгарских монетах.

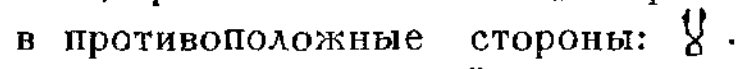
Из небольшого числа сохранившихся памятников мы знаем и о бытовании у болгар цветущего куфи, особенно на архитектурных памятниках (табл. 46). Характерный мотив плетеного куфи с „узлами счастья“ мы видим на фрагментах украшения „Четыреугольника“.¹ На искаженный или примитивный характер куфического шрифта надгробий II стиля, очевидно, нужно смотреть именно как на „болгарский куфи“. Своеобразие это, обнаруживаемое и при сравнении с надписями на монетах, отмечается и другими исследователями.²

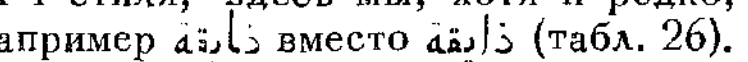
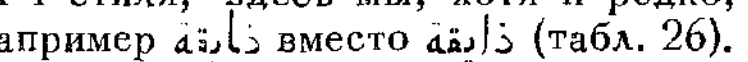
Обилие в этом почерке знаков чтения и диакритических точек, надо полагать, явилось результатом того, что нужно было облегчить правильное чтение болгарских архаизмов, давно вышедших из употребления и лишь традиционно продолжающих бытовать на надгробиях-святынях.

Описанный куфи в основном врезанный, но известны и памятники с рельефным куфическим письмом (табл. 5, 37) с теми же характерными чертами. Особенностью этого почерка является невыдержанность некоторых букв в нормах куфи (например, закругленность в изгибах), а также отсутствие строгой гори-

¹ Казанский музейный вестник, 1920, № 5—6, стр. 44.

² А. Ф. Лихачев. Новый болгарский клад 1887 г. Казань, 1888, стр. 2.

горизонтальной линии в их расположении. В этом можно убедиться, например, из почерка памятников табл. 6, 11, 17, 21, 28, 33 и др. К некоторым из них вообще почти нельзя применять название куфи (табл. 31, 33). Наряду с этим, имеется много памятников, в почерке которых мы обнаруживаем более или менее выдержанную общую горизонтальную линию преимущественно низких прямоугольно исполненных букв (табл. 34, 35, 40, 41, 43). Наиболее правильное написание можно наблюдать в следующих буквах: , (табл. 3, 19, 38, 40, 43). „Алиф“ имеет клинообразное утолщение наверху или загнутый влево или вправо нижний конец; снабжение клинообразным утолщением характерно и для стволов буквы „лям“. Так, при сочетании его с „алифом“ утолщения эти обращены в противоположные стороны: . Наблюдаемая своеобразная черта — перенос одной недописанной буквы лигатуры на другую строку или оставление только одной буквы ее в конце строки (табл. 23, 30) — усложняет иной раз чтение надписи.

Так же, как в надписях I стиля, здесь мы, хотя и редко, наблюдаем слияние букв, например вместо (табл. 26).

В заключение следует отметить, что этот тип почерка, по всем признакам, является характернейшим и своеобразнейшим, выработавшимся как стиль в лапидарной эпиграфике болгар. Нужно признать, что за недостатком материала мы пока не можем сказать о таком проявлении богатых графических возможностей куфического почерка в искусстве Волжской Булгарии, какое можно наблюдать в среднеазиатской истории этого почерка.³

Интересно отметить, что ни на одной болгарской эпитафии мы не видим подписи писца-резчика. По-видимому, нельзя это объяснить только тем, что исполнители резьбы по камню, будучи иноверными, — как иные склонны считать, армянами, — не имели права выставлять свои имена на этих памятниках. Нет оснований сомневаться, что резьба эта — дело рук болгарских мастеров, но отсутствие их подписи, очевидно, связано с тем обычаем, что „в резных надписях могли цитироваться только коран и его толкователи или упоминаться имя правителя страны того времени, когда выполнялась данная работа. В силу этого обстоятельства архитектурные детали, подписанные именем мастера-резчика, составляют величайшую редкость

³ В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпигр. Востока, III, 1949, стр. 27.

и насчитываются буквально единицами".⁴ Очевидно, этой же социального порядка причиной нужно объяснить и отсутствие на болгаро-татарских эпитафиях подписи мастера-резчика, за исключением очень немногих случаев — двух памятников из села Максабаш Тюлячинского р-на, одного из села Именьково Лаишевского р-на (Н. Ф. Калинин предполагает, что этот памятник завезен сюда из другого места) и нескольких других.

Социальная терминология и имена болгарских эпитафий

В социальной терминологии болгарских надгробий отмечается довольно пестрая картина, проливающая некоторый свет на социально-иерархическую лестницу болгарского феодального общества, господствующей верхушке которого преимущественно и принадлежали эти надгробия.

Мы здесь видим три категории социальных терминов: 1) термины племенного характера, 2) титулы, 3) эпитеты.

Касаясь первых, нужно сказать, что болгарские эпитафии не богаты ими. Кроме ал-Булгārй, ал-Сӯвārй, мы имеем еще этноним „туркмен“ и титул „инāl“ (табл. 7, 16), указывающие на огузское происхождение этих покойников („Туркмены — это огузы“, — говорит Махмуд Кашгарский).¹

Слово „племенной“ мы ни в коей мере не употребляем в его прямом смысле, ибо к этому времени такая организация, надо полагать, давно не существовала у болгар. Скорее всего, эти нисбы — البلغارى (ал-Булгārй), السوارى (ал-Сӯвārй) — нужно понимать как „фамилию“ покойника, указывающую на место рождения (булгарец, суварец), хотя еще долго и после распада Болгарского государства нисба البلغارى (ал-Булгārй) являлась пережиточной и употреблялась только в ее этническом смысле, в каком упоминает ее Махмуд Кашгари (بلغارى, سوارى).²

В имеющемся небольшом списке титулов болгарских надгробий выявляется только частично социальное лицо Болгарского государства. Так, на принадлежащих почти только имущему классу памятниках мы не встречаем социальных терминов народных низов (хотя бы того же *игенче* 'землепашец', известного из литературного памятника „Нахдж ал-Фарадис“), за исключением лишь „золотых дел мастера“ и „сборщика

⁴ Н. М. Бачинский. Резное дерево в архитектуре Средней Азии. М., 1947, стр. 7.

¹ Цитирую по книге: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939, стр. 312.

² М. Кашгари. Диване лөгāt эт-төрк, т. I, стр. 30, 33.

податей“ (*тамгачи*),³ которые по роду своих занятий в той или иной мере были связаны с имущим классом.

Самое высокое звание из известных нам по болгарским надгробиям — это титул „Эмира чтимого“, „великого и знатного повелителя, помощника повелителей“ (табл. 2). Очевидно, мы здесь имеем дело с главой Булгарского государства, похороненным близ Казани. В произнесенной в честь болгарского царя „хутбе“ хатиб ибн-Фадлана именует его также „повелителем-эмиром“.⁴ Употребление вышеупомянутого титула говорит за то, что обладатель его был „великим и знатным повелителем“ над своими подчиненными, но в то же время он был „помощником повелителей“, т. е. находился в вассальной зависимости от других „повелителей“ — очевидно, болгарского и золотоордынского. Таким образом, надгробие это свидетельствует, во-первых, о наличии в Казани административного центра, говоря словами Н. Ф. Калинина — „Казанского княжества“,⁵ возглавлявшегося „эмиром“, зависимым как от болгарского хана, так и от золотоордынского; во-вторых, о каком-то автономном положении Булгарии, которой в первую очередь подчинялось данное княжество.⁶ Из этого же несомненно вытекает зависимость Булгарии от Золотой Орды.

Ниже повелителя-эмира идут титулы *инал*, *бек*, *ага* и др. На этой же ступени иерархической лестницы, надо полагать, стояли *аш-шайх ал-кабир* 'великий шайх' (*الشيخ الكبير*),⁷ *шайхи*, *ходжа* — *دواجه*, представители мусульманского духовенства болгар. Довольно высокое положение титула *инал* для огузов отмечает Рашид эд-Дин: „Прозвание государей их есть *инал* — *اينل*, хотя они носят другое имя“.⁸ Не исключена возможность, что на болгарской земле этот титул носили подчиненные эмиру болгарские цари-князья племен, о которых в X в. упоминает ибн-Фадлан,⁹ или же им титуловался пред-

³ И. Березин. Внутреннее устройство Золотой Орды (по ханским ярлыкам). СПб., 1850, стр. 11. (И. Березин переводит „таможник“).

⁴ И. Ю. Крачковский. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 69.

⁵ Н. Ф. Калинин, Н. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Тр. КФАН СССР, сер. гуман. наук, 2, 1954, стр. 103; Н. Ф. Калинин. Булгарская перстневая печать XIV века в фондах музея. Казань, 1956, стр. 17.

⁶ Н. Ф. Калинин. Булгарская перстневая печать. . . , стр. 19—20.

⁷ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 114.

⁸ Цитирую по книге: А. Бернштам. Социально-экономический строй орхонских тюрок VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 157.

⁹ И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 67.

водитель огузов в пределах Булгарского государства. Во всяком случае в XIV в. титул этот несомненно имел пережиточный характер.

Также и термин *یواری* (*йувārī*), встречающийся лишь на памятниках II стиля в сопровождении какого-либо собственного имени, является титулом. В своем толковании этого слова как „военный муж“ Х. Фейзханов исходит из *یاو* 'война' и *اری* 'мужчина'.¹⁰ Н. И. Ашмарин читает его *بولری* 'Биллярский'.¹¹ Некоторые не прочь читать его как *سواری* 'Суварский'.¹² Сословие это мы считаем соответствующим *ادوانه* из сообщения Ибн-Фадлана, т. е. члену дружины булгарского эмира, его военной опоры.¹³ Здесь уместно будет привести текст:

حیرا تلو ارس سراج یواری اول یعتوب یواری اول ابوب¹⁴ یواری
اول حسن یواری اول محمد میر محمود تاریخ حیات چور

„Храброго Арса-Сираджа ювари сын Якуб ювари, (его) сын Аюб ювари, (его) сын Хасан ювари, (его) сын Мухаммед Мир-Махмуд. По летосчислению семьсот“. В частности, в пользу перевода *یواری* Х. Фейзханова (военный) говорит эпитет *حیرا تلو*¹⁵ 'мужественный', 'храбрый', 'неустрасимый' (почему-то И. Березиным переводимый как „Благодетель“), содержащийся в этой эпитафии, где четыре поколения родовитого булгарина носили указанный титул *یواری* (*йувārī*). В связи с этим возникает сомнение в правильности чтения первого имени на этой эпитафии — *ارس* (Арс), звучащего

¹⁰ Х. Фейзханов. Три надгробных булгарских надписи, стр. 398.

¹¹ Н. И. Ашмарин. Булгары и чуваша, стр. 74.

¹² По устному сообщению С. Н. Муратова, *یواری* происходит, возможно, от древнетюркского *чери* || *сүри*.

¹³ И. Ю. Крачковский. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу, стр. 67, 72, 104—105.

¹⁴ И. Березин. Булгар на Волге, стр. 103.

¹⁵ В хранящейся в Научной библиотеке Казанского университета копии с одного памятника (без указания места находки) текст в точности совпадает с этим родословием, за исключением двух имен, которых у И. Березина нет совершенно. Написание *حیرا تلو* через *ح* вместо *س* объясняется особенностью фонетики булгарского языка (см. об этом выше, стр. 81).

очень близко к *بارس* (Бāрс) или *ارسلان* (Арслāн), древнетюркским традиционным именам правящей и военной верхушки. В данном случае перед нами представитель феодальной верхушки — потомок болгарских военачальников, передача профессии которых по наследству явствует и из других болгарских эпитафий.

В связи с этим большой интерес представляет наличие на одном надгробии II стиля (табл. 17) с Булгарского городища термина *سویارل* (*суйарлй*). Контекст надписи, заключающей этот термин, таков: *سویارل اٰضنب اول صطلمش زیارۃی*. Предшествуя собственному имени *اٰضنب*, он создает впечатление, что определяет „лякаб“ покойника — фамилию, род или принадлежность к какой-либо социальной группе. Однако допустить, что это фамилия, нельзя, так как мы не знаем подобного названия болгарского населенного пункта, считать же это слово образованным от *Сувар* нельзя потому, что лякаб от него звучало бы *Сувари*. *Суйарлй* по близкому созвучию, возможно, следовало бы сопоставлять с термином „сойургал“, с закономерным опущением *?*, что характерно для болгарского и татарского языков. Сойургал „в XIII—XIV вв. обозначал, по-видимому, в самом широком смысле пожалование государя своему служилому человеку“.¹⁶ Очевидно, в этом смысле нужно понимать пожалование в ленное пользование как земель, так и кочевий.¹⁷ Такой же характер, надо полагать, имел этот институт и у болгар. Развитое земледелие, ярко выраженные феодальные отношения при наличии широкого круга военного сословия (*یواری*), по-видимому, стимулировали возникновение его у болгар в начале XIV в., хотя бы в зачаточной форме. Исходя из упоминания сойургала в ярыке хана Сахиб-Гирей и в других источниках, сейчас установлено, что „сойургал представляет наиболее типичные отношения казанского феодализма в XV—XVI вв.“.¹⁸

¹⁶ И. П. Петрушевский. К истории института сойургала. Сов. востоковед., т. VI, М.—Л., 1949, стр. 225.

¹⁷ Б. Н. Заходер. История восточного Средневековья. М., 1944, стр. 117—118.

¹⁸ С. Г. Вахитов. Исследование ярыка Сахиб-Гирей Хана. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр., т. XXXIII, 1925, вып. I, стр. 88; Ш. Ф. Мухамедьяров. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958, стр. 12.

Титул *бек* принадлежал феодальной знати; титул *āgā* ('старший', 'большой', 'господин') — преимущественно высшему чиновничеству.

Наличие таких титулов, как *الحی* (*илчй*), *بک* (*бикā*), *حاتون* (*хātūn*), несомненно говорит о некогда существовавших значительных правах и независимом положении жен болгарской феодальной верхушки (по-видимому, в раннюю пору Булгарского государства), что мы видим и из сообщения ибн-Фадлана.¹⁹

Рассмотренное на стр. 78 выражение *هیر حوم* из эпитафий, приведенных на табл. 5, 7, 13, проливает свет на одну социальную сторону болгарской феодальной знати. Смысл его нужно, по-видимому, понимать не иначе как „наложница“, слово *қырқын*, тождественное этому выражению, означает „рабыня-пленница“. Указанные надгробия по своему оформлению являются лучшими (см. в особенности табл. 5 — памятник из Булгарского городища). Едва ли простой рабыне — пленнице стали бы воздвигать такие пышные надгробия. Из трех известных нам подобных памятников два найдено на Булгарском городище. Факт этот также подтверждает привилегированное положение наложниц у болгар. Ближе к *حوم* звучит *хонд* — титул женщин высшего придворного круга (*хонди хатун*).²⁰

Как нам представляется, часто встречаемое титульного характера слово *حاج*, *حاجی* (*хаджи, ходжа*), возможно, прибавлялось не только к именам лиц, посетивших Мекку, но и к именам купцов, побывавших в далеких странах Востока.

На некоторых эпитафиях выпущено собственное имя при наличии того или иного титула — *بک*, *حاجی* (*хаджй, бек*): *یونس اول حاجی بلوی ک* („Йунуса сын Хаджи, его памятник“) и др.; но не исключена возможность, что *حاجی* (*Хаджй*) было и собственным именем.

Богатый материал дают болгарские надгробия по личным именам, что заслуживает специального исследования, так же как и вопрос о титулах. В основном различаются две категории имен: 1) мусульманско-арабские, 2) древнебулгарские.

¹⁹ И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 68.

²⁰ В. В. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии. Л., 1941, стр. 58.

Несмотря на четырехсотлетнее существование мусульманства, у болгар были не только арабские имена. Наряду с такими арабскими именами, как *ابوبکر* (Абу-Бакр), *علي* (‘Али), *احمد* (Ахмад), *محمد* (Мухаммед), *محمود* (Махмуд), *اسحاق* (Исхақ), *اسماعيل* (Исмāгил), *حسن* (Хасан), *حسين* (Хусейн), *ابراهيم* (Ибрахим), *موسى* (Муса), *يعقوب* (Йакуб), *يوسف* (Йусуф), *فاطمة* (Фатима), *زاهيده* (Зāхида), *اسية* (Асийя) и др., даже среди феодальной знати, куда ислам должен был глубже проникнуть, не говоря уже о народных низах, имели широкое хождение болгарские или, как иногда их называют, языческие имена: мужские — *تطى* (Тоҭай), *بلكس* (Бәлкөс), *اينوك* (Йнук), *بركاي* (Бркай), *بوراش* (Бураш), *اسح* (Исх), *احج* (Ихидж), *بالتك* (Бәлтүк), *بولارتاي* (Бүлартай), *ارمش* (Армаш), *الباك* (Албәк), *بكتيمير* (Биктимир), *تمرج* (Тимрәдж), *اسك* (Исик), *ياхам* (Йахам) и др.; женские — *القيس* (Алқис), *جوهر* (Джәвхәр), *مرجهن* (Мәрджән), *اي بکه* (Ай-Бикә), *افع* (Афах).

Часто мусульманско-арабские имена фигурируют в искаженном на манер болгарских имен виде: *سراجدين* — *سراج* (Сирәдж — Сирәдж ад-дйн), *محمد* — *مات* (Мамат — Мухаммед), *ابراش* — *علي احمد* — *علي* (‘Алай-Амат — ‘Али-Ахмад), *ابراهيم* — *ميناج* — *ميناج* (Ибраш — Ибрахим), *بادامشاه* — *باتامش* (Батамыш — Бадәмшәх).

Некоторые имена болгарских надгробий мы встречаем и в топонимике ТАССР — *مامق* — Мамык (с. Мамыково Октябрьского р-на), *اترج* — Атраҭ (сс. Б. и М. Атрясы Апастовского р-на и с. Атряс Сабинского р-на), *مامل* — Мамли (с. Мамли-Козяково-Челны Кзыл-Юлдузского р-на), *شالوش* — Шәләуш (с. Салаусь Балтасинского р-на и с. Салауш Красноборского р-на) и др.

Среди болгарских имен не трудно обнаружить имена древнетюркского и половецкого типов, — например, *طباچ* (Табач),²¹ *جالور* (Джалур; напоминает имя Овлур). Судя по наличию в топонимике ТАССР названий деревень Кибя-Кози, Кибяк-Иле, Кобяково и др., надо полагать, что половецкого типа имя Кобяк имело место и у болгар.

Имена, связанные с языческим обрядом заклинания детской смертности, представлены следующими:²² *توقطار* (Туктар), *صطلمش* (Сатымыш), *بکتیمیر* (Биктимир), *باقی عومر* (Баки-гумир) и др.; обряд этот среди казанских татар бытовал еще в недавнем прошлом, с чем связаны их имена: *تیمیر* (Тимир), *تیمیر علی* (Тимир-Али), *بکتیمیر* (Биктемир), *ساتی* (Сатый), *اولماس* (Улмас), *ساتوکای* (Сатукай) и др. Некоторые из них — *اولماس* (Улмас), *ساتوکای* (Сатукай), *تیمیر علی* (Тимир-Али) и др. — мы встречаем на памятниках XVI в. и позже.

Имена с приставкой „Мир“ (от „эмир“) — *میر ابراهیم* (Мир-Ибраһим), *میر محمود* (Мир-Махмуд), *میر حسن* (Мир-Хасан) и др., — очевидно, в те времена принадлежали преимущественно выходцам из семей правящего круга.

Отмечены случаи, хотя и не частые, существования двойных имен — *الاب حاجی* (Алп-Хаджй), *ارس سراج* (Арс-Сирадж), *تатар بآلتک* (Татар-Балтук) и др., — что, очевидно, говорит об употреблении наравне с собственным именем также прозвища, быть может, родового или племенного происхождения. Так, существование у огузов еще в XIII в. двух имен, мусульманского и родового (или прозвища), отмечает и В. В. Гордлевский (например, Зиа-эд-дин-Кара-Арслан, Фахред-дин-Арслан Догмуш и др.).²³

²¹ Табл. 34. — Подобное имя в форме Табгач каган мы видим и на памятнике Кюль-Тегину (С. Е. Малов. Памятник древнетюркской письменности, стр. 28, 33, 425).

²² Из смысла этих имен (Туктар 'остановиться', в данном случае относится к смерти; Баки Гумир 'вечная жизнь', Тимир 'железо', Улмас 'бессмертный', Сатымыш 'проданный'), думаю, будет понятно, в каких случаях прибегали к ним.

²³ В. В. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии, стр. 55.

Близким подобием приведенных здесь болгарских имен является список языческих имен чуваш, изданный В. К. Магницким.²⁴

Многие болгарские имена из надгробий XIII—XIV вв., а также имена из татарских эпитафий XV—XVIII вв. совпадают иногда буква в букву с именами этого списка. Такие татарские имена этих памятников (XV—XVII вв.), как چورا (Чурā), اباك (Абāk), توق (Туқ), توقتامش (Туктāмыш), ياتناش (Йātнāш), جينميش (Чйнмйш), امان (Аман), بالتاج (Балтāч), جيان-حوجاباي (Джиāн-Худжāбāй), قوناق-حوجاباي (Қунақ-Худжāбāй), ادكاي (Идигāй), چتش (Чытыш), شودك (Шудāk), قورچ-بولات (Қорыч-Булāt), تولون (Тулун), ماماي (Мамāй), بولات (Булāt), توغاش (Тугāш), بوزناق (Бузнāқ), چاپقون (Чāпқун), ياماش (Йāmāш), اشكاي (Ишкāй), لباق (Абāқ),²⁵ ايشنيكا (Йшбйкā), تاماك (Тāmāk), آق ساري (Āксāры), جان ساري (Джāнсāры) и др., свидетельствуют о большой тяге татар к своим древним именам. Это мы наблюдаем среди феодальной знати, которой эти надгробия принадлежали, не говоря уже о широких слоях трудового народа. В этом отношении нужно отметить сильное влияние болгар, а впоследствии и татар, на своих соседей — предков чуваш, удмуртов и мари, среди которых раньше даже встречались, хотя и в искаженном виде, мусульманские имена, а в верованиях их, особенно чуваш, — элементы мусульманской религии, проникшие к ним через болгар. Влияние это в первую очередь шло по линии социально-политической, что обусловлено болгарским, впоследствии и татарским, феодальным землевладением среди этих народностей.

Это особенно заметно и ныне в топонимике соседних республик, особенно Чувашии, где обнаруживается поразительное сходство названий чувашских деревень с названиями татарских деревень в ТАССР.

Несомненно, бытование не только у некрещеных чуваш, но в равной мере и у некрещеных удмуртов, мари, несмотря на их этнические различия между собой, одних и тех же болгарских и татарских имен нужно объяснить именно социально-

²⁴ В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена.

²⁵ В написании этого имени в виде لباق мы склонны видеть болгарскую традицию соединения начального алифа с последующей буквой.

политическим и экономическим влиянием болгар, а впоследствии казанских татар на эти народности.

Во многих местах мы можем наблюдать это и сегодня. Например, в с. Удмурт-Ташла Бавлинского р-на ТАССР в 1946 г. среди некрещеных удмуртов нами записаны следующие имена: ايشبولات (Ишбулāt), بكتيمير (Биктимир), قوتلوييکه (Қутлу-Бикә) и др.

Несомненно, что и после распада Булгарского государства среди широких народных масс татар имели длительное хождение древнебулгарские имена. Об этом, в частности, говорит сообщенное нам в 1947 г. одним стариком (Хабибулла Биктимиров, 78 лет) из села Б. Атна Атнинского р-на ТАССР родословие его дедов:²⁶ Бөртөк — Жөртөк — Каримулла — Насыбулла — Биктемир — Хабибулла. По его словам, первый его дед, происходивший из черемис, при принятии мусульманства получил „мусульманское“ имя, как он говорил, — „Бөртөк“.

В болгарских эпитафиях данное имя в сочетании с другими обнаруживается дважды: в одном случае оно читается Н. И. Ашмариным как женское имя: الطن برت (Алтын бөрт); автор, сильно искажая фонетическую транскрипцию, превращает это имя в чувашское „Ылдын пәрчи“ в интересах теории болгарского происхождения чуваш.²⁷ Первая часть имени, الطن (Алтын) — со смыслом „золото“, — встречается еще на нескольких болгарских камнях (табл. 38). Вообще как у болгар, так ныне у казанских татар подобные имена с „минералогическим“ смыслом — например, Йақұт ‘рубин’, ‘сапфир’, Зөбәржәт ‘топаз’, Гәүһәр (Жәүһәр) ‘жемчуг’, ‘драгоценный камень’, Асыл, Тимир ‘железо’, Алмас ‘алмаз’ и др. — были любимыми именами. Мы их встречаем на болгарских надгробиях XIV в. и в произведениях поэта XVI в. Мухамедьяра.

Более заметным проникновением мусульманских имен в среду татар становится в первой половине XIX в., когда масса получивших образование в бухарских медресе мулл, явившихся опорой только что возникшей татарской буржуазии, начинает усиленную пропаганду ислама не только среди татар, но и

²⁶ Любовь, которую издавна питали казанские татары к составлению и заучиванию родословий своих дедов, как в зеркале, отражает подобное же стремление у болгар, что видно из многочисленных их надгробий с перечислением предков. В частности, мне самому в татарских селах много раз приходилось видеть родословия с перечислением иногда до 20 и более поколений.

²⁷ Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском камне..., стр. 106—107.

среди соседних народов. С этого времени имена у татар сильно арабизируются. Не привившиеся у болгар в XIII—XIV вв. и позже у татар в XV—XVII вв. имена, как عبد الله ('Абдулла), زين الله (Зайнулла), احمد الله (Ахмадулла), عبد الرحمن ('Абдурахман)²⁸ и т. п., своим значением отражающие классовую сущность ислама, все более и более начинают распространяться среди татар. За эти мусульманские имена и за изгнание из среды татар их древних имен, вроде Тимир, Тимиркэй, Тимир-Пулат, Тукэй-Тимир, Абай, Шункар, Нугаш, Асмэн, Тутач, Пимач, Биганэй и др., муллы ведут усиленную агитацию как в своих проповедях, так и через периодическую печать (журнал „Шуро“), не останавливаясь даже перед изданием специальных книжонок со списками рекомендованных и запрещенных имен.²⁹ Однако хотя к XX в. имена давались только муллами и только мусульманские, все же широкие народные массы по-своему воспринимают эти мусульманские имена, переименовая их, по-видимому, на болгарский лад — Абдуллу в Апуш, Зайнуллу в Зайнуш, Шахидуллу в Шайдук, Ибрахима в Ибрай, Ибраш, Сайфуллу в Сапи, Сапай, Гатауллу в Гата, Абдурахмана в Аптри, Авзал ад-дина в Абзак и др. О широком распространении этого явления среди татар говорит и Л. Залая, считая его особенно заметным в западном диалекте,³⁰ где, например, Яруллу зовут Яртурк, Мухаммад-шаха — Мохань, Низам ад-дина — Низук, Шараф ад-дина — Шарук, Галиуллу — Алуш, Фатыху — Фатуш и др. Подобным же образом в разговорной речи изменяются христианские имена, принадлежащие крещеным татарам (Александра — Сандра, Екатерина — Катр, Мария — Маржэм, Яков — Жэжэу, Михаил — Михай, Тимофей — Тимуш и др.). Иными словами, в этих искаженных именах совершенно нетрудно уловить большую типологическую общность с древними болгаро-татарскими именами.

Подытоживая материал надгробий болгарского периода XIII—XIV вв., необходимо отметить, что существование двух стилей надгробий, которые различаются в основном своим языком, явилось отражением исчезновения древнеболгарского языка и зарождения на той же этнической основе новоболгарского языка в результате тесных взаимоотношений болгар с тюркским миром в пору поступательного движения последнего с востока и юга. В описанных выше формах памятники эти принадлежали

²⁸ Эти имена, за исключением единичных случаев, почти отсутствуют на болгаро-татарских надгробиях.

²⁹ Имя. Казань, 1895. (На татарском языке).

³⁰ Л. Залая. Татарская диалектология, стр. 106—107.

только булгарам, ибо „из всех областей Золотой Орды могильные надписи (такого вида, — Г. Ю.) имели распространение только на территории Булгарии“.³¹

Булгарские надгробия Башкирии

Из нескольких письменных сообщений о древней Башкирии — Ибн-Фадлана, Юлиана, Шараф ад-дина — в данном случае для нас представляют наибольший интерес сообщения последнего, который упоминает более чем о 20 могилах проповедников, расположенных на протяжении от р. Уфимки до р. Зай. Как явствует из сообщения, это были выходцы из башкир и мишарей, получившие духовное образование в Булгаре¹ и проповедовавшие ислам среди своих соплеменников. Довольно обширная топография этих могил связывается главным образом с реками западной Башкирии — Ай, Уфа, Белая, Уршак, Дёма, Чермасан (Сармасан), Ик — местами поселений башкир, а порой даже с селами. Так, например, значительный интерес представляет упоминание могил Ходжи-Тұқаша, Ходжи-Бекташа и Сулеймана-Ходжи у с. Кипчак на реке Дёма; здесь и ныне есть село, называемое Кипчак-Аскароро (Альшеевский р-н). Однако, несмотря на это, небольшое число найденных древних надгробий не связывается с данными Шараф ад-дина. Пока мы можем объяснить это только тем, что территория Башкирии слишком мало еще исследована. Не исключено и то, что подобные памятники бесследно исчезли, не будучи где-либо зафиксированы. Только дальнейшее продолжение подобных исследований позволит окончательно выяснить этот вопрос.

Из известных нам письменных памятников самым ранним в Башкирии на сегодня является надгробие Хусейн-бека у с. Чишмы на кладбище *Акзират* 'Белое кладбище'.

Название это, очевидно, дано благодаря возвышавшемуся здесь некогда мавзолею, сложенному из белого известняка, на месте развалин которого в 1911 г. уфимским муфтием выстроен заново совершенно иной конструкции мавзолей, где и находится указанное надгробие (табл. 8). Памятникам этим посвящена большая литература,² в которой много противо-

³¹ А. П. Смирнов. Волжские булгары, стр. 55.

¹ Шараф ад-дин Булгарий. История Булгарии, стр. 18—24.

² J. Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Zweiten Band, Petersburg, 1775, стр. 728—730; П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека. Москвитянин, 1843, № 3, ч. II; В. С. Юматов. Древние памятники на земле Чубиминской волости. Оренб. губ. вед., 1848, № 1; Р. Г. Игнатьев. Памятники доисториче-

речивых, неточных сведений, главным образом касающихся текста эпитафии Хусейн-бека. Самое раннее упоминание о ней мы находим у Георги.³ Приводимый им текст близок к тексту, данному уфимским муфтием Султановым в 1909 г. (см. ниже).

В одной из ранних работ о памятнике П. Павловский, пользуясь чтением муллы с. Кара-Якупово, датирует камень 1047 г., 7-м днем раби-ал-ахира месяца. Однако тут же делает оговорку, что сведения, полученные от муллы, не могут считаться бесспорными, ибо „чувствую, — говорит он, — что в этом деле, довольно важном, такое основание не совершенно удовлетворительно!“⁴

Позже, в 1848 г., В. С. Юматов дает следующий текст надписи (в чтении учителя с. Кара-Якупово Бердигулова):⁵ „Альгадила фильбагам хази Хусейн-бека бина аль амир алькабир Гумер-бек Торсяси Туркестани альмархом аллагумма рахимгу рахматан васигатан вакримгу, бильгафови вальмагфират тавафи филь-аям аттасиги фишагриль мубах сената арбагина вайснайни васабага миэти“. Перевод Юматова: „Человек по закону праведный, хаджи Хусейн-бек, сын великого Бека Гумера Тарсяского в Туркестане: умерший просит Бога даровать ему милость и прощение грехов: умер в 9-й день благополучного месяца 742 года“.

Почти такое же чтение дает в своей работе об этом памятнике В. В. Вельяминов-Зернов:

العادل فى الاحكام حاجى حسين بيك بن الامير الكبير عمر بيك
.... تركستانى المرحوم اللهم ارحمه رحمة واسعة واكرمه بالعفو
والمعفرة توفى الايام التاسع فى شهر الربيع سنة اربعين واثنين
وسبع مائه.

ских древностей Уфимской губернии. Гробница ногайского имама Хусейн-бека. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883; Г. Игнатович. О древних памятниках в Уфимском уезде. Сборник статистических, исторических и археологических сведений по 6. Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866—67 гг. Уфа, 1868, отд. II; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. Тр. Вост. отд. Археолог. общ., ч. IV, 1859; М. В. Лоссиенский. Кое-что о башкирах в их прошлом и настоящем. Уфа, 1903; Али Рахим, Г. Газис. История татарской литературы, т. I, ч. 2, стр. 54—55; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. Матер. и исслед. по археологии СССР, вып. 58, 1957, стр. 89—90; Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники...

³ J. Georgi. Bemerkungen... , стр. 730.

⁴ П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 241.

⁵ В. С. Юматов. Древние памятники... , стр. 3.

„Праведный в своих предначертаниях хаджи Хусейн-бек, сын великого эмира Омар-бека... Туркестанский.

Господи, помилуй его, великого, милостью своею и почти его оставлением всех грехов его. Скончался в 9-й день разрешенного месяца 742 г.“⁶

Р. Г. Игнатьевым дается текст в таком переводе:⁷

„Поистине на свою ответственность, хаджа Хусейн-бек, сын Гумер-бека, скончался в 7 день месяца Мухаррема, после Магомета в 444 году, имея от роду 76 лет“.

Скорее всего Р. Г. Игнатьев заимствовал этот перевод у Г. Игнатовича, издавшего данный текст в 1868 г.⁸ Перевод в этом издании гласит:

„Поистине на свою ответственность, хаджа Хусейн-бек, сын Гумер-бека из Тарсас из земли Туркестан... Господи Боже мой, не оставь его своею милостью! Хусейн-бек сын Гумер-Бека помер в 7 день месяца Мухаррема после Магомета в 444 году, имея от роду 76 лет“.

Позже текст надгробной надписи дается в книге М. В. Лоссиевского:⁹

„Да будет широко милосердие Аллаха покойному Хаджи Хусейн-беку, сыну Азмир бека, из потомков Тораса из Туркестана. О, Боже, не лишай своей милости Хусейна, сына Азмир-бека. Скончался в 10 день месяца Мухаррема 744 г. 76 лет“.

В своих кратких сообщениях о мавзолее как П. Ф. Ищеринов,¹⁰ так и Г. В. Вахрушев¹¹ заимствовали перевод надписи у Р. Г. Игнатьева.

При сличении приведенных текстов мы обнаруживаем значительные расхождения, в особенности в датировке надписи. Объяснить это можно лишь тем, что никто из упомянутых авторов сам не читал надпись, а некоторые даже не видели памятника. Все они были осведомлены о содержании надписи информаторами — муллами и другими лицами, — доверились их познаниям в области арабского языка или же просто копировали предшествовавших авторов. Известно, что для разбора сложной арабской вязи недостаточно только знать

⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 260.

⁷ Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей..., стр. 334.

⁸ Г. Игнатович. О древних памятниках..., стр. 30.

⁹ М. В. Лоссиевский. Кое-что о башкирах..., стр. 11.

¹⁰ Башкирский краеведческий сборник, 1927, № 2, Уфа, стр. 72.

¹¹ Там же, 1926, № 1, стр. 48.

арабский язык. Информаторы-муллы хотя и владели этим языком, но особенности палеографии надписи все же ставили их в затруднительное положение. Поэтому вполне естественно, что в сообщениях этих информаторов о личности Хусейн-бека отложились и элементы легенд, имевших хождение в народе. Иначе трудно объяснить происхождение таких выражений, как „76 лет от роду“ (Игнатьев) „сына Азмир-бека“ (Лоссиевский), вовсе отсутствующие в надписи. Подобного рода искажением следует считать и отсутствие в тексте Р. Г. Игнатьева лякаба Хусейн-бека „Туркестани“, который нетрудно прочитать даже ныне, почти через восемь десятков лет после его чтения, при сильной изношенности надписи. Сказанное подтверждает предположение, что Р. Г. Игнатьев сам не читал надпись; это видно и из его ошибочного описания памятника: „Внутри здания есть камень шириною и толщиной в $\frac{3}{4}$ арш. и на нем арабская куфическая надпись...“¹²

Как известно, камень имеет размеры всего 67 см в ширину и 26 см в толщину, а надпись исполнена не почерком куфи, а скульсом. Трудно поверить, что Р. Г. Игнатьев, ученый-востоковед, не мог разобраться в характере почерка надписи, если он только сам ее видел.

Наконец, наше мнение подкрепляется и такими двумя соображениями. Имеющуюся недалеко от мавзолея группу из 6 камней Игнатьев относит к надгробиям князей Тамерлана, умерших здесь:

„Шесть надгробных камней послужили основанием кладбищу: это кладбище видно и теперь, но только на камнях нет надписей“, — писал он.¹³ Но, во-первых, на камнях этих надписи, рельефно исполненные, хорошо сохранились и сейчас; во-вторых, это памятники конца XVII в., а не времени Тамерлана. Заметить ныне надпись на этих камнях может любой, даже не знакомый с арабским письмом.¹⁴ Поэтому совершенно непонятно утверждение Б. Г. Калимуллина, что Р. Г. Игнатьев в 1870 г. исследовал этот памятник;¹⁵ нельзя считать в какой-то мере приемлемой дату памятника, данную Р. Г. Игнатьевым.

¹² Р. Г. Игнатьев. Памятники доисторических древностей..., стр. 334.

¹³ Там же.

¹⁴ См. табл. 74.

¹⁵ Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии. Уфа, 1956, стр. 10.

В октябре 1909 г. могилу Хусейн-бека посетила группа духовенства и купечества во главе с муфтием. В сообщении об этой поездке¹⁶ приводится текст надписи:

العادل فى الاحكام حاجى حسين
بيك بن الامير الكبير عمر بيك ترسانى
تركستانى المرحوم اللهم ارحمه
رحمة واسعة واکرمه بالعفو والمغفرة
توفى فى الايام السابع فى الشهر السابع
سنة اربع واربعين وسبع مائة

Кроме двух последних строк даты, текст в переводе означает то же, что у В. В. Вельяминова-Зернова. Последние две строки означают дату смерти: „Скончался в седьмой день седьмого месяца 744 года“.

В 1911 г. текст надписи Хусейн-бека был каллиграфически дублирован на гранитную плиту, однако с неточностями. Автор его пока остается неизвестным. Плита эта ныне находится рядом с надгробием Хусейн-бека. Текст дубликата таков:

(1) العادل
(2) فى الاحكام حاجى
(3) حسين بك من اهل ترسان تركستانى
(4) المرحوم اللهم ارحمها رحمة واسعة واکرمه
(5) بالعفو والمغفرة تاريخ فى اليوم التاسع
من شهر الله المبارك رابع سنه واربعين وسبعمائة
(6) رحمت الى المؤمن قال فاتحه

- „1) Справедливый
2) в своих решениях хаджи
3) Хусейн-бек из Тарса Туркестанский,
4) покойного боже мой помилуй милостью обширною,

¹⁶ Журнал „Ма'лумат“, № 40, Оренбург, 1909, стр. 991.

чти же его, прости своим благодеянием.

По летосчислению в седьмой день

5) благословенного богом четвертого месяца, года
в семьсот сороковом.

6)“.

В дубликате не даются имя и титул отца Хусейн-бека, которые в подлиннике почти отбиты; однако по мелким фрагментам их можно восстановить.

Памятник этот изучался мною неоднократно. Размером он $150 \times 67 \times 26$ см; вытесан из серого известняка и представляет прямоугольную плиту с надписью на лицевой и боковых сторонах. Внешнее оформление плиты ничем почти не выделяется, кроме рельефного обрамления по краям, образованного врезанной линией; окаймляя снизу последнюю строку надписи, эта линия образует четырехугольный выступ, равно отстоящий от краев плиты.

Подобное оформление очень характерно для болгарских надгробий XIII—XIV вв.¹⁷ Исполненная рельефным сульсом, надпись сильно пострадала от времени и внешних воздействий. В верхней части она почти совершенно неразличима. Частично уцелевший, но очень трудный для чтения конец надписи местами приходится восстанавливать по следам отбитых букв и лигатур. Судя по длине плиты, надо полагать, что всего строк было около 15. Палеографически надгробие это идентично с болгарскими эпиграфическими памятниками I стиля конца XIII—первой половины XIV в. Характерным своеобразием этого почерка как в болгарских памятниках, так и в данном случае является образование сложной вязи при помощи соединения алифа с предшествующей или последующей лигатурой; то же самое бывает с буквой ر (r): например, الربعين (الربعين), لرحمه (ارحمه). После тщательного изучения нами получен следующий текст, который приводим в том виде, в каком он был в 1954 г. и в мае 1957 г.

(1) العادل خي الاح كام خاجى ح ن

(2) ر ... ر .. ك .. رساس برکساں

(3) اللهم ارحمه رحمه واكرمه بالعفو والمعرفة

¹⁷ Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии, см. рис. 4.

- (4) ر... فى الاسبام التاسع من شهر الله المبارك ا
 (5) ... بع سنه الربيع... عماء رحمة اول مؤمن فاسحه (?)
 (6)

Первую строку мы смело можем представить так:

العادل فى الاح كام حاجى - [سيان]

В очень фрагментарно сохранившейся второй строке, по-видимому, мы имеем слово *تركستان*. Судя по обрывкам уцелевших букв и лигатур, в начале второй строки можно допустить титул *الامير الكبير*, после чего, очевидно, идут остатки лигатур *عمر بك*, означавших имя отца покойного.

Что касается слова *رساس*, то оно опущено у В. В. Вельяминова-Зернова, который предполагает здесь возможность наличия слова *طرفى* 'страна'.¹⁸ Сохранившееся весьма хорошо

رساس исключает это. Несомненно мы здесь имеем остатки названия родного города или села покойного. Можно только предполагать, что это было или *ترساس* (Тарсас), как принято некоторыми, или же другое селение. Однако трудно допустить, что это переднеазиатский город Тарс, а не название болгарского населенного пункта.

После слова *تركستان* значащуюся в приведенных текстах лигатуру *المرحوم* ныне невозможно прочесть.

Третья строка лучше сохранилась, кроме одного отбитого слова после лигатуры *رحمة*. В данном случае мы имеем часто употребляемую формулу, где слово *واسعة* полностью отбито.

В конце четвертой строки довольно отчетливо читается *من شهر الله المبارك*, поэтому все вышеприведенные варианты этой части даты памятника — в виде *فى الشهر السابع*, *فى شهر المباح* и др. — отпадают сами по себе. С этим выражением связано и числительное *الرابع* в начале пятой строки

¹⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 259.

(еле заметный „алиф“ его стоит в конце четвертой строки), ибо это логически напрашивается при наличии эпитета „благословенный богом месяц“, который в мусульманском календаре употребляется по отношению к месяцам рабиг-ал-авваль и рамазан. Несколько поврежденные начертания *الرابعين..سبعاء* несомненно означают (не без ошибки в написании) числительное *الرابعين و سبعاءة* 'семьсот сороковой' — год смерти Хусейн-бека по хиджри, что по нашему летосчислению соответствует 1339 г. (более полная дата — в среду 15 сентября 1339 г.).

После слов, означающих дату, начертания *رحمب اول مومن فاتحه* пока остаются нам непонятными.

Шестая строка надписи полностью стерлась.

После всего этого текст эпитафии нам представляется в таком виде:

- (1) العادل فى الاح كام حاجى ح[سيان]
- (2) [بك بن عمر بك...][رساس تركستان][المرحوم] (?)
- (3) اللهم ارحمه رحمة[واسعة]واكرمه بالعفو والمغفرة
- (4) توفى فى الايام[التاسع]من شهر الله المبارك ا
- (5) [لرا][بعسنة الرابعين وسبعاءة][رحمب اول مومن فاتحه] (?)
- (6)

- 1) „Справедливый в своих решениях хаджи Х[усейн]-
- 2) [бек сын 'Омар-бека...] расского из Туркестана,¹⁹
[покойного],
- 3) боже мой помилуй милостью [обширной], что же его своим благодеянием.
- 4) Скончался [девятого] дня благословенного богом месяца
- 5) [чет]вертого, года семьсот сорокового (?)
- 6)“

Как видно из вышесказанного, расшифровка всего текста представляется ныне невозможной. В данной эпитафии уцелели, однако, историческая часть, где говорится о личности покойника, и дата его смерти. Подобного рода конструкцию текста

¹⁹ Ни слова *من* 'из', ни окончания *نى* к *تركستان* и *سى* в слове *رساس* в тексте нет.

мы находим среди болгарских эпиграфических памятников I стилия конца XIII и первой половины XIV в. Обычно начинающиеся с традиционной формулы هو الحى الذى لا يموت, тексты эти в большей части состоят из эпитетов и восхвалений знатного рода покойника (табл. 4).

Нельзя не сказать несколько слов о самом мавзолее, поскольку он представляет единое целое с эпиграфическим памятником (правда, некоторые авторы склонны рассматривать их раздельно).²⁰

Первоначально мавзолей, как это явствует из описания В. Юматова²¹ и из упоминания Н. П. Рычкова,²² был сходен по своей архитектуре с мавзолеем Тура-хана в с. Н. Термы Чишминского р-на.²³ В том и другом случае квадратное основание через откосы (на углах) снаружи и тропы внутри переходит в восьмигранник, завершающийся куполом. Мавзолей Хусейн-бека, как и мавзолей Тура-хана, был сложен из дикого неотесанного известняка. Здесь следует отметить такую особенность входа, как остатки пристройки к нему, о чем сообщают П. Павловский и В. Юматов.²⁴ Продолговатая и узкая форма этой пристройки (В. Юматов) не оставляет сомнения в том, что она напоминала узкий коридор с полукруглым арочным покрытием у входа в мавзолей Тура-хана; Б. Г. Калимуллин считает этот коридор порталом, хотя он и не является таковым (рис. 9).

Причисляя мавзолей к портално-купольным, этот автор неудачно связывает его с портално-купольными мавзолеем Казахстана XII—XIII вв., игнорируя почему-то архитектурные памятники, находящиеся более близко — на Булгарском городище. Характерным для последних является то, что все они сооружены из известняковых камней, а в архитектурно-конструктивном отношении построены так, что „основной куб посредством откосов снаружи и тропов внутри превращался в восьмигранник, а последний путем удваивания сторон переходил в шестнадцатигранник и полусферический купол“.²⁵

²⁰ Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии, стр. 12.

²¹ В. Юматов. Древние памятники... , стр. 3.

²² Н. П. Рычков. Журнал или дневные записки путешествия... , стр. 104.

²³ Мавзолей этот в народе называется *Kāšānā*, что несомненно образовано из тюркского *kāšāk* (В. В. Радлов) 'тлен', 'прах' и персидского *kānā* 'дом' — 'дом праха' — усыпальница.

²⁴ П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 237; В. Юматов. Древние памятники... , стр. 3.

²⁵ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 209.

Например, конструктивно к нашему памятнику очень близок мавзолей, превращенный в XVIII в. в церковь Николая, где была найдена надгробная надпись конца XIII в. Среди мавзолеев Булгарского городища, датируемых концом XIII и первой половиной XIV в., мы находим и такую конструктивную деталь, как пристройка у входа, — правда, не уцелевшая здесь полностью. Однако на примере сохранившейся такой пристройки у мавзолея Тура-хана проф. А. П. Смирнов воссоздает конструкцию болгарских мавзолеев. Так, он пишет: „Аналогичное устройство имело и дюрбе «Монастырский погреб», перед которым сохранилось основание небольшого коридора. Судя по аналогичным дюрбе с Башкирской АССР, этот коридор имел коробовое покрытие“.²⁶ Можно ли после этого назвать еще более близкую аналогию этим памятникам? „Что касается до наружного вида памятника, — указывает В. В. Вельяминов-Зернов, — то он по своей архитектуре напоминает те тюрбе (молельни), которые болгары возводили над могилами чтимых ими мужей, которые теперь еще служат местом поклонения для набожных правоверных“.²⁷ Наконец, он прямо допускает, что памятник этот является произведением „эпохи болгарского влияния в Заволжье“, а самого покойника, опираясь на данные Шараф ад-дина Булгарий, считает болгарским проповедником ислама.²⁸ Судя по характеру эпиграфического памятника внутри мавзолея, проф. А. П. Смирнов также связывает его с проповедью ислама болгарскими.²⁹ В своей недавно вышедшей работе А. П. Смирнов, отмечая возможность отнесения мавзолея к болгарской архитектурной школе, датирует его XIV в.³⁰ Это вполне естественно в свете тогдашних судеб Башкирии, когда западная часть ее была под властью государства волжско-камских болгар.³¹ Все сказанное дает основание говорить не только о болгарском влиянии в создании мавзолея, но и о том, что политически и экономически сильная Болгария, играя важную роль в экономике западной Башкирии, была и религиозным центром для нее. Из сообщения Шараф ад-дина мы знаем, что болгарские духовные школы готовили немало проповедников ислама в Башкирии, среди которых много

²⁶ Там же.

²⁷ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 281.

²⁸ Там же, стр. 280.

²⁹ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 58.

³⁰ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 90.

³¹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. I, ч. I. Уфа, 1955, стр. 32.

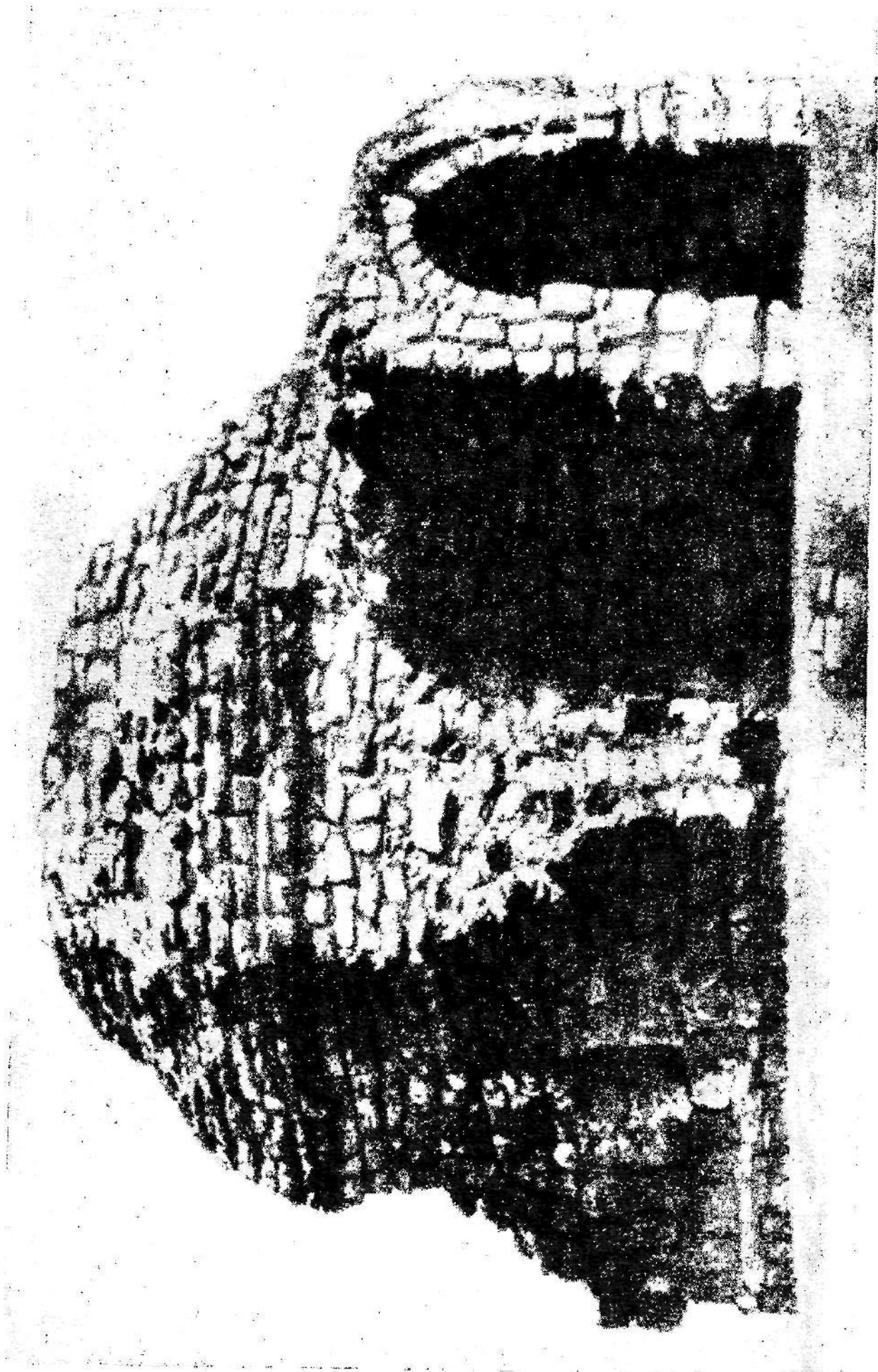

Рис. 9. Мавзолей Тура-хана.

было и выходцев из местного населения — башкир и мишар. Поэтому можно не сомневаться в том, что Хусейн-бек был болгарским миссионером, возглавлявшим в западной Башкирии мусульманскую духовную миссию. В силу этого, по-видимому, он и был с почестями похоронен на башкирском кладбище, в нарушение родового принципа пользования кладбищем. Этим объясняется, почему он снискал себе известность среди башкир как „святой“.

Нас не должен здесь смущать его „лякаб“ — фамилия „Туркестанский“ — среднеазиатского происхождения. Подобного рода фамилии, указывающие на происхождение их носителей из Средней Азии и Закавказья, дает нам болгарская эпиграфика. Так, среди найденных на Булгарском городище надгробий XIII—XIV вв. мы встречаем такие фамилии, как аш-Ширвани, аш-Шемахи, аль-Дженди, Самарканди.³²

После всего сказанного представляется самым вероятным, что означенные памятники — как мавзолей, так и плита с надписью — произведения болгарских мастеров, созданные одновременно в 1339 г.

Наконец, позволю себе остановиться на одном ошибочном положении в рассуждениях Б. Г. Калимуллина о якобы одновременности создания мавзолея и надгробной надписи, рассуждениях, исходящих из неправильного толкования даты их сооружения вообще.³³

Приняв за первоначальный мавзолей синхронное с надписью малое надгробное сооружение, остатки которого описаны у В. Юматова, Б. Г. Калимуллин допускает, что большой мавзолей был построен позже — в XII—XIII вв. Однако трудно допустить построение мавзолея спустя продолжительное время после смерти человека, в память и честь которого он воздвигнут, при широко распространенной традиции на мусульманском Востоке³⁴ строить надгробные сооружения и памятники еще при жизни обладателей их (мавзолей Гур-и-Эмир и др.).

Подобного рода случаи изготовления надгробной надписи заранее, еще при жизни человека, нам известны на основе

³² И. Березин. Булгар на Волге, стр. 110, 115, 124.

³³ Б. Г. Калимуллин. Архитектурные памятники Башкирии, стр. 10—11.— Здесь нельзя не отметить большое упущение Б. Г. Калимуллина: он в своей работе не воспроизвел по описанию авторов XIX в. внешний облик мавзолея Хусейн-бека, ограничившись лишь воспроизведением здания мавзолея постройки 1911 г., не имеющего для нас никакого историко-архитектурного значения.

³⁴ Даже у русских — приготовление колоды (гроба).

изучения татарской эпиграфики. Красноречиво об этом говорят найденные нами в Башкирии надгробия XVII и начала XIX в. в с. Кигазы Аскинского р-на и с. Старо-Баширово Чекмагушевского р-на, в надписях которых мы читаем:

اشكای اوعلی تویکیلدی بیلکنی
اوز بافتندا قویدی

„Ишкая сын Туйкильди памятник этот при жизни («в свое время») воздвиг“.

اوز حیثنده حظ قیلوب بعد ذمانرین
صوک دار فناдین دار بقایه نقل قیلدی

(„При жизни своей написав, через некоторое время из мира тленного в мир вечности переселился“).

В. Юматов следующим образом описывает это малое сооружение:

“В середине здания (мавзолея, — Г. Ю.) обведен стенкою из дикого камня овал шириною в 4, длиною $4\frac{1}{2}$ аршина; высота стенки овала была, сказывают, в $2\frac{1}{2}$ аршина, теперь она развалилась не выше 3 четвертей аршина”.³⁵ Независимо от того, насколько верно указаны размеры сооружения, оно могло быть только надгробием, подобным тем, какие вообще ставились на могиле покойника в мавзолее, — оформление самой могильной насыпи, облицовка камнем и т. п. Об ограждении здесь могилы овалом говорит и А. П. Смирнов.³⁶ Это малое сооружение на могиле могли сделать даже исходя из местной традиции ограждать могильную насыпь диким камнем или кирпичом в виде овала, что много раз мы наблюдали в Татарии и Башкирии. Например, об ограждении могильной насыпи кирпичом сообщается в одной старой рукописи (XVII в.),³⁷ где повествуется о событиях в Башкирии XV и XVI вв. и о посольстве Татягача-бия к русскому царю Ивану IV.

تاریع سکزیوز اون برده ایردی حان بیوردی
قوطاروب فراب... قبرنی کیربیج برلا ایله ندرگهن

³⁵ В. Юматов. Древние памятники..., стр. 3.

³⁶ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 90.

³⁷ Рукопись найдена в с. Табулды Стерлибашевского р-на; находится в библиотеке БФАН СССР.

„По летосчислению в восемьсот одиннадцатом повелел хан осмотреть... Могила была обрамлена кирпичом“.³⁸

Подобное мы читаем и у В. В. Вельяминова-Зернова: „Овальную стенкою обыкновенно огораживается то пространство, где был похоронен покойник“.³⁹ Павловский же ясно описывает: „Среди его (т. е. мавзолея, — Г. Ю.) — могила, обложенная известняковым плитняком и имеющая большое протяжение от Востока к Западу“.⁴⁰ Это можно связывать и с обычаем делать на могиле насыпь из известнякового же камня, что очень характерно для татарских и башкирских кладбищ. Таким образом, нет никакой надобности строить гипотезу о двух мавзолеях, построенных в разное время. Все это — единый комплекс намогильных сооружений одного и того же времени.

Мы не рассматривали вопрос относительно боковой надписи на надгробии Хусейн-бека. На обеих сторонах плиты имеются надписи. При изучении камня на месте нам удалось зафиксировать: *بو اولوم سعيه او... كار*; это, очевидно, обрывки стиха (на древнетюркском языке), изданного В. Юматовым.

Из его описания мы знаем, что „на других сторонах камня написано в стихах на арабском языке правоучение, и повторено на турецком языке“; стих 1:

*„Ниляр касте аямли
Такима качар
Камуга бу улюм сагити ангар“.*

Стих 2:

*„Арад дунья хараби битибари
Феляябка мудаман билькарори.
Курярман дуньяни вайраня бары
Гамиша баки ирмяс йок карары“.*

Перевод первого стиха должен примерно быть таким: „Что бы ни предпринималось, чтобы избежать, однако час смерти всем придет“.

Перевод второго стиха (по Али Рахиму): „Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое“.

Полностью боковая надпись не разобрана, с левой стороны она сильно побита. Однако здесь мы имеем только что приведенный стих 2, распространенный в среднеазиатском су-

³⁸ По нашему летосчислению — 1468 г.

³⁹ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии, стр. 282.

⁴⁰ П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека, стр. 238.

физме и занесенный в край еще в болгарскую пору; он имеет место и на надгробиях XVI и XVII вв.

В 1954 г. в поселке Красный Ключ, в 800 м от с. Чишмы, нами были извлечены и доставлены в ИИЯЛ, а после в Краеведческий музей обломки каменного надгробия, обнаруженного нами в 1953 г. (табл. 9).

Расколотый более или менее равномерно на 8 частей, надгробный камень этот был использован как фундамент фуражного склада.⁴¹ По рассказам местных жителей, он был доставлен с ближайшего заброшенного кладбища, расположенного всего в 700—800 м к западу от с. Чишмы, где раньше подобных надгробий было много. На кладбище приходили поклоняться „своим дедам“ крестьяне соседней дер. Илькаш (по-старому Сарт-Хасаново). Размером 200 × 64 × 29 см, высеченное из серого известняка, надгробие на лицевой стороне имеет остатки рельефного куфического письма, сохранившегося неповрежденным лишь в верхней части — одна строка под аркой, состоящая из традиционной формулы, обычной для болгарской эпитафии конца XIII и первой половины XIV в.

Как вообще на болгарских эпитафиях II стиля, формула высечена в тимпане арки в виде декоративной эпиграфической композиции, с четко выделяющимися стволами алифов и ламов. В остальной части надпись сбита, и только по оставшимся следам можно восстановить ее, исходя из известных вариантов текста болгарских эпитафий. Палеографически надпись является типичным проявлением так называемого болгарского куфи с диакритическими знаками и со знаками чтения.

Далеко не полностью восстановленный текст ее из десяти строк гласит следующее:

- (1) هوالحى الذى لا يموت
- (2) و[كل حى سيموت ال]
- (3) مؤ[ش] أو[ل] بلوي]
- (4) كُ [رحمة الله عليه رحمة]
- (5) و[سعة دنياران سفر] طنرُ—

⁴¹ Г. В. Юсупов. Отчет по исследованию эпиграфических памятников Чишминского района БАССР летом 1953 г., стр. 19. (Рукопись; хранится в ИИЯЛ БФАН СССР).

- وَي تَارِيح (6)
 (7)
 [ال]يَع (8)
 [شِوَال] (9)
 (10)

- „1) Он живой, который не умирает,
 2) и все живое умрет [Ал-
 3) мӯша] ⁴² сы[на память]
 4) ник [да будет милость бога над ним милостью]
 5) об[ширною; из мира пересе]лил-
 6) ся. По летосчислению
 7)
 8) м[есяца]
 9) [шаввāля]
 10)“

В верхней части левой боковой стороны имеется мелкая надпись, выполненная врезанным куфи:

1) سِلْمُش يَوَارِي
 2) جِرْدَ كِن

- 1) „Суламуш йувārī
 2)“?

На боковых гранях имеются мистического содержания надписи на арабском языке, выполненные рельефным куфическим шрифтом. Левая сторона:

اصبر على احوالها لا يموت الا بالاجل (так!)

„Самый терпеливый к опасностям здешней жизни — не умирает без (раньше) предельного (срока)“.

Правая сторона:

الموت ياتيكَ الخبر والقبر [صندوق العمل]

„Смерть (тебя) известит (о) сроке, а могила [есть сундук деяний]“. Надпись эта напоминает остаток надписей на боко-

⁴² Это имя допускается предположительно на основании уцелевшей лигатуры مَوْ (мӯ).

вых сторонах одной болгарской эпитафии XIV в. из Булгарского городища (табл. 39).

В тексте надписи этого надгробия есть слова, типичные для языка болгарских эпиграфических памятников II стиля (конца XIII и первой половины XIV в.) и не встречающиеся больше нигде: اول 'сын', بلوي ك 'памятник', طنروي (перевод см. стр. 85), ايع 'месяц' и титульное слово يوارى 'военный муж'.

Таким образом, судя по всему, перед нами типичный образец болгарских эпиграфических памятников II стиля конца XIII и первой половины XIV в. Из-за сильных повреждений строк определить точнее дату не представляется возможным.

В 500—600 м к западу от поселка Красный Ключ, на месте, называемом Сынташ, раньше стояли два надгробия, бывшие в недавнем прошлом объектами поклонения. От этих надгробий теперь остался лишь зафиксированный весьма искаженно текст одного из них. Текст был переписан в 1909 г. уфимским муфтием и его свитой, приехавшими сюда с целью их обследования, и опубликован в органе Мусульманского духовного собрания — журнале „Ма'лумат“.⁴³

- (1) (Так!) اللحم لله
- (2) هوالحى الذى لا يموت
- (3) المحكم لله على الكبير
- (4) حبيب اولى مسعود
- (5) مرحوم.... اكى حا
- (6) طور زبرت كا رحمة
- (7) الله عليه رحمة واسعة
- (8) وفات نلطوت
- (9) تاريخ حيات حوروم
- (10) طر بير جال رجب اى
- (11) ورت كوات

⁴³ Журнал „Ма'лумат“, 1909, № 35, Оренбург, стр. 854—855.

Приводятся и боковые надписи памятника:

(так!) اصبر على احوالها لا يموت الا بالاجل

(так!) الموت يأتيك الخبير والقبر صندوق العمل

точно такие же, как и на только что описанном памятнике из пос. Красный Ключ.

Считая неправильно прочитанный термин *تَلَطُّوت* буквенным выражением даты смерти покойного ($ت = 400$, $ل = 6$, $ط = 9$, $و = 30$, $ت = 400$, $تَلَطُّوت = 845$), памятник датировали 845 г. хиджри, т. е. 1441—1442 гг.

Чтение это содержит массу ошибок, особенно в дате. Так, слово *بَلَطُوِي* 'быть', часто встречающееся на болгарских памятниках II стиля XIII—XIV вв. и указывающее на совершенное действие совместно с употреблявшимся термином *وفاة* (так же, как и в данном случае), принято за дату в буквенном ее выражении (восьмая строка), тогда как сами болгарские числительные (*جال جوار جال* „семьсот году“) (девятая строка) оставлены без расшифровки. Отсюда и ошибочная датировка памятника XV в., когда подобной формы болгарские эпитафии — с ротацизмом (*жор* вместо *жоз*), исполненные куфическим шрифтом, — уже не встречаются нигде. Первые три и седьмая строки текста состоят из коранических формул, характерных (за исключением первой из них) для многих болгарских эпитафий. Формула же *الحمد لله*, зафиксированная здесь неточно, встречается впервые. В четвертой строке указываются имя и отчество покойного — Хабиб сын Масгуда, звучащие, однако, довольно современно. Здесь неточно, искаженно (тоже совсем по-современному) зафиксировано и слово *اولي* 'сын', которое на болгарских эпитафиях,

так же как и на разбираемой, пишется в виде *أول*. Пятая и шестая строки, кроме слов *مرحوم* и *رحمة*, остаются непонятными. Однако правильность первого из этих слов сомнительна, ибо его мы никогда на болгарских эпитафиях II стиля не встречали. Девятая, десятая и одиннадцатая строки содержат

дату смерти покойника, которые, исходя из написания их на болгарских эпитафиях II стиля, вернее было бы представить:

- (9) تاريخ حيات جور و
 (10) طر بير جال رجب ايع
 (11) کوان [ات]

После всего сказанного перевод текста мы можем написать следующим образом:

- 1) Хвала богу.
- 2) Он живой, который не умирает.
- 3) Верховный суд принадлежит богу великому.
- 4) Хабйба сын Масгуд,
- 5) покойный
- 6) . . [место его погребения] . . . да будет милость
- 7) бога над ним милостью обширною.
- 8) Умер
- 9) по летосчислению в семьсот трид-
- 10) цать первом году, раджаба месяца
- 11) день [то было]“.

Подобный текст с его архаизмами в языке является одним из характернейших вариантов для II стиля болгарских эпитафий конца XIII и первой половины XIV в.

Таким образом, на небольшой территории вблизи с. Чишмы имеются остатки нескольких древних кладбищ с болгарскими эпитафиями на них, идентичными тем, что имели распространение до середины XIV в. в Болгарии.

В настоящее время можно указать и на более ранние болгарские археологические памятники в Башкирии, подобные тем, какие мы видим на Волге (Кайбельский и Тарханский могильники); такими же считаются Уфимский могильник VII—VIII вв. н. э. и Левашовский могильник (VIII—IX вв. н. э.) у Стерлитамака, относимые рядом авторов к Салтовской культуре, связанной с булгарами.⁴⁴

⁴⁴ А. П. Смирнов, Н. Я. Марперт. 1) Археологическая экспедиция на строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции в 1952 г. Вестн. АН СССР, 1953, № 1, стр. 61; 2) Археологические исследования Куйбышевской экспедиции. Вестн. АН СССР, 1954, № 4, стр. 65; 3) Вопросы этногенеза народов Поволжья, стр. 52—53; Р. Б. Ахмеров. Могильник близ Стерлитамака, Сов. археолог., т. XXII, 1955, стр. 156;

К числу болгарских следует отнести и Кушулевский могильник в Башкирии (Дюртюлинский р-н), найденный А. П. Шокуровым и раскопанный в 1958 г. И. Эрдеи, который датировал его IX в. Мусульманский обряд захоронения и обнаруженное в единственном числе височное кольцо с полой грушевидной вставкой позволяют датировать могильник несколько более поздним временем — X в.⁴⁵ На основании наличия на ряде городищ красной болгарской керамики и других материалов А. П. Смирнов определенно говорит о проникновении болгар в Башкирию и о большом значении их в „истории башкир золотоордынского периода“.⁴⁶

О раннем обитании в Башкирии болгар свидетельствует и наличие в языке современных мадьяр, как уже отмечалось выше, термина *velyeg* 'клеймо', 'знак', который почти в таком чтении (*bäljüiki*) встречается только на болгарских эпитафиях (почти на всех XIII—XIV вв.),⁴⁷ в том числе и на вышеописанном надгробии из поселка Красный Ключ у с. Чишмы (табл. 9). Можно смело сказать, что мадьяры могли обрести этот термин, только соприкасаясь с болгарам до их переселения из пределов Приуралья на Дунай. Исходя из наличия в мадьярском языке болгарских слов, Б. А. Серебренников делает предположение о раннем проникновении болгар на территорию Башкирии, так же как на территорию современной Татарии.⁴⁸ Нельзя здесь не вспомнить и то, что одна из групп башкир носит название *бөрьян* (*бурзян*), которое, возможно, следует сопоставлять со словом *بورجهن*. Этим словом восточные авторы называли дунайских болгар.⁴⁹

Проф. С. И. Руденко отмечает факт проникновения в юго-западную Башкирию в VII—VIII вв. болгар, „часть которых вошла в состав башкирского народа (Бюлярский и Байлярский башкирские роды)“.⁵⁰

А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 48, 66—67; И. И. Лапушкин. Памятники Салтово-Маядской культуры. Матер. и исслед. по археолог. СССР, вып. 62, 1957, стр. 148.

⁴⁵ И. Эрдеи. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX—X вв. Л., 1959, стр. 13. (Автореферат канд. диссертации).

⁴⁶ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 99, 100.

⁴⁷ Русско-венгерский словарь. Состав. Х. С. Хаас. М., 1947, стр. 127.

⁴⁸ Б. А. Серебренников. Происхождение чуваш по данным языка, стр. 44.

⁴⁹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей. . . , стр. 13.

⁵⁰ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 329.

Наконец, характерный для западных башкир и татар джоканьющий говор своим происхождением обязан, очевидно, булгарам. О раннем появлении джоканья в языке башкир говорит наличие на башкирском надгробии начала XVIII в. (в с. Чишмы Чишминского р-на) числительного جتى 'семь' наряду с башкирским اوتتوز 'тридцать'.⁵¹ Значительную степень джоканья в языке как башкир, так и татар в северо-западной Башкирии отмечает и Л. Т. Махмутова, занимавшаяся диалектологическими исследованиями в этих частях Башкирии.⁵² Все это позволяет с уверенностью говорить об обитании с древнейших времен на территории Башкирии булгар, оставивших нам культуру, пока еще очень мало исследованную.

Однако, кроме эпиграфического материала и кладбищ, сведения о поселениях древних булгар на территории нынешней Башкирии мы могли бы почерпнуть из археологических данных. Организация специальных исследований в этом направлении несомненно еще больше обогатит нас подобными материалами.

Если булгарское население на территории современной Татарии являлось предками казанских татар, а в Удмуртии, где всего-навсего существовала торговая фактория булгар, от них произошли нукратские татары, то возникает вопрос: кто наследник булгар на территории Башкирии, в кого они впоследствии исторически воплотились? В этом отношении вызывает интерес происхождение уфимских татар, которых в исторической литературе считают пришедшими из пределов Казанского ханства после присоединения его к Русскому государству. Конечно, этот факт нельзя отрицать, тем более что подтверждение ему мы находим в многочисленных эпиграфических памятниках XVII в. на западе Башкирии, как две капли воды сходных с такими же памятниками на современной территории Татарии (табл. 73, 74). Однако нет сомнения и в том, что какая-то часть уфимских татар, — кроме тептярей и пришлых мишарей, очень близких в этнокультурном отношении с казанскими татарами, — является потомками тех булгар, о памятниках которых говорилось выше. В этом свете важное значение приобретают зафиксированные нами в западных районах Башкирии так называемые „джиенные

⁵¹ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники... стр. 54.

⁵² Материалы экспедиции 1954—1957 гг. в районы сев.-запада Башкирии, организованной Казанским филиалом АН СССР, под руководством Л. Т. Махмутовой. (Рукопись; хранится в ИЯЛИ КФАН СССР).

округа",⁵³ т. е. празднование того или иного „джиена“ одновременно несколькими селами, сходное в этом отношении с празднованием „джиенов“ казанскими татарами (что признано пережитком их родоплеменной организации — собрания рода, племени). Если допустить, что татарское население здесь только пришлое, то никак нельзя допустить, что при их переселении — ломке их общественной связи — сохранились „джиенные округа“. Это тем более трудно допустить, что переселение, надо полагать, продолжалось в течение долгого времени. Поэтому наличие в общественной жизни уфимских татар подобных же „джиенных округов“, по-видимому, есть результат длительного пребывания их здесь, т. е. доказательство происхождения их от местных предков — болгар.

Говоря о языке башкир северо-западных районов БАССР, башкирский языковед Дж. Г. Киекбаев указывает на „отатаривание“ их разговорного языка, обусловленное историческими причинами, в частности, длительным („в течение нескольких веков“) и сильным влиянием на них татар.⁵⁴ Роль болгар в этнокультурном процессе в этой части Башкирии отмечает и проф. С. И. Руденко, подчеркнувший сильное влияние татар на башкир, приведшее даже к изменению физического облика последних.⁵⁵ Во время работы в Башкирии в 1952—1958 гг. мне приходилось несколько раз бывать в западных и северо-западных районах республики, где в процессе полевых исследований я не видел в материальной и духовной культуре башкир чего-либо типично башкирского. Почти все здесь татарское. И сами же башкиры называют себя *без теленнен язган башкорт* 'башкиры, лишившиеся языка'.⁵⁶ Эти глубокие изменения в их языке, физическом облике и быте, приведшие к исчезновению на указанной территории всего башкирского, представляют собой не только результат влияния казанских татар, переселившихся сюда несколько веков назад, но имеют более глубокие исторические корни, восходящие к болгарам в Башкирии и к их потомкам. Естественно, что башкиры, испытавшие в давнее время влияние болгар, а в последние века жившие бок о бок с поселившимися здесь казанскими татарами, неизбежно должны были отатариться, так же как часть местных финноугров была обугаризирована или позднее отатарена на современной территории Татарии и Чувашии.

⁵³ *Джиен* — по-татарски и по-башкирски буквально 'собрание'.

⁵⁴ Ж. Киекбаев. О башкирских диалектах. Журнал „Учитель Башкирии“, 1957, № 7, Уфа, стр. 11. (На башкирском языке).

⁵⁵ С. И. Руденко. Башкиры. . . , стр. 339—340.

⁵⁶ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники. . .

Немного о финно-уграх Башкирии и о мишарях.

Попутно с эпиграфическим материалом во время поездок по западным и северо-западным районам мною собраны и некоторые сведения историко-этнографического характера. В результате неоднократных поездок по этим районам (Кушнаренковский, Чекмагушевский, Дюртюлинский, Илишевский, Буздякский, Чишминский, Мишкинский, Байкибашевский, Аскинский, Балтачевский, Бураевский) мною обнаружено явление, аналогичное тому, какое имеет место в северо-западных и восточных районах ТАССР (Заказанье), т. е. наличие при многих селах мест, называемых „черемисскими кладбищами“, а в составе населения сел — „черемисских родов“ (*чирмеш нэселе*), даже „черемисских улиц“ (*чирмеш очы*). Явление это безусловно не случайное. Факт этот в Татарии (в северных районах) исторически объясняется тем, что болгарское население сначала постепенно, а в XIV в. довольно интенсивно проникало на эту территорию и вытесняло марийские племена. Особенно массовое переселение с основной территории Булгарского государства — из Закамья — произошло после разгрома Булгара золотоордынским темником Булат-Тимуром в 1361 г., когда Закамье несколько заустало. Основная масса марийского населения переместилась на север, в нынешние марийские леса; часть его, оставшаяся на месте, ассимилировалась среди пришлых болгар, а впоследствии их потомков — казанских татар.

Трудно пока говорить утвердительно о происхождении „черемисских кладбищ“, об этом может быть сказано только в результате проведения археологических раскопок, однако очень возможно, что мы здесь имеем следы дотюркского финно-угорского населения.

Естественно возникает вопрос: кто же оставил эти многочисленные кладбища на такой значительной территории? Если мари, то можем ли мы допустить, что с началом проникновения в эти края тюркских волн с юга они так же, как и на территории Булгарии, отходили постепенно на север и уцелели компактной массой лишь на северо-западе — в Мишкинском, Бирском и Калтасинском р-нах? Хотя историки считают, что они переселились сюда с запада в недавнем прошлом, однако очень возможно, что здесь имеется и древний пласт этого населения. В этом свете представляет интерес донесение пермского воеводы о возмущившихся „черемиссах вместе с остяками, башкирами и буинцами“. В ответ на это донесение Иван IV в своей грамоте от 6 августа 1572 г. приказывает воеводе „воевать наших изменников, черемису;

остяков, вотяков, ногаев, которые нам изменили. А которые будут черемисы или остяки добры, захотят к своим товарищам приказывать, чтобы они от воров отстали и нам прямили, — таких вы не убивайте и берегите их, и мы их пожалуем...“.⁵⁷ Сообщение не оставляет сомнения в том, что еще в XVI в. мари обитали где-то близко к остякам и башкирам.

Наконец, не исключена возможность, что кладбища эти тогда принадлежали ушедшим мадьярам и названы были „черемисскими“ (*чирмеш зийараты*), так как для местных мусульман всякое немусульманское, языческое есть „черемисское“ (*чирмеш*). Раньше широко было принято называть *чирмеш* тех, кто не соблюдал предписанных исламом обычаев, обрядов, т. е. проявил себя „неверным“. Именно потому к этим кладбищам крестьяне-мусульмане водили раньше своих больных лошадей, полагая, что кони, якобы услышав из-под земли стоны мучающихся язычников, „исцеляются“. Здесь кстати упомянуть о нахождении нами в 1956 г. в этих районах, а А. П. Шокуровым в нижнем течении р. Белой большого числа городищ и селищ с керамикой типа Бахмутинского могильника.

В свете всего этого приобретает интерес предположение А. В. Шмидта о принадлежности бахмутинской культуры, широко распространенной на западе и северо-западе БАССР, мадьярам, ушедшим из пределов Приуралья на Дунай.⁵⁸

Общеизвестная этническая пестрота в указанных районах выражается не только в наличии сел с тюркским, русским и финским населением, но и в том, что самые села с преобладающим тюркским населением подчас бывают заселены (особенно в Чекмагушевском, Кушнаренковском и Илишевском р-нах) в различных вариантах несколькими этническими группами — башкирами, тептярями, мишарями и тэмэнами (*төмән*), которые все себя называют татарами. Часто бывает так, что один конец села заселен башкирами, а другой — тэмэнами и даже еще кем-либо третьим — местными мишарями или тептярями.

Группа населения, именуемая *төмән*, которую башкирские историки связывали с тюменскими татарами Сибири, на самом деле является некогда пришлым из Пензенской и Тамбовской губерний населением — темниковскими татарами — и никакого

⁵⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VI, стр. 310, 311; Г. Ф. Миллер. История Сибири. М.—Л., 1937, стр. 338.

⁵⁸ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР, стр. 25, 26. Журнал „Хозяйство Башкирии“, 1929, № 8—9, Уфа, стр. 15, 26.

Рис. 10. Надгробный памятник (1804 г.) князя Мусы Еникеева из с. Ст. Баширово Кушнаренковского р-на БАССР.

отношения к сибирским (тюменским) татарам не имеет. В башкирской исторической литературе они значатся как мишари, из числа которых и были служилые люди, мурзы, во время народных движений всегда выступавшие на стороне царского правительства, за что бывали наделены землями, всевозможными наградами и отличиями. В нашем эпиграфическом материале мы их встречали в лице князей и мурз Еникеевых из с. Ст. Баширова (Кушнаренокский р-н, рис. 10).

Физически крепкие, рослые, тэмэны в языковом, диалектальном отношении почти ничем не отличаются от местных татар, хотя раньше, как рассказывают старики-башкиры, язык их отличался наличием русских элементов, т. е. это был мишарский диалект. Отношения их с башкирами и местными, так называемыми мишарями, раньше были очень недружелюбны: смешанные браки между ними происходили крайне редко, порой эти натянутые отношения выливались даже в открытые столкновения.

Выше мы среди этнических групп башкир, тэмэнов, тептярей указали и так называемых местных мишарей. Что же из себя представляет эта группа населения? Сами они себя считают исконно местным населением. Говорят на татарском языке. Были в хороших отношениях с башкирами, с которыми, в противовес тэмэнам, тесно общались при помощи брачных уз, и в пору земельных неурядиц с тэмэнами всегда становились на сторону башкир. Так, в некоторых селах раньше тэмэны составляли одно общество, а мишари с башкирами — другое; каждое возглавлялось своим старостой. Погребали они своих покойников на различных кладбищах. Как выше было сказано, этнически эти мишари (میشار طائفسى), очевидно, были известны и в болгарское время, о чем сообщает Шараф ад-дйн, указывая на факт обучения башкир и мишар в духовных школах Булгара.⁵⁹

Таким образом, мы здесь имеем мишарей двух родов: тэмэны — мишари, пришедшие с запада, и так называемые местные — „башкирские мишари“, ныне сосредоточенные в Кушнаренокском, Чекмагушевском и Илишевском р-нах. Как сообщают, раньше эти мишари от тэмэнов отличались одеждой, т. е. пестротой и обилием металлических украшений. В этом отношении представляет интерес сообщение научного сотрудника Музея народов СССР в Ленинграде Т. А. Крюковой о наличии в фондах этого музея двух различных по характеру мишарских коллекций из Башкирии: одна „более тюркская“,

⁵⁹ Ш а р а ф а д - д й н Бу л г а р и. История Булгарии, стр. 19.

другая „более финская“. В топонимике западной Башкирии ныне мы встречаем такие названия, как Межеры, Мещерово, Можарово. Эти названия, встречающиеся, кроме того, в целом ряде мест Волжско-Камского края, по утверждению проф. С. П. Толстова, являются разновидностью одного и того же этнонима мадьяр.⁶⁰ Проблему русской мещеры он связывает с проблемой мишарей и, как пишет Т. А. Трофимова, „допускает, что татары и мещеры были одним племенем мажар, ответвлением которых являются современные мадьяры Венгрии“.⁶¹

Теперь становится возможным предположить, что так называемые местные мишари (или башкирские мишари, если так можно их назвать) являются потомками той части мадьяр, которые остались на месте, т. е. не переселились на Дунай, и здесь подверглись отюречению и мусульманизации. Как известно, еще в XIII в. венгерский монах Юлиан, приехавший в Приуралье специально к своим соплеменникам, обнаружил, что они говорят на его родном наречии.

Возвращаясь к вопросу о булгарах в Башкирии, следует отметить, что культура их, по-видимому, отличалась от культуры волжских булгар. Правда, она еще совершенно не изучена в Башкирии. К тому же нам ничего не известно о существовании государства булгар на этой территории, ибо, по словам проф. А. П. Смирнова, „они не сумели подчинить местные племена и образовать союз племен“. Это объясняется прежде всего тем, что проникновение булгар в Башкирию происходило небольшими группами.⁶² Естественно, что количественно небольшое, медленное просачивание не могло способствовать компактному сосредоточению булгар в Башкирии. В силу этого они остались там распыленными, как бы вкрапленными среди других этнических групп, в частности мадьяр и башкир. Если, смешавшись с первыми, они породили особую группу вышеуказанных „башкирских мишарей“ аборигенного происхождения, то, войдя в состав башкир, они образовали бюлярский и байлярский роды, сосредоточенные в нижнем течении р. Белой,⁶³ наподобие того, как, согласно легенде, юрматынское племя башкир происходит от мадьяр. В этом отчетливо проявляется общность культуры и языка

⁶⁰ Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья. М.—Л., 1949, стр. 123.

⁶¹ Там же.

⁶² А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 70.

⁶³ С. И. Руденко. Башкиры..., стр. 48 (см. карту родовых групп и земельных башкирских дач).

тюркского населения западной Башкирии с казанскими татарами на территории Татарии.

Так представляется нам, по очень скудным данным, судьба болгар и мадьяр в Башкирии, пока совершенно не изученная.

Само собой разумеется, что все эти, пока гипотетические, положения заслуживают пристального внимания историков, археологов, этнографов и лингвистов. Только комплексное изучение в широком плане разноплеменного населения этих районов в дальнейшем даст возможность более уверенно судить об их происхождении.

Татарские надгробия XV века

Количество памятников XV в. незначительно по сравнению с другими из хронологической лестницы нашей классификации. Качественно они резко выделяются среди остальных, т. е. памятников XIII—XIV и XVI вв. Это мы связываем исключительно с теми историческими событиями, которые во второй половине XIV и первой четверти XV в. вызвали в Булгарском государстве значительные изменения социально-экономических условий, наложившие печать оскудения и на культурную жизнь этого периода.

По своим размерам памятники XV в. несколько уступают болгарским. Особенно уменьшилась их толщина, доходящая на некоторых до 11.5 см. Среди них мы видим такие:

Толщина	Ширина	Длина
11.5 см	44 см	111 см
18 "	38 "	120 "
14 "	48 "	110 "
20 "	59 "	110 "

Несмотря на малое их число, надгробия эти очень разнообразны по форме верхнего конца, как и вообще по внешнему облику. Есть прямоугольные (табл. 52), стрельчато-арочные (54, 56) и полукруглые.

Под аркой в большинстве случаев высечена традиционная для болгарских надгробий формула:

هوالمى الذى لا يموت (табл. 54, 56).

В двух случаях (табл. 51, 52) под аркой вырезана шестиконечная звезда, так называемый „Давидов щит“, такого же характера, как и на болгарском надгробии второй половины

XIV в. (табл. 44). Мотив шестиконечной звезды довольно широко представлен в материальной культуре болгар — в керамике, монетах,¹ декорировке архитектурных памятников.² Применение ее в архитектуре периода Казанского ханства видно из фрагмента гипсовой облицовки, найденного в Казанском кремле XV—XVI вв. (собрание Государственного музея ТАССР, № 5364-6). Характерна она и для архитектуры Средней Азии, для ее ранних памятников — резных алебастровых панелей Африасиба, а на памятниках XIV—XV вв. — мечети Тимура-Биби-Ханым, медресе Улуг-Бека и других — она является обязательным орнаментальным компонентом.³

В татарском народном искусстве мотив этой звезды в различных ее трактовках характерен для вышивок.⁴ Мы ее видим и во фрагменте архитектурного декора, найденном во время раскопок Казанского кремля.⁵ Встречается она и на позднейших татарских надгробиях XIX и начала XX в. Этот орнамент, имеющий глубокие местные корни, заставляет вспомнить ранних соседей болгар — хазар, с которыми его связывает проф. А. П. Смирнов (керамика из раскопок Булгара в 1951 г.).

Чрезвычайно разнообразны памятники XV в. по своему бордюроному украшению. С одной стороны, здесь встречается обрамление текста надписи полоской (табл. 54), подобно тому, что мы видели на болгарских памятниках; с другой — на них появляется „виноградная лоза“ (табл. 56), типичная для бордюра татарских памятников XVI в. и даже позже. Исключением является памятник из с. Ср. Аты Арского р-на ТАССР (текст 3), где основной текст надписи окаймлен рельефно высеченной арабской вязью; это несколько напоминает надгробия из мавзолея Тимура „Гур-и-Эмир“,⁶ а также надгробия начала XIX в. с кладбища г. Балаханы Азербайджанской ССР.⁷ Это пока единственный в своем роде памятник в бул-

¹ А. Б. Булатов. Альменский клад XIII века. (Рукопись).

² Казанский музейный вестник. 1920, № 5—6, стр. 65; Отчет о раскопках в Болгарах в июле 1914 г. Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Каз. унив., т. XXIX, 1914, вып. 5—6, стр. 207, табл. III.

³ И. А. Сухарев. Два блюда XVI в. из Самарканда. Тр. Инст. ист. и археолог. АН Узб. ССР, т. I, 1948, стр. 60.

⁴ П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 14.

⁵ Н. Ф. Калинин. Раскопки в Казанском кремле в 1953 г. Изв. КФАН СССР, вып. 1, сер. гуман. наук, 1955, стр. 118.

⁶ А. А. Семенов. Надписи на надгробиях Тимура и его потомков в Гур-и-Эмире. Эпигр. Востока, II, М.—Л., 1948, стр. 49—62, рис. 1 и 2; III, М.—Л., 1949, стр. 45—54, рис. 1, 2, 5.

⁷ Фотоотека отдела Востока Гос. Эрмитажа; азербайджанские снимки №№ 7536, 7537.

гаро-татарской эпиграфике. Имеются памятники также и без бордюрного украшения (табл. 51, 52). Остановимся подробнее на некоторых бордюрных орнаментах: ячеистом орнаменте, состоящем из треугольников и ромбов (табл. 53), джуге — тройном плетении (рис. 11) — и двойном плетении.

Ячеистый орнамент на памятниках из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на представляет собой полосу шириной 5—6 см, составленную из треугольников, обращенных друг к другу вершинами; между ними помещены ромбики, стороны которых равны сторонам треугольников. Они тянутся цепочкой, заполняя промежутки между треугольниками. Почти такой же орнамент мы обнаруживаем на художественно сотканых татарских полотенцах.⁸ Этот характерный для татарского искусства узор имеет древнее происхождение. Орнамент из треугольников зафиксирован нами на надгробии XVI в. (табл. 59) с того же кладбища с. Тат. Ходяшево. Кстати, скажем пару слов об этом надгробии, несколько забежав вперед. Вариант этот представляет собой зигзагообразную рельефную полосу на бордюре памятника, шириной в три сантиметра, образованную двумя рядами врезанных равно-сторонних треугольников.

Довольно древний аналог к этому мотиву — „елочный“ орнамент — мы видим на браслете бронзовой эпохи из музея Академии наук Узбекской ССР. М. Э. Воронец, описавший браслеты этой эпохи, подобный орнамент считает „обычным, очень распространенным в среднюю пору бронзовой эпохи в степных культурах юго-восточной Европы, Западной Сибири, Казахстана и северной части Средней Азии“.⁹

Довольно близким вариантом описанного нами узора из треугольников является подобный треугольный орнамент, но с ломаной линией, идущей посередине зигзагообразной полосы. Мотив этот известен на античных памятниках Хорезма (статуэтки архаического стиля из городища с жилыми стенами — Джанбас-кала и Беркут-кала), относящихся к середине I тысячелетия до н. э.¹⁰ Этот же мотив украшает венчик глиняного сосуда из Кескен-куюк-кала — из комплекса так называемых „болотных городищ“ северо-восточного Хорезма, со-

⁸ Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930, стр. 280, рис. 51.

⁹ М. Э. Воронец. Браслеты бронзовой эпохи музея Академии наук Узб. ССР. Тр. Инст. ист. и археолог. АН Узб. ССР. т. I, Ташкент, 1948, стр. 65.

¹⁰ С. П. Толстов. 1) По следам древнехорезмийской культуры, стр. 92; 2) Древний Хорезм, табл. 72, рис. 6, 8.

Рис. 11. Орнамент бордюра памятника (XV в.?) из с. Ср. Аты Арского р-на ТАССР.

зданных в середине I тысячелетия н. э. „народом, по происхождению тесно связанным с сармато-аланскими и массагетскими племенами“.¹¹ В культуре средневекового Хорезма этот орнамент известен из фрагментов штукатурки облицовки дворца городища Кават-кала (XII—XIII вв.).¹² Ныне он характерен для народного искусства казахов.¹³

Такой же орнамент был обнаружен на сфероконусе, найденном в 1898 г. в Булгаре (хранится в Государственном музее ТАССР, № 2316), на боевом топоре из коллекции Заусайлова и др. Проф. А. П. Смирнов отмечает типичность этого мотива для края: „орнамент, имеющийся часто на вещах местного производства в Булгарах и в Закамье в эпоху X—XI вв. н. э.“¹⁴

Сюжет этого треугольного орнамента является характерным и для русского прикладного искусства. В частности, об этом орнаменте проф. А. В. Арциховский пишет: „Такой узор в разные времена находил разное применение. Он известен на медных вятических курганных решетчатых перстнях XII—XIV вв., на каменных стенах новгородских церквей XIV—XV вв. и т. д. Доныне он применяется на деревянных кустарных изделиях. На русских надгробных памятниках он господствует в первой половине XVI века“.¹⁵

Из всего сказанного, по-видимому, становятся ясными древнейшие корни этого орнамента, а быть может даже пути его распространения, обусловленные тесными культурно-экономическими отношениями болгар с Хорезмом, с одной стороны, и Древней Русью, с другой, как в домонгольский период, так и после него.

Бордюрный орнамент в виде тройной плетенки (надгробие из с. Ср. Аты Арского р-на, см. рис. 11) встречается также и в болгарской архитектуре. Вариант его, усложненный вписанием в это плетение трилистников, имеется на фрагменте облицовки „Четыреугольника“ (XIV в., собрание Государственного музея ТАССР).¹⁶ Мотив этот, характерный для декора-

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской культуры, стр. 210, 213.

¹² С. П. Толстов. 1) Древний Хорезм, стр. 163, табл. 67, рис. 2; 2) По следам древнехорезмийской культуры, стр. 279.

¹³ Казахский народный орнамент. М., 1939, табл. VI, рис. 15.

¹⁴ А. П. Смирнов. Очерки по истории древних болгар. Тр. Гос. истор. музея, М., 1940, вып. 9, стр. 99.

¹⁵ А. В. Арциховский. Надписи, найденные на метрострое. Сб. „По трассе первой очереди Московского метрополитена“, М., 1936, стр. 160.

¹⁶ Казанский музейный вестник, 1920, № 5—6, Казань, стр. 44; П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, стр. 6.

тивного убранства многих архитектурных памятников Средней Азии, типичен и для славянского искусства — болгарского (XI в.),¹⁷ русского и др. Например, близок к нему орнамент на остатках богатой русской женской одежды из Владимирского кургана (XI—XII вв.),¹⁸ а позже на заставке Шести-днева XV—XVI вв.¹⁹ Двойная плетенка на бордюре надгробия из сел. Тат. Азелей Нурлатского р-на и Урывкино Пестречинского р-на (табл. 55) также имеет аналоги в болгарском прикладном искусстве. Мотивы ее в русском искусстве мы видим на заставке Апостола XIII в.,²⁰ где представлены всевозможные варианты плетенок.

Надпись на боковой стенке обнаруживается только на одном надгробии XV в. Из-за плохой сохранности содержание этой надписи остается неизвестным. По-видимому, это традиционная формула, что видно из еле заметных слов — الموت باب وكل الناس... 'Смерть есть врата и все люди...'

В палеографическом отношении надписи XV в. в значительной степени уступают болгарским. Здесь мы, так же как в отношении орнаментации и форм памятников, отмечаем разнообразие в стиле почерка их. Следует подчеркнуть, однако, что наряду с различными не каллиграфическими, подчас скорописного типа, почерками (табл. 51, 52, 53, 55) мы находим близкий аналог рельефного почерка болгарских надгробий I стиля (на памятнике из городища Иски-Казан, табл. 54),²¹ что несомненно является отзвуком, пережиточным элементом болгарской эпиграфики XIII—XIV вв. Среди немногих таких памятников легко найти также рельефный почерк (табл. 56) — прототип рельефного сульса, как принято в краеведческой литературе его называть, типичного для стильных надгробий XVI—XVII вв. К этому же типу относится почерк памятника, датированного 1481—1482 гг., из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на, фотография которого не помещена по техническим причинам.

Чтобы получить представление о языке памятников XV в., рассмотрим несколько текстов.

¹⁷ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. III, 3, IX, 14.

¹⁸ История культуры Древней Руси, т. I, М.—Л., 1951, стр. 236, рис. 148.

¹⁹ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. XCII, 15.

²⁰ История культуры Древней Руси, т. II, М.—Л., 1951, стр. 385, рис. 182.

²¹ Вообще памятник этот и по своему внешнему виду очень напоминает болгарское надгробие I стиля.

Текст надгробия из села Б. Нырсы Тюлячинского р-на, размером $19 \times 50 \times 110$ см, исполненного простым скорописным почерком, см. в табл. 52. Формула ... كل نفس ذائقة الموت (Коран, сура XXIX, стих 57), часто встречающаяся на болгарских плитах, характерна, очевидно, и для памятников Средней Азии. Так, она зафиксирована на надгробии Субуктегина (XI в.).²²

Приведем текст надгробия из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на, размером $11.5 \times 44 \times 111$ см, исполненного рельефным шрифтом.²³ Дата — 1481—1482 г.

- (1) لا يموت
 (2) قال الله
 (3)
 (4) رن تاريخ سكين يوز
 (5) سكسان التي دا چورا
 (6) او على دولك نور فاني
 (7) سراي دين بقا دارني مقام اتى
 (8) ربيع اول

- „1) не умирают,
 2) сказал бог
 3)
 4) по летосчислению в восемьсот
 5) восемьдесят шестом. Чүрә, (его)
 6) сын Дәулек-Нур из временного
 7) дворца в мир вечности переселился
 8) в месяц раби'-I“.

Довольно часто встречающееся в документах и летописях, особенно в XVI—XVII вв., имя Чүрә или Қол-Чүрә является древнейшим тюркским именем, восходящим к орхонским надписям.²⁴

²² S. Flury. Le tombeau di Subuktegin. Syria, VI, Paris, 1925, стр. 63.

²³ К. Насыри. Неизданные произведения, Казань, 1926, стр. 34. (На татарском языке).

²⁴ А. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв., стр. 132, 134.

Текст обломка памятника из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на, размером $13.5 \times 65 \times 70$ см, исполненного врезанным шрифтом, см. в табл. 53.

Слова текста в обломленной части надписи вставлены предположительно, исходя из смысла последующих слов, что не учтено в чтении, данном Ш. Марджани,²⁵ по ошибочно списанному для него другим лицом тексту. Так, в пятой строке после имени покойного توکل^{26} логически напрашивается او علی 'сын', или скорее из-за ограниченности места بن , также не чуждое для болгаро-татарских надгробий (см. памятник XV в. из с. Б. Нырсы, табл. 51), в особенности для духовенства. Слово سوعا (буквально „в воду“) в шестой строке диктуется, когда речь идет о смерти, выражением توشوب со смыслом „утонув“, хотя буквально оно означает „спустившись“. Возраст покойного, кажется, вполне позволяет считать его смерть результатом трагического случая.

Текст памятника из городища Иски-Казан, размером $14 \times 48 \times 110$ см, см. в табл. 54.²⁷

Текст надгробия из с. Урывкино Пестречинского р-на размером $17 \times 80 \times 82$ см, исполненного врезанным шрифтом, см. в табл. 55.

Здесь нет надобности долго останавливаться на языке этих памятников. Из приведенных текстов становится ясным, что язык всех эпитафий XV в. близок к современному татарскому языку, с одной стороны, и восходит исторически к новобулгарскому языку, прослеживаемому на памятниках I стиля, — с другой. Он почти идентичен с языком литературных памятников XVI в. „Нур-и-Содур“ и „Төхфә-и-Мәрдән“. Так, имеющаяся в двух наших текстах форма وانی سرای دین характерна для литературных памятников как XIV, так и XVI в.

Из встречаемых титулов $\text{اکا, مولا, شیخ, درویش, بکاج}$ видна принадлежность этих надгробий феодальной знати.

²⁵ Ш. Марджани. Мустафад ал-ахбар фй ахвали Казан вә Булгар, т. 1, стр. 27.

²⁶ Это имя часто встречается на татарских надгробиях (К. Насыри. Неизданные произведения, стр. 43), а также в литературных памятниках (Дастан Аксақ-Тимур; приводится по: С. М. Шпилевский. Древние города... , стр. 431).

²⁷ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 157.

За исключением двух — *مولا درويش* — они фигурируют у нас и на болгарских эпитафиях. Титулы эти говорят о значительном удельном весе духовенства в социальной жизни Казанского ханства, следовательно и о сильном религиозном гнете над массаами.

Несмотря на знатность происхождения некоторых покойников, памятники XV в., как указано было выше, довольно примитивны по сравнению с пышными надгробиями болгарской и татарской знати, высеченными строго в стиле своего времени (соответственно в XIV и XVI вв.). Это, очевидно, объясняется причинами социального порядка, а именно некоторой феодальной раздробленностью в начальный период существования Казанского ханства,²⁸ после распада Булгарского государства, который сопровождался перемещением основного ядра болгарского населения из Закамья в Заказанье. Здесь ныне сосредоточено преобладающее число надгробий XV—XVII вв.; кроме того, в районах севера татарского Предволжья также осела некоторая часть болгарского населения из Закамья.²⁹

Из особенностей конструкции текста надгробий XV в. следует отметить наличие в конце выражения *دار فنادين دار* *بقاءا رحلت قیلدی* и исчезновение традиционной для II стиля болгарских надгробий формулы *رحمة الله عليه [عليها] رحمة واسعة*; однако и то и другое выражения имеют место на надгробиях XIX в.

По сравнению с памятниками, приведенными в табл. 51, 52, относящимися к начальному периоду Казанского ханства, надгробие, которое мы видим на табл. 56, отличается некоторым улучшением стиля; на подобных памятниках уже появляются украшение бордюра, разделение строк надписей рельефными линиями, новый тип рельефного шрифта и конструкция текста с „аятами“ и „хадисами“, характерными для стиля памятников XVI в. Однако все еще пережиточно бытуют и врезанный шрифт, и „болгарский рельефный сульс“, и заполнение тимпана формулой *هو المحي الذي لا يموت*, характерной для болгарских надгробий.

Таким образом, среди разного типа надгробий XV в. (разнотипность эта — следствие феодальной раздробленности

²⁸ История Татарской АССР, т. I. Казань, 1955, стр. 122.

²⁹ Там же, стр. 96.

Казанского ханства в данный период), при наличии пережиточных типологических элементов болгарской эпиграфики XIII—XIV вв., мы обнаруживаем много новых черт, говорящих о формировании на рубеже XV—XVI вв. другого стиля надгробных памятников. В этом отношении, вопреки отрицанию Али Рахимом преемственной связи болгарской и татарской эпиграфики,³⁰ из приведенного материала становится вполне ясным, что надгробия XV в. сыграли связующую роль при выработке на болгарской основе значительно лучше оформленных (как мы увидим далее) эпиграфических памятников периода расцвета феодальных отношений в Казанском ханстве, которое, в свою очередь, также возникло из недр Булгарского государства, распавшегося на рубеже XIV—XV вв.³¹

Отрицание преемственной связи болгарской и татарской эпиграфики в некоторой степени, возможно, было связано и с тем, что из татарских надгробий XV в. в то время было известно только одно, конца XV в. из городища Иски-Казан. Тем не менее концепция эта была только на руку некоторым историкам буржуазно-националистического толка, пытавшимся истолковать историю Казанского ханства в отрыве от истории Булгарского государства.

Татарские надгробия первой половины XVI века

С середины XV до середины XVI в., т. е. до момента подчинения его Русскому государству, Казанское ханство существует как феодальное государство, находившееся в тесных политико-экономических отношениях с Москвой. Этот период для него характерен расцветом феодальных отношений на почве усиления феодального гнета и роста производительных сил. К этому периоду относится большая однородность в стиле надгробий (особенно в первой половине XVI в.) — выработался единый, устойчивый тип пышно оформленных намогильных плит.

Чтобы иметь представление о размере этих последних, приведем несколько примеров:

³⁰ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 148.

³¹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 417.

Толщина	Ширина	Длина
17 см	49 см	110 см
20 "	45 "	110 "
25 "	50 "	128 "
22 "	55 "	137 "
30 "	49 "	145 "
25 "	60 "	215 "

Таким образом, за исключением последнего примера, мы не видим сильного колебания в размерах надгробий.

В верхней части для этих надгробий в значительной мере характерна стрельчатая арка (табл. 58, 63, 65), но встречается и ярко выраженная килевидная (табл. 66). Пережиточно сохранилась и полукруглая арка (табл. 59).

В тимпане стрельчатой арки почти во всех памятниках, за исключением некоторых, где пережиточно все еще имеет место формула *هو المحي الذي لا يموت* (табл. 58, 59), мы видим один и тот же растительный орнаментальный мотив, встречающийся в двух вариантах, мало отличных друг от друга (табл. 62, 63 и др.). Это затейливое плетение, состоящее из сочетаний листьев и цветов-розеток (характернейший композиционный стиль в татарском народном орнаменте), завершается трилистником-тюльпаном; в центре — розетка, по обе стороны ее — продолговатые стилизованные листья, которые сходятся концами, образуя овал (рис. 12). Мы не сомневаемся, что этот широко распространенный на надгробиях орнамент составлял неотъемлемую часть архитектурной декорировки времен Казанского ханства.¹ Композиция этого „затейливого узора“ встречается и в вышивках татарских женщин.² Из болгарских вещей мы видим его на фрагментах архитектурных деталей (собрание Государственного музея ТАССР) и др. На декоративном топорике с серебряной насечкой³ также наблюдается близкий к этому орнаменту мотив. Описываемые нами надгробия очень напоминают подобного же типа намогильный памятник с указанным орнаментальным мотивом из Кала-Корейш (Дагестан).⁴

Широкое применение этот сюжет находит в среднеазиатской и азербайджанской архитектуре средневековья, например в мавзолеях Мазлум-Сулу (Миздакхан),⁵ Хусамутдина

¹ Выставка культуры народов Востока. Казань, 1920, стр. 19.

² П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент, табл. 12, 15.

³ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 112, табл. III, рис. 13.

⁴ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, табл. 33.

⁵ Фотоархив ЛОИИМК, № II-13604.

(Сыгнак, Казахстан),⁶ Туркан-Ака (Самарканд),⁷ Пир-Хусейна (Азербайджан),⁸ в облицовке медресе Улуг-Бека (XV в., Самарканд).⁹ Аналогичный же мотив украшает тимпаны многих люстровых михрабов-надгробий,¹⁰ из архитектуры которых вообще много типологических черт имеется на наших болгаро-татарских надгробных памятниках. Следует отметить довольно своеобразную и значительно лучшую трактовку

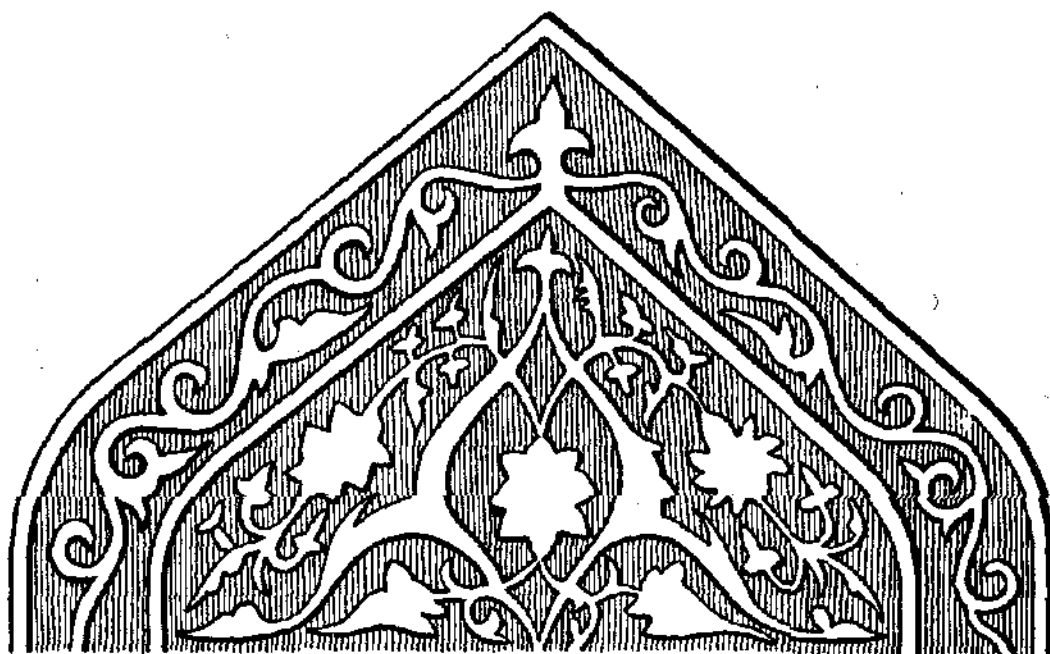

Рис. 12. Типичный орнамент в тимпане арки надгробия XVI в.

этого сюжета на упомянутых надгробиях по сравнению с вышеприведенными случаями. Так, проф. А. П. Смирнов пишет: „Растительный орнамент на круглых и фигурных блюдах повторяет трактовку аналогичных восточных сюжетов, хотя нужно отметить, что болгарские поделки отличаются не только более низким качеством работы, но и своеобразной передачей заимствованных тем“.¹¹ Нельзя здесь не отметить более позднее появление элементов этого сюжета и в русском прикладном искусстве, например на белокаменных рез-

⁶ Там же, № II-23512.

⁷ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 84, рис. 58.

⁸ В. А. Крачковская. Изразцы мавзолея Пир-Хусейна. Тбилиси, 1946, табл. XXIX, рис. 2.

⁹ Фотоархив Музея восточных культур в Москве (по списку № 250).

¹⁰ В. А. Крачковская. Изразцовый люстровый михраб Эрмитажа. Сб. „Иран“, т. 1, Л., 1927, стр. 74.

¹¹ А. П. Смирнов. Очерк по истории древних болгар, стр. 102,

ных подоконниках теремного дворца в Москве (XVII в.),¹² в иконах XVII в.¹³ и др.

Для стиля надгробий первой половины XVI в. характерно наличие орнамента на бордюре в виде растительного побега так называемой „виноградной лозы“ (табл. 62, 63 и др.) или из ряда мелких трилистников-тюльпанчиков. Иногда эти мотивы в виде орнаментальной полосы мы видим между тимпаном и текстом надписей (табл. 66, 68). Нет надобности долго останавливаться на аналогах этого повсеместно распространенного орнамента „виноградной лозы“, или „ислими“, как его называют в Средней Азии. Мотивы его в различных вариантах общеизвестны с древнейших времен в искусстве многих народов Евразии — Передней Азии, Китая, Средней Азии, славян, Кавказа и др. Он имеет место, как указано выше, и на болгарских надгробиях и других памятниках этого времени.¹⁴ Представляющий собою, как отмечает П. М. Дульский, „спиралевидные завитки растительного характера, бегущие непрерывной каймой по всему краю и увенчанные в верхвей своей части в середине плиты цветком тюльпана“,¹⁵ орнамент этот на рассматриваемых памятниках встречается в различных вариантах. Нужно признать, что сюжет „виноградной лозы“ на ранних надгробиях (XIII—XIV вв.), а также в XV в. дается более реалистично и сочно (табл. 7, 10, 56), в некоторых же случаях со значительной стилизацией (табл. 4).

Другой вариант бордюрного украшения — это кайма, состоящая из непрерывного ряда мелких трилистников-тюльпанчиков. Вот описание, данное Н. Ф. Калининым: „Это стилизованное изображение цветка (тюльпана, колокольчика, лилии и т. п.) или листа растения, обыкновенно трехчастной формы. Средняя часть — овальный или килевидно заостряющийся лепесток; на боках — два симметрично расположенных лепестка с заостренными концами, изгибающимися то кверху, то книзу“.¹⁶ Часто такой большого размера тюльпан бывает высечен на обратной стороне памятника или же на лицевой стороне детских надгробий.

Этот вид орнамента, весьма распространенный на Востоке, характерен и для архитектурного декора Золотой Орды.¹⁷

¹² И. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948, стр. 58, рис. 28.

¹³ Орнаменты древнерусского искусства, вып. III. Изд. К. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева, М., 1916, табл. XIII, рис. 93.

¹⁴ Н. Ф. Калинин. Болгарское искусство в металле, стр. 8.

¹⁵ П. Дульский. Несколько слов... , стр. 23.

¹⁶ Н. Ф. Калинин. Болгарское искусство в металле, стр. 8.

¹⁷ П. Дульский. Несколько слов... , стр. 25.

Почти идентичный нашей бордюрной кайме из мелких трилистников-тюльпанчиков „многолопастноарочный орнамент“ мы обнаруживаем на произведениях искусства Азербайджана, Дагестана,¹⁸ Средней Азии, — например, на портале мавзолея Туглу-Текина (XIV в.) из Шах-и-Зинда,¹⁹ в орнаментации трона бухарского эмира,²⁰ на мусульманских миниатюрах.²¹

Отмечая широкое применение этого узора в древнерусском прикладном искусстве, проф. А. П. Смирнов наличие его у болгар склонен отнести за счет влияния Руси.²² Проф. Н. И. Воробьев, считая растительный орнамент у казанских татар ныне преобладающей формой, связывает его с болгарским наследием. „Растительный орнамент в виде волнистой линии с завитками, — пишет он, — а также с тюльпанами и розеткой в виде ромашки широко распространен на могильных камнях, начиная с наиболее древних и кончая XVII—XVIII вв. Все это говорит, с одной стороны, о непосредственной преемственности татарского орнамента от древнеместных форм, а с другой — о наличии очень старых степных традиций“.²³

Характерная черта надгробий XVI в. — это надпись на боковых сторонах, состоящая из известного стиха, обычно помещаемого в рамочке на двух сторонах на арабском и татарском языках.

ارض الدنيا حربا بعتبارى
 فلا يبقى مداما بالقرارى
 كوره رمن دنياى ويران بارى
 هميشه باقى ايرمسى يوق قرارى

„Вижу мир развалиной по существу, не останется он продолжительно в покое“.²⁴

¹⁸ А. С. Башкиров. Искусство Дагестана, табл. 65.

¹⁹ Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 155, рис. 147.

²⁰ Альбом „Древний Термез“ (в фондах Музея восточных культур в Москве, № 2814-II-772).

²¹ Б. Денике. Искусство Востока. Казань, 1923, табл. 1.

²² А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских болгар. Ист. археолог. сборник Научно-исслед. инст. краеведч. и муз. работы, М., 1948, стр. 108.

²³ Н. И. Воробьев. Происхождение казанских татар. . . , стр. 75.

²⁴ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 151.

Этот мистического характера стих (табл. 69), имевший место и на болгарских эпитафиях (см. стр. 124), впоследствии прослеживается и на памятниках второй половины XVII в. как на территории Татарии, так и Башкирии.

На обратной стороне памятника надпись носит характер штампа-клейма лица, установившего данный памятник, т. е. родственника покойника — жены, сына, брата и др., причем штамп этот нередко бывает увенчан довольно большого размера тюльпаном-трилистником (табл. 67). Часто рельефная надпись эта помещается в разделенном горизонтально пополам круге, вписанном в ромб, который в свою очередь вписан в резной прямоугольник; все пространство вне круга заполнено резным стилизованным растительным орнаментом. Иногда надпись в виде полоски занимает центральную часть круга. Аналогичный штамп бывает и на поздних татарских надгробиях, например на казанском кладбище. Иногда рельефный орнамент носит форму сетки с наложенными на нее рельефными кругами. Мотив этого последнего варианта очень напоминает орнамент облицовки карниза мавзолея Неджм-эд-дина Кубра (XIV в., Куня-Ургенч).²⁵ Аналог нашим штампам имеется на надгробии кладбища Кырклар в Дербенте.²⁶

Редкий вариант орнаментации обратной стороны памятника видим на плите из с. Ср. Аты Арского р-на (рис. 13), где выразительно высеченная рельефная шестилепестковая розетка вписана в круг, помещенный в квадрате. Подобный случай украшения обратной стороны розеткой мы имеем также и на болгарском надгробии из с. Тат. Азелей Нурлатского р-на (рис. 7).

В палеографическом отношении на этих памятниках мы наблюдаем некоторое обновление почерка, начавшееся, как мы указали выше, еще с конца XV в. Своеобразный рельефный почерк сульс болгарских надгробий I стиля сменяется более стройным рельефным шрифтом, который также нельзя назвать выдержанным в нормах какого-либо одного письма. Наряду с элементами насха в нем есть и черты сульса. В целом изменение это скорее, по-видимому, связано с общей эволюцией арабского письма в мусульманских странах и поздним его отражением в пределах далекого Среднего Поволжья. Так, в качестве аналога этого почерка можно указать надпись XIV в. с кладбища Кырклар в Дербенте,²⁷ строительную

²⁵ Фотоархив ЛОИИМК, № А-9608.

²⁶ Б. А. Дорн. Атлас к путешествию. СПб., 1895, табл. III, 2.

²⁷ Там же, табл. II.

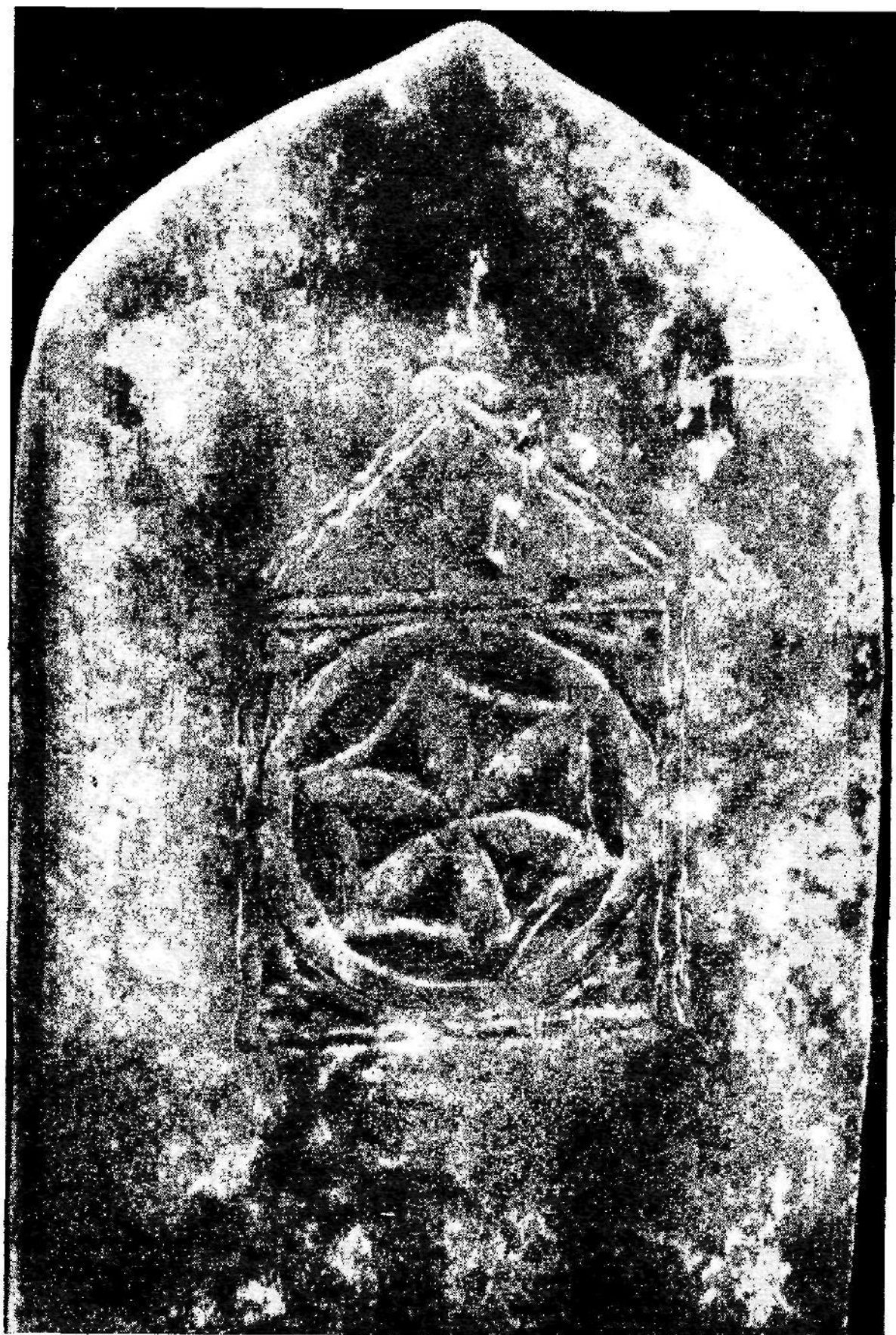

Рис. 13. Орнамент на обратной стороне памятника XVI в. из с. Ср. Аты Арского р-на ТАССР.

надпись на архитектурном памятнике в Баку (XIV в.),²⁸ надгробную надпись в мавзолее Тимура „Гур-и-Эмир“²⁹ и др.

Очень характерно для некоторых наших памятников постепенное уменьшение шрифта в размере (на одном и том же памятнике) к концу текста.

В большинстве случаев шрифт надписей — невысокие рельефные знаки, которые, накладываясь друг на друга, составляют иногда сложную арабскую вязь. Однако встречается и шрифт с некоторым удлинением стволов (при значительной толщине), напоминающий в некоторой степени строительные надписи Средней Азии. Наряду с господством рельефного шрифта все еще наблюдается и наличие пережиточно бытующего врезанного шрифта. Это мы видим на памятнике из с. Ямашурма Высокогорского р-на ТАССР, где чрезвычайно мелко и примитивно процарапанная надпись трудно поддается чтению. К тому же памятник по своему простому оформлению резко отличается от остальных плит этого времени и дает право предполагать малосостоятельность его обладателя. Своеобразен врезанный почерк памятника из с. Ниж. Верески (табл. 64). Среди этих надписей несколько выделяется почерком рельефная надпись на памятнике из с. Чемерцы Арского р-на ТАССР, которая отчасти напоминает криво высеченными стволами букв почерк болгарских надписей I стиля.

Для ознакомления с языком надгробий первой половины XVI в. характерны тексты надгробия из с. Епанчино Лаишевского р-на (табл. 60), из с. Молвино Нурлатского р-на, размером $20 \times 50 \times 115$ см (табл. 62), из с. Чемерцы Арского р-на, размером $21 \times 45 \times 140$ см (текст 6), из с. Чемерцы Арского р-на, размером $20 \times 45 \times 130$ см (текст 5) и из с. Ниж. Метески Арского р-на ТАССР, размером $22 \times 55 \times 137$ см (текст 8).

Язык этих памятников с его архаизмами вроде *توحوز* вместо *توقوز* (табл. 60) не отличается от языка литературных памятников первой половины XVI в. (ярлык Сахиб-Гирея, „Нур-и-Содур“ и „Тохфа-и-Мардан“) и очень немногим отличается от современного татарского языка. Например, в фонетическом отношении резко бросается в глаза преобладание глухих *ژ* вместо *د* (*تورت* вместо *دورت*), *ق* вместо *ع* (*توقوز* вместо *توعز*) и др.

²⁸ Фотоархив ЛОИИМК, № 1-1421.

²⁹ А. А. Семенов. Надписи на надгробиях..., Эпигр. Востока, II, стр. 49—62, рис. 1 и 2; III, стр. 45—54, рис. 1, 2, 5.

всего будет титул *ақ* (اق) понимать как „великий“; в этом смысле он употреблялся у древних тюрок, из чего исходит и *ага* (عا) ‘старший’; имеет место как на болгарских, так и на надгробиях позднего времени).

На двух памятниках села Чемерцы Арского р-на упоминаются имена и титулы двух знатных духовных лиц.

مرعلی اق سید اوعلی علی مردان اق سید یکرمی التی یاشندرا

‘Мир-‘Али ақ-сайида сын ‘Али-Мардан ақ-сайид двадцати шести лет’; в данном случае не возникает сомнения, что *ақ-сайид* ‘اق سید’ является титулом.

مرعلی اوستاذ اوعلی شاه مردان اوستاذ Мир-‘Али устаза сын Шах-и-Мәрдән устаз; на языке казанских татар *ауستاذ* (*устаз*)

ранее понималось как „высший духовный учитель“, „наставник“. Из приведенных данных, кажется, является очевидной принадлежность этих двух титулов — *ақ-сайид* (اق سید) и *ауستاذ* (*устаз*) одному и тому же лицу Мир-‘Алию, отсюда и тождественность этих понятий. Поэтому понимание эпитета *ақ* (ақ) в смысле „светлейший“, „ясновельможный“ или „великий“ вполне уместно при отнесении его в данном случае к высшему духовному сану. Этот пример говорит о том, что древнейшие социальные термины, хотя бы и несколько видоизмененные, бытуют в том же смысле и в позднейшие времена. Мы этим ограничимся в рассмотрении социальной терминологии времени Казанского ханства, вопросы социально-политической структуры которого более подробно освещены в труде Ш. Ф. Мухамедьярова.³² Однако отметим (хотя бы как редкое явление) наличие на памятнике из дер. М. Атия Тукаевского р-на³³ такого термина, как название одной родоплеменной организации башкир — *табын* (يابنجى تابىن) *йāбынчы тāбын Ақ-Бүләд*). Это чрезвычайно интересно и в свете этнической взаимосвязи казанских татар и башкир, тем более в тех районах, где распространен „зокаю-

³² Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV и первая половина XVI в.). М., 1950, стр. 6—8. (Автореферат канд. диссертации).

³³ Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 160.

щий“ говор и геометрический орнамент в старинном домашнем тканье, очень характерном для башкир. Кажется, что в данном случае мы имеем дело с башкирским элементом в этнической истории здешних татар, берущим, быть может, начало в те времена, когда в этих местах оседало военное сословие башкир в пору подчинения их Казанскому ханству. Термин *یا نجی* (*йабынчы*), созвучный с личным именем *Йапанчи-мирза* / *Епанчино*,³⁴ также вызывает интерес с точки зрения титула.

Преобладающее место среди имен занимают имена тюркского происхождения: мужские — *باتناش* (*Йātнāш*), *ادیکای* (*Идiгāй*), *چیش* (*Чытыш*), *شودک* (*Шудāk*), *اق بولاد* (*Ақ-Булād*), *قوناق* (*Туктāш*), *توقتاش* (*Туктāш*), *چورا* (*Чурā*), *مماي عل* (*Мамāй-Гул*), *جوان بابای* (*Жуан-Бабай*), *جوان بابای* (*Жуан-Бабай*), *بوزناق* (*Бузнāк*), *توعاش* (*Тугāш*), *نگری بردی* (*Тангрi-Бирдi*) и др.; женские — *نورز سلطان* (*Нāуруз-Султāн*), *اق بیکاج* (*Ақ-Бiкāч*), *اباق* (*Абāк*) и др. Есть среди них арабско-персидские и смешанные: *علی* (*Али*), *شاه علی* (*Шах-‘Али*), *بختی* (*Бахтi*), *علی حان* (*‘Али-Хāн*), *امان حوجا* (*Амāн-Ходжā*), *نجیم* (*Наджiм*), *دایم* (*Дāйiм*), *توکل* (*Тāvāккāl*) и др.

Из приведенных типологических данных для татарских надгробий XV и первой половины XVI в. мы видели постепенное зарождение нового типа эпиграфических памятников XVI в. Процесс этот протекает с некоторыми изменениями болгарской основы, наслаиванием на нее новых элементов, отнюдь не повторяя болгарскую эпиграфику. От более простых образцов (памятники, приведенные в табл. 51, 52) путь этот, по мере накопления новых элементов, ведет к выработке в первой половине XVI в. нового типа надгробий на базе тесной преемственной связи с эпиграфикой XIV в. Наконец, своего рода преемственной связью является и множество случаев нахождения на одном и том же кладбище эпиграфических памятников XIV, XV, XVII вв. (в селах Измя Сабинского р-на, Б. Нырсы и Кибя-Кози Тюлячинского р-на, Тат. Азелей Нурлатского р-на, Ст. Кишит Тукаевского р-на и др.). Это тем более важно подчеркнуть, что ранее у татар существовал строгий запрет хоронить на данном кладбище кого бы то ни было из посторонних, хотя бы и мусульман (приезжих,

³⁴ Название села в Лаишевском р-не ТАССР.

путников), умерших в данной местности. Их всегда хоронили вне кладбища того населенного пункта, где их постигла смерть. Эти факты говорят о наследственной принадлежности татарам этих кладбищ с древнейших, болгарских времен.

Татарские надгробия второй половины XVI и первой половины XVII века

С начала второй половины XVI в. в административно-политическом отношении территория бывшего Казанского ханства была подчинена Русскому государству. Объективно факт этот в истории расценивается как прогрессивное явление, ибо с этой поры народы Среднего Поволжья вошли в тесное соприкосновение с Русским государством при значительном превосходстве его в культурно-экономическом отношении над Казанским ханством.¹ При агрессивном курсе внешней политики тогдашней султанской Турции с ее социально-экономической и культурной отсталостью подчинение Казанского ханства Русскому государству явилось фактом большой политической важности в деле централизации страны, причем руководящая роль принадлежала русскому народу. „В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию“, — писал И. В. Сталин.²

Несмотря на коренное изменение политического устройства страны, мы в типологическом отношении (не говоря уже о языке) в стиле эпиграфических памятников этого периода не видим существенных изменений, если не считать сокращения количества их, возможно, связанного с проводившейся тогда русификаторской политикой.³ В основном стиль памятника остается тем же, какой мы видели в первой половине XVI в., за исключением некоторых незначительных новых особенностей.

Во-первых, судя по ряду образцов, наметилась тенденция к увеличению ширины памятников (60—70 см).

Во-вторых, форма арки исключительно килевидная (табл. 72), напоминающая мотив в русской архитектуре того времени (например, на некоторых башнях московского Кремля). Под аркой остался тот же „затейливый растительный узор“, что был на памятниках первой половины XVI в.

¹ История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 148.

² И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939, стр. 17.

³ История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 153—154.

В-третьих, на бордюре всех памятников этого времени, вместо непрерывно вьющейся „виноградной лозы“, имеется растительный орнамент подобного же типа, но с очень крутыми изгибами стебля и значительно уменьшенный за счет включения в композицию других элементов, в частности розетки. Заключенный в овальную рамочку, этот мотив повторяется на бордюре каждой стороны памятника от трех до шести раз, перемежаясь с крестообразной розеткой, также обрамленной рамочкой (табл. 71, 72). Очень близкие аналоги к такому сюжету мы находим в архитектурных украшениях Средней Азии (мавзолей Тимура „Гур-и-Эмир“, гробница Хаким-Ата⁴ и др.). На обратной и боковых сторонах памятника надписи точно такого же характера, что и на надгробиях первой половины XVI в.

Чтобы представить себе язык памятников этого периода, обратимся к тексту надгробия из села Ниж. Метески Арского р-на ТАССР, размером 19 × 56 × 140 см, исполненного рельефным шрифтом (табл. 72).

В текстах памятников — тот же язык, тот же почерк и почти те же типологические элементы, что и на памятниках первой половины XVI в.; следовательно, несмотря на значительные изменения в политическом устройстве края, в стиле надгробий этого периода мы существенных качественных изменений не обнаруживаем.

Татарские надгробия второй половины XVII века

Экономика Казанского края XVII в. значительно выросла, по сравнению с прошлым. Явно сказалось приобщение края к экономике Русского государства, несмотря на сильный феодальный гнет сельское хозяйство края развивалось: повысилась сельскохозяйственная техника, „трехпольная система землепользования стала господствующей в нерусских деревнях“.¹

Развивались также ремесла, горно-заводская промышленность (выплавка меди), торговля и пр. Все это обуславливало и значительный экономический рост самой Казани.²

Период после крестьянской войны XVII в. характеризуется усилением феодального гнета, что привело в свою очередь к еще большему обострению классовых противоречий.³

⁴ Альбом „Древний Термез“ (в фондах Музея восточных культур в Москве, № 954-II).

¹ История Татарской АССР, т. 1. Казань, 1955, стр. 170.

² Там же, стр. 171.

³ Там же, стр. 175—176.

Наконец, следует упомянуть усиление руссификаторской политики, проводившейся по отношению к нерусскому населению. Все это в конечном итоге вылилось в целый ряд восстаний крестьян во второй половине XVII в. против помещиков и царского правительства (башкирские восстания, крестьянская война под руководством С. Разина, в которой принимало участие и население Казанского края, и другие волнения), которые впоследствии были жестоко подавлены.

Именно этими историческими событиями мы склонны объяснить падение стиля (в качественном отношении) татарских надгробий этого периода и появление вместо описанных выше стильных надгробий XVI и первой половины XVII в. памятников, значительно упрощенных типологически. Численно их также немного.

Размеры надгробий

Толщина	Ширина	Длина
16 см	47 см	90 см
20 "	40 "	100 "
14.5 "	45 "	115 "
16 "	40 "	100 "

Таким образом, отмечается уменьшение размеров надгробий, особенно их длины.

Не очень выразительно отделаны формы арок надгробий, преимущественно стрельчатых, но в редких случаях и полукруглых (собрание Государственного музея ТАССР). Под аркой почти всегда — традиционный сильно стилизованный растительный врезанный орнамент с двумя бутонами посередине (табл. 73, 74). Мотив этот несколько напоминает орнамент на болгарском надгробии с Булгарского городища (табл. 6). Только в одном случае — на памятнике из с. Именьково Лаишевского р-на — видим довольно сложный растительный орнамент, исполненный рельефно.

На бордюре, кроме рельефной полосы вокруг всей надписи, никакого орнамента нет. Интересно наличие на бордюре трех памятников подписи писца-резчика: в одном случае محمد اتمان *Мухаммед сын Асмана*; у второго и у третьего имя самого резчика не прочитывается, однако отец его тот же Асман (Ашман?). На боковых и обратной сторонах надгробий надписей не имеется.

Как палеографически, так и по содержанию текста памятники эти очень сходны между собой и представляют единый стиль. Рельефно исполненный почерк надписей очень прост

и по начертанию близок к скорописи. По сравнению с предшествующим он нестроен, очень мелок, отчего и ширина строк (числом 6—8), разграниченных рельефными полосками, не превышает 5—6 см. Поэтому при малейшей поврежденности надпись с трудом поддается чтению.

Интересен факт наличия этого стиля надгробий одновременно и в Башкирии, особенно в западных районах, при отсутствии там до сих пор памятников XV и XVI вв. (табл. 74).⁴ По-видимому, это объясняется таким общеизвестным историческим явлением, как переселение сюда некоторой части татарского населения с территории современной ТАССР. Самый восточный пункт распространения этого типа памятников расположен в 3 км к востоку от дер. Шигаево Белорецкого р-на БАССР.

В языковом отношении типичными для этих памятников являются тексты надгробия, исполненного рельефным шрифтом, из Арского р-на ТАССР (табл. 73), надгробия из с. Чишмы (табл. 74) и еще одного надгробия, негатив которого хранится в Госмузее ТАССР (см. текст 11).

Как видно из конструкции текста, здесь опять встречаются повторения характерной для болгарских эпитафий формулы *هو الحى الذى لا يموت*, после чего идут „аяты“ и „хадисы“, как и на памятниках XVI и первой половины XVII в. Близкий к современному татарскому языку стиль этих надписей также не лишен архаизмов. Такова, например, форма *دير لار ايردى*, характерная для древних литературных памятников.

* * *

Этим мы завершаем обзор болгаро-татарских надгробных памятников XIII—XVII вв., на материале которых достаточно ярко выступает преемственная связь в типологии стилей хронологической лестницы нашей классификации. Продолжение этой связи мы наблюдаем, как было сказано выше, и на материале татарских надгробий XVIII и XIX вв. (что не входит в рамки данной работы) — в форме арок, размерах, украшениях бордюра, в конструкции текста и даже в почерке (см. снимки: табл. 75—77).

Выше мы проследили преемственную связь между языками болгарских надгробий I и II стилей и современным казанско-

⁴ Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники. . . .

татарским языком, с его множеством древних диалектальных пережитков.

В процессе исследования материала, особенно орнаментального, мы отмечаем большое значение этих памятников и в деле выяснения культурных взаимоотношений болгар, а впоследствии и казанских татар с народами Средней Азии, Кавказа, с одной стороны, и русскими, с другой. В отдельных случаях — например, в вопросе о треугольном орнаменте — материалы надгробий, дополняя археологические данные, позволяют сделать убедительные выводы относительно путей появления в Восточной Европе орнаментов и показать при этом связующую роль болгарской земли.

В процессе культурных связей на почве тесных экономических отношений с другими странами болгарская культура по-своему творчески перерабатывает элементы, привнесенные извне: из Средней Азии, Руси и Закавказья. Так, говоря об архитектуре, проф. А. П. Смирнов отмечает: „Болгарская архитектура XIV в. представляет переработку искусства Закавказья и Средней Азии“.⁵ Тот же А. П. Смирнов в своем труде „Русский элемент в культуре волжских болгар“ отмечает в целом ряде вещей ремесленного производства болгар (особенно ювелирного) значительные следы русского влияния.⁶ Подобные свидетельства мы можем найти и в ряде других источников.⁷ Нельзя в то же время не видеть и обратного — болгарского влияния на русскую культуру, которое доказывает обилие восточных товаров, главным образом предметов роскоши, поступавших на Русь из Волжской Булгарии.⁸

Следы этого влияния нетрудно заметить и в орнаментальных сюжетах надгробий XV и XVI вв., к которым мы находим хронологически поздние русские аналоги. Об этом же говорят и сведения об участии болгарских мастеров в строительстве русских архитектурных сооружений. „Все это неизбежно привело к появлению в болгарской культуре черт, свойственных русским, а в русской — болгарских“, — делает заключение А. П. Смирнов.⁹

⁵ А. П. Смирнов. Волжские болгары, стр. 144.

⁶ А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских болгар, стр. 100.

⁷ История культуры Древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 529; И. Ю. Крачковский. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 78.

⁸ А. П. Смирнов. Русский элемент в культуре волжских болгар, стр. 95.

⁹ Там же, стр. 97.

Таким образом, в процессе общественно-экономического развития и творческой переработки культурных заимствований сложились и рассмотренные нами стили болгаро-татарских надгробий XIII—XIV, XV, XVI и XVII вв., которые в рассмотренных формах характерны только для Среднего Поволжья, Прикамья и Прибелья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение болгаро-татарских эпиграфических памятников показывает преемственную связь между ними, прослеживаемую как в типологическом и языковом отношениях, так и в их географическом распространении и топографии.

1. Сменившие друг друга почти на одной и той же территории феодальные государственные образования — Волжская Булгария и Казанское ханство — оставили надгробные надписи, последовательно принадлежавшие этим эпохам, т. е. датированные XIII—XIV вв., с одной стороны, и XV—XVI, а также XVII в., с другой.

2. О принадлежности этих памятников одному и тому же народу, имеющему в основном единый корень, говорит наличие на одном и том же кладбище памятников различных хронологических эпох — XIII—XIV, XV, XVI и XVII вв.

3. Наличие на функционирующих ныне татарских кладбищах надгробий XIV, XV, XVI и XVII вв., при старинном строгом запрете у татар хоронить на данном кладбище посторонних покойников — татар-мусульман из других мест, умерших здесь случайно, — несомненно говорит о генетической, преемственной связи населения этих сел с древнейшими насельниками края — булгарами.

4. Существование двух стилей болгарских эпиграфических памятников, исполненных на двух языках, говорит о таком языковом явлении, как смена древнебулгарского языка ново-булгарским в силу социально-исторических и этнических факторов.

5. Эта смена языков впоследствии определила зарождение современного казанско-татарского языка, в который воплотился древнебулгарский язык, во многих случаях ныне обнаруживающийся у татар как диалектальный пережиток.

6. Имеющее место ныне у казанских татар искажение арабско-мусульманских имен исходит из неосознанного подражания болгарским именам, встречающимся на эпитафиях.

7. Типологические элементы I и II стилей болгарских надгробий в процессе смены политического устройства края легли в основу нового стиля надгробий последующей эпохи — времени расцвета Казанского ханства (XVI в.). Органически связующую роль в возникновении этого стиля сыграли памятники XV в.

8. В оформлении позднейших татарских надгробий (XVIII, XIX и начала XX в.) ярко проявляются типологические мотивы древних стилей, вплоть до болгарских.

9. Булгаро-татарские кладбища и надгробные памятники являются предметом религиозного почитания со стороны казанских татар, носившего ранее форму паломничества даже из далеких мест.

10. Сохранившиеся в крае древнейшие надгробия XIII—XIV вв. принадлежали только народу, называвшемуся волжскими булгарами, что видно из неоднократного повторения данного этнонима в надписях этих надгробий.

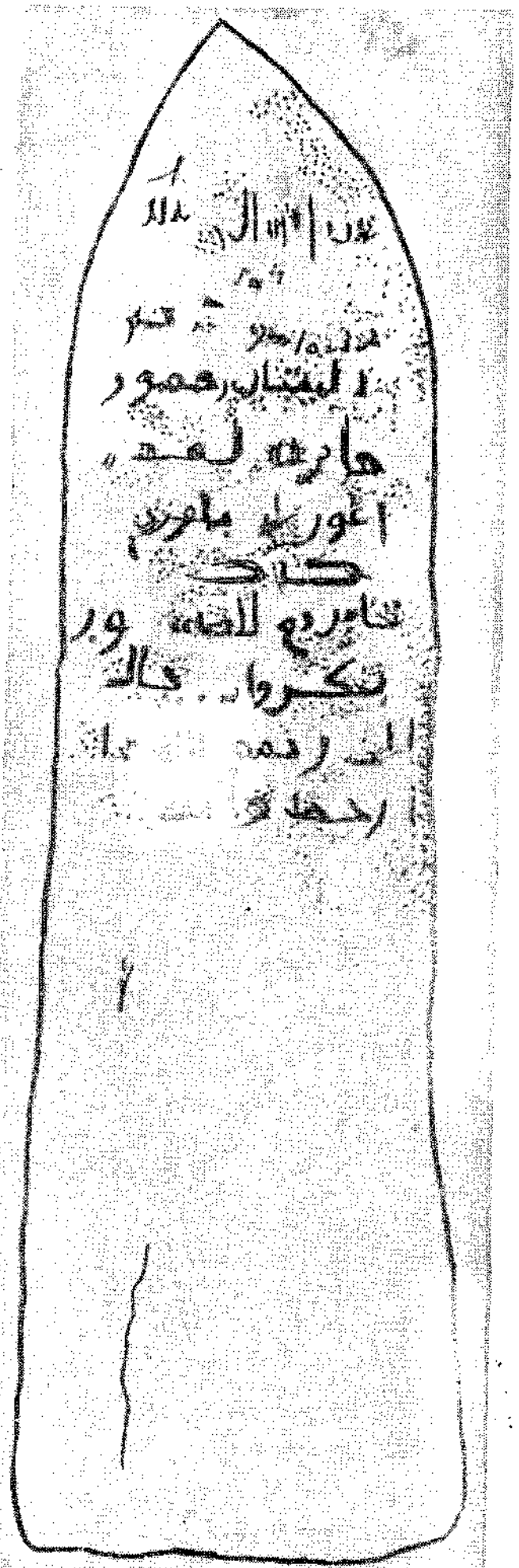
11. Наличие в Башкирии ранних и поздних памятников булгар свидетельствует об исконности здесь болгарского населения, так же как и на территории ТАССР.

12. Булгары Башкирии, смешавшись с башкирами, составили бюлярский и байлярский роды их, а в результате смешения с мадьярами возникла особая группа мишарей аборигенного происхождения (Западная Башкирия).

Подводя итог всему этому, считаем нужным сказать, что в этой работе мы не ставили своей задачей описание всех известных памятников, что невозможно без охвата их специальными эпиграфическими исследованиями как на территории ТАССР, так и вне ее пределов. Надо надеяться, что дальнейшее изучение их подтвердит наши выводы.

Являясь одним из выразительных памятников культуры булгар и казанских татар в силу своих языковых, орнаментальных, палеографических и других особенностей, эпиграфические памятники заслуживают более полного изучения. Это тем более необходимо при наличии большой территории, еще не изученной в этом отношении. Значительное число неисследованных эпитафий позволяет надеяться, что в будущем на эпиграфическом материале удастся еще больше расширить и углубить наши сведения об истории Волжско-Камского края, известной нам в настоящее время преимущественно из исторических и археологических источников.

Памятник из с. Русский
Урмат Высокогорского р-на
ТАССР.

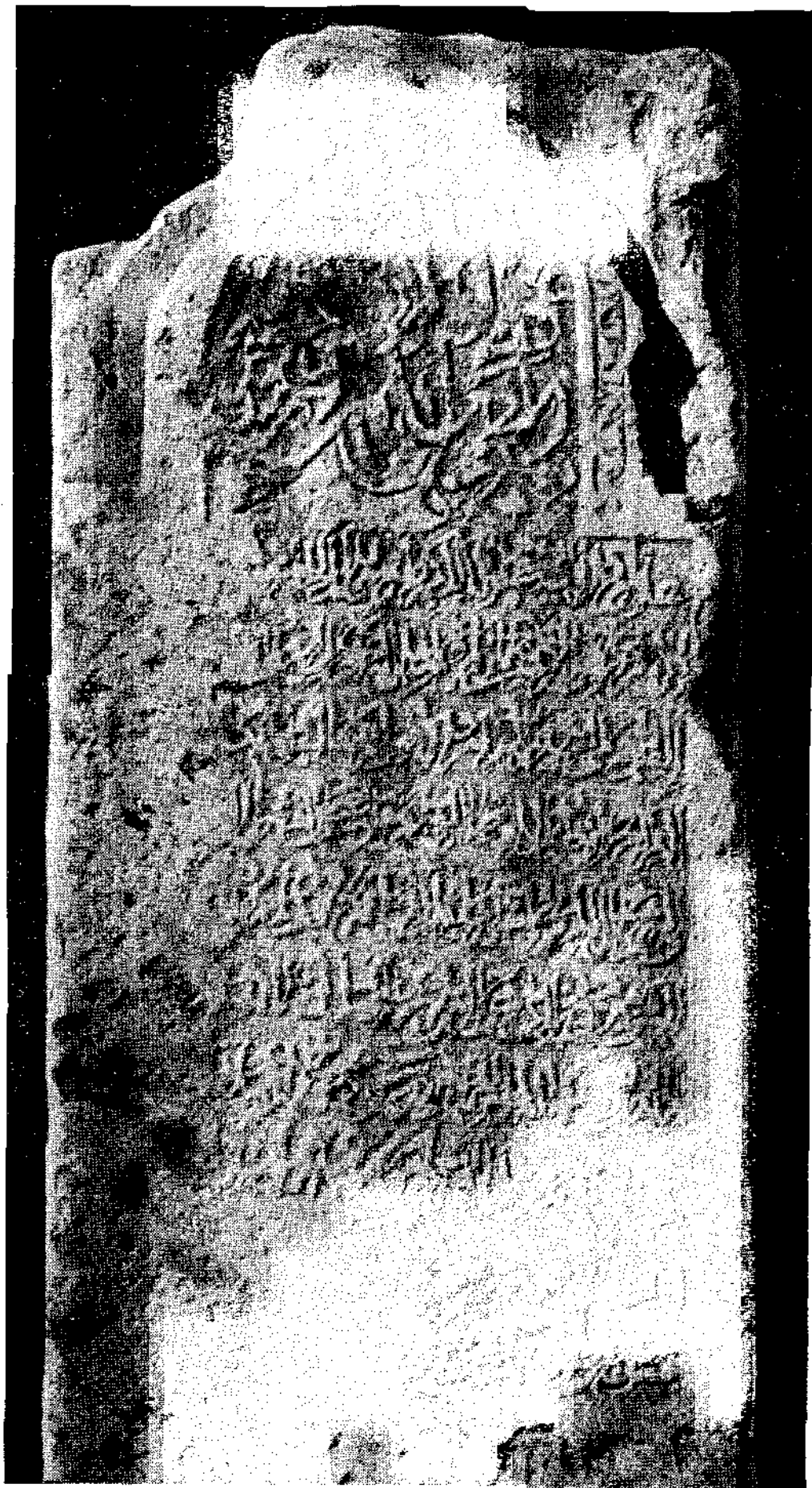
17 × 35 × 145 см.

1. [بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ]
2. [ثم]
3. الينا ترجعون
4. حا اول
5. بلوى
6. كك
7. تاريخ الط[ج]ور
8. سكر وان جال
9. اذ رحمة الله [عليه]
10. رحمة واسعة

Дата: 1281/82 г.

- „1. [Именем бога милостивого, милосердного]
2. [после вы]
3. вернетесь к нам.
4. сын
5. памят-
6. ник
7. по летосчислению шесть[с]от
8. восьмидесятом году
9. было. Да будет милость бога [над ним]
10. милостью об[ширною]“.

Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. . . . , стр. 99, рис. 29 (чтение не дано).

Памятник из б. Архиерейской дачи близ Казани
(Государственный музей ТАССР).

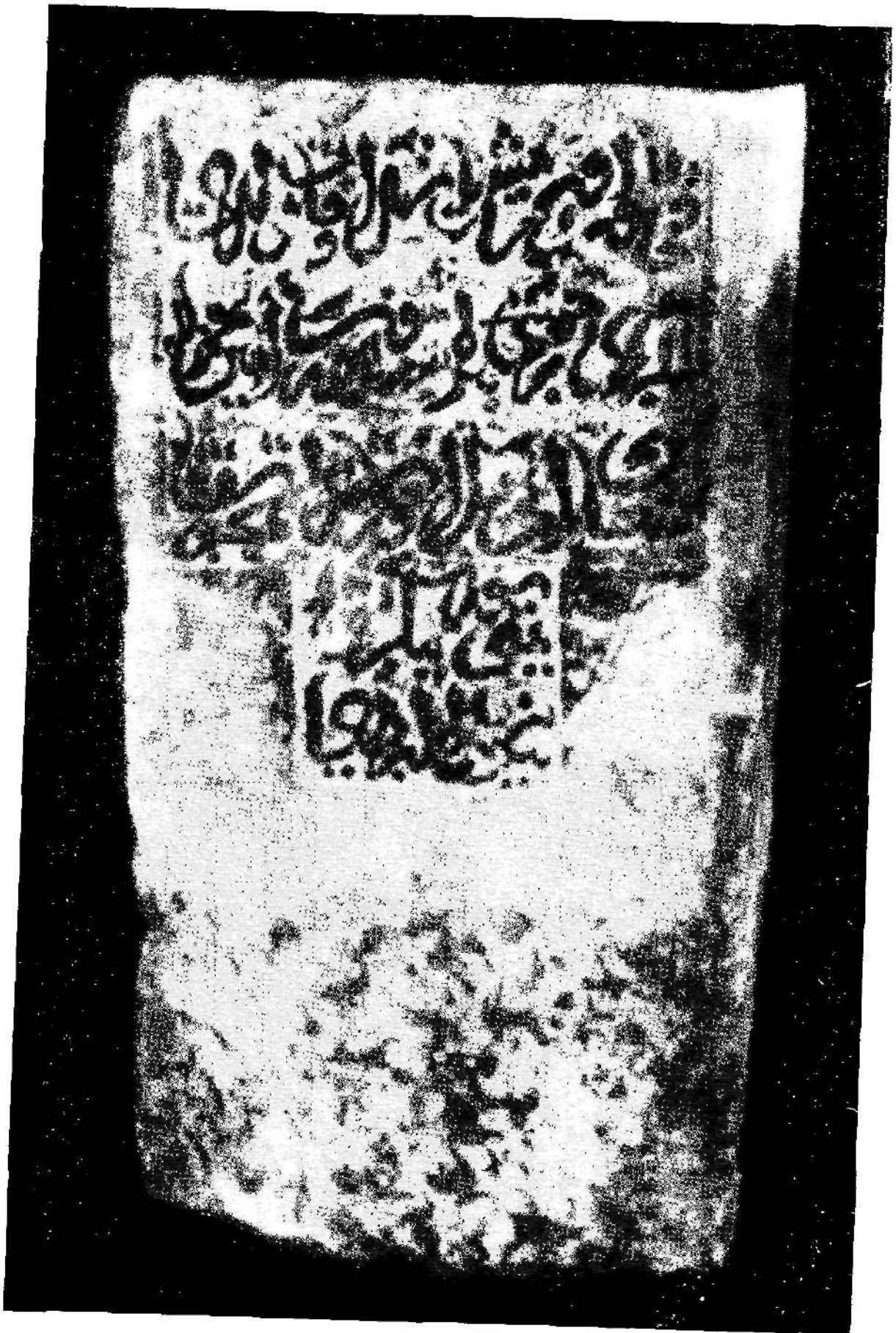
38—40 × 92—96 × 350 см.

1. هوالحى الذى لا يموت [وكل حى سيموت]
2. هذا مرقد السلطان الاكبر الاكرام عوث السلا طيم:
3. الامير لمكرام
4. المظفر
5. الكرام والاجاليل العظام العلم
6. الى المظفر
7. الشرفين مفخر ال
8. والدين ظ الله العالمين
9. حسن بك بن مير محمود

Дата: предположительно конец XIII в.

- „1. Он живой, который не умирает [все живущее умрет].
2. Это место погребения великого и знатного повелителя, помощника повелителей
3. эмира чтимого
4. победоносного
5. почтенных и великих, знамени
6. к победоносному
7. двух почестей гордости рода
8. и веры, тени господ мира
9. Хасан-бек сын Мир-Махмуда“.

С. М. Шпилевский. Древние города . . . , стр. 475—477 (чтение не дано); Ш. Марджани. Мустāфād ал-ахбār фī ахвālī Казāнь вә Булгār, стр. 28; Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском камне . . . стр. 94—95 (чтение не дано). — Здесь приводится чтение Ш. Марджани

Памятник, находящийся в Государственном музее ТАССР; место находки не известно.

58 × 107 см.

1. حاتون اوتز بيش ياشندا وفات بولدى
2. تكري رحمتى برلا سوندرسن امين
3. شعبان ايبى [اون بيشندا] هجرتدا (?)
4. يتى يوز بىكرمى
5. سكىزدا اردى

Дата: 1328 г., 6 июня.

ног. 1293

- „1. хātūн, тридцати пяти лет умерла.
2. Да обрадует ее бог своей милостью. Аминь.
3. Ша'бāна месяца [пятнадцатого дня], по хиджре
4. в семьсот двадцать
5. восьмом году было“.

Памятник из с. Большие Атрясы Апастовского р-на ТАССР.
47 x 120 см.

1. هُوَ الْحَيُّ الَّذِي لَا يَمُوتُ
2. وَكُلُّ حَيٍّ سَيَمُوتُ
3. رَمَضَانَ هِيرِ سَيْتَ بِلْوَى
4. كُ رَحْمَةً اللّٰهُ عَلَيْهَا
5. رَحْمَةً وَاسِعَةً
6. دُنْيَا رَانَ سَقَرَ
7. طَنْرُوي نَارِيحِ جِيَا
8. تِ جُورُ وُجْمِ جَا
9. لِ لِحِ الدَّوْتِ بَابِ
10. وَكُلِّ النَّاسِ دَاخِلِهِ
11. رِبْعِ الْأَوَّلِ اِيحِ
12. اِشْنِ اِرْتَاخُو

Дата: 1303 г.

1. Он живой, который не умирает,
2. все живущее умрет.
3. Рамазана дочь Сайта, (ее) память-
4. ник. Да будет над ней милость бога
5. милостью обширною.
6. Из мира пересели-
7. лась по летосчислению в семь-
8. сот третьем году.
9. Смерть есть дверь,
10. и все люди войдут в нее.
11. В месяц раби-I
12.“

Рукопись № 5651 (без автора) в Отделе восточных рукописей и редких книг библиотеки Казанского университета; А. Б. Булатов. Намогильные памятники правобережья Волги.

Памятник, найденный у городища близ с. Тат. Кирмени Мамандышского р-на ТАССР (Кирменское городище).

19 × 49 × 90 см.

1. الحكم لله العلى
2. الكبير كل نفس
3. ذايقة الموة ثم [الينا] تر[جعون]
4. زهرش هير بلو
5. ي ك و ا ف اة ب ل ط و ي ت ا ر ي ع ج ي ا
6. ت ج و ر و ط ر ج ي ا ت ش ج ا [ل]
7. رمضا [ن ا ي ع] ب ا م ح ك و ا ن
8. رحمة واسعة

Дата: 1336 г., 10 марта.

- „1. Верховный суд принадлежит богу всевышнему,
2. великому. Всякая душа
3. вкусит смерть; после (вы) [вернетесь к нам].
4. Захраша дочь , (ее) память-
5. ник. Скончалась по летосчислению в семь-
6. сот тридцать седьмом году,
7. рамазана [месяца] пятого дня
8. милостью обширную“.

Е. Т. Соловьев. О могильных памятниках близ села Русск. Кирмени в Мамадышском уезде Каз. губ. Труды IV археолог. съезда, т. 1, Казань, 1884, стр. XLI—XLII (чтение не дано); Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях. . . , стр. 12—13 (чтение не дано); Альбом болгаро-татарской эпиграфики, № 58 (в библиотеке КФАН СССР).

Памятник, найденный у Кирменского городища близ с. Тат. Кирмени
Мамадышского р-на ТАССР.

15 × 47 × 65 см.

1. الحكم لله العلى
2. الكبير كل نفس ذايقة الموت
3. ة ثم الينا ترجعون اينوك
4. بلوى ك وفات بلطو
5. ي رمضان ايع بلج تاريخ
6. جياج جور وطر سكر
7. جال رحمة الله رحمة وا
8. پبعة

Дата: 1337/38 г.

- „1. Верховный суд принадлежит богу всевышнему,
2. великому. Всякая душа вкусит смерть;
3. после вы вернетесь к нам. Инӯка
4. памятник. Скончался(лась)
5. в месяц рамазана, пятого . . . , по летосчислению
6. в семьсот тридцать восьмом
7. году Да будет милость бога милостью
8. обширную“.

Е. Т. Соловьев. О могильных памятниках . . . , стр. ХLI—ХLII (чтение не дано); Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях . . . , стр. 12—13 (чтение не дано); Альбом болгаро-татарской эпиграфики, № 59 (в библиотеке КФАН СССР).

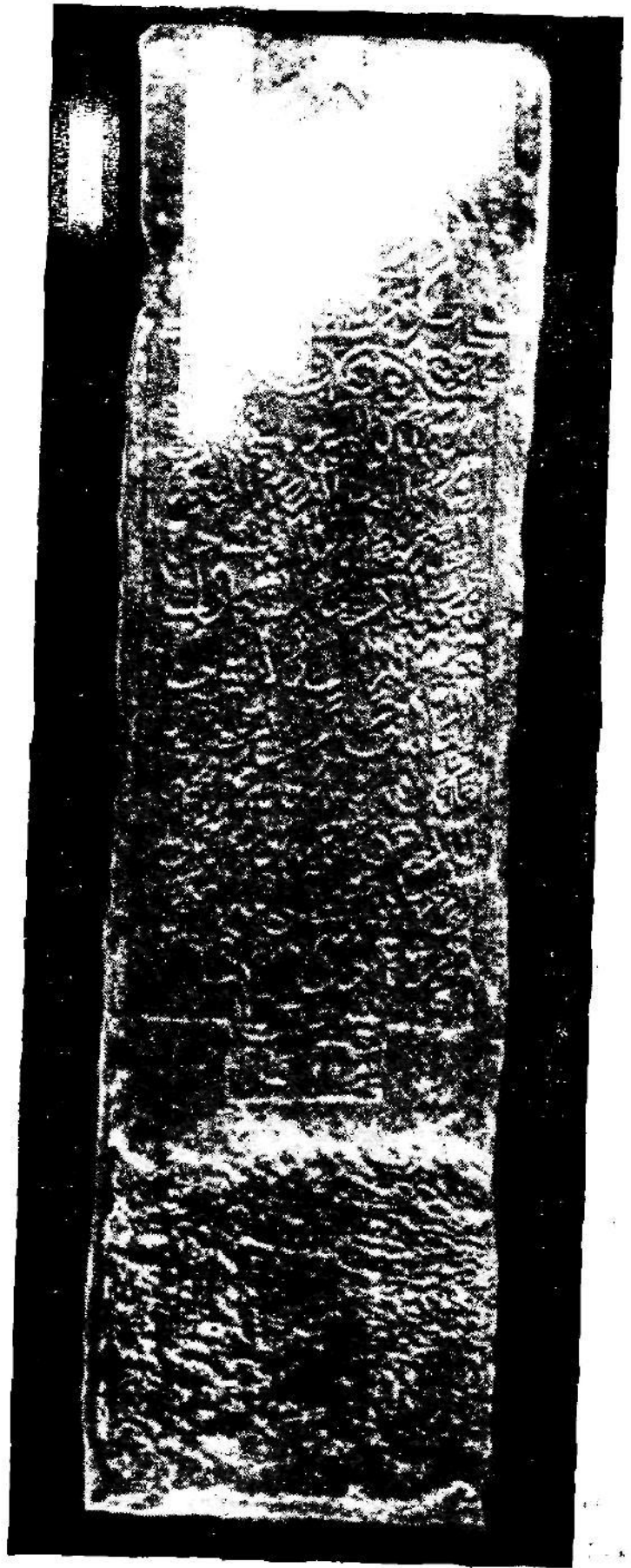
Памятник из с. Болгары Куйбышевского р-на ТАССР.
17 x 28 x 38 см.

- 1.
 2. أَحْرَةَ بَطْوَى هَجْرَةَ
 3. رَانَ الطِّ جُوز طَحُّور
 4. وَإِنَّمِ جَالُ شَعْبَانَ إِسْحَ بِلَيْحِ
 5. كُوَانَ إِذِ اللّٰهُ رَحْمَةٌ
 6. طَنْطَرُمَ حَوْبَلِجِ (?)

Дата: 1291 г., август.

- „1.
 2. [ушел] на тот свет по хиджре
 3. в шестьсот девяностом
 4. году, в месяц ша'бана пятого
 5. дня было. Бог да помилует
 6. (?)“.

История Татарии в материалах и документах. М., 1937, стр. 26;
 Альбом болгаро-татарской эпиграфики, № 11 (в библиотеке КФАН СССР);
 Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар,
 стр. 100—101.

Памятник, найденный на
Булгарском городище при
раскопках внутри Николь-
ской церкви (б. мавзолея);
хранится в библиотеке Ка-
занского университета.

18 × 70 × 285 см.

1. هو الحى الذى لا يموت و كل حى سيهوت
2. هذه روضه السيدة الستيرة الصالحة
3. الصائمه الصائنة الكريمة المستورة
4. المحدرة المطهرة الراكعة الساجدة
5. فاتحة الحيرات نتيجة السعادات
6. منبع الكرامات تاج النسافى
7. العالمين صبر ايلجى بنت بوراش بك
8. قدس الله روحها و نور ضريحها
9. اللهم ارحمها رحمة واسعة توفيت (так)
10. الى رحمة الله تعالى فى الرابع
11. من شهر جمادى الاخرى سنة
12. تسعين و
13. ستماية

Дата: 1291 г., 4 июня, понедельник.

1. Он живой, который не умирает, все живое умрет.
2. Этот сад госпожи непорочной, благочестивой,
3. соблюдавшей посты, заботливой, щедрой, целомудренной,
4. благонравной, совершавшей омовения и поклоны поясные и земные,
5. начала добрых дел, производительницы счастливых дел,
6. источника милостей, венца женщин в
7. обоих мирах, Сабар-йльчй дочери Бураш-бека.
8. Да сделает бог единый душу ее святою, да осветит могилу ее.
9. Боже мой, помилуй ее милостью неизмеримою. Она отдалась
10. милости бога единого, всевышнего четвертого числа
11. месяца джумадй-II в году
12. девяносто
13. шестьсот“.

И. А. Износков. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Изв. Общ. археолог., ист., этногр. при Каз. гос. унив., т. XI, 1893, вып. 3, стр. 278—280; Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии, 1905, стр. 263—268; Г. А. Ахмаров. История Булгарии, стр. 128; Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпиграфики, рис. 2а.

Памятник с Булгарского городища.

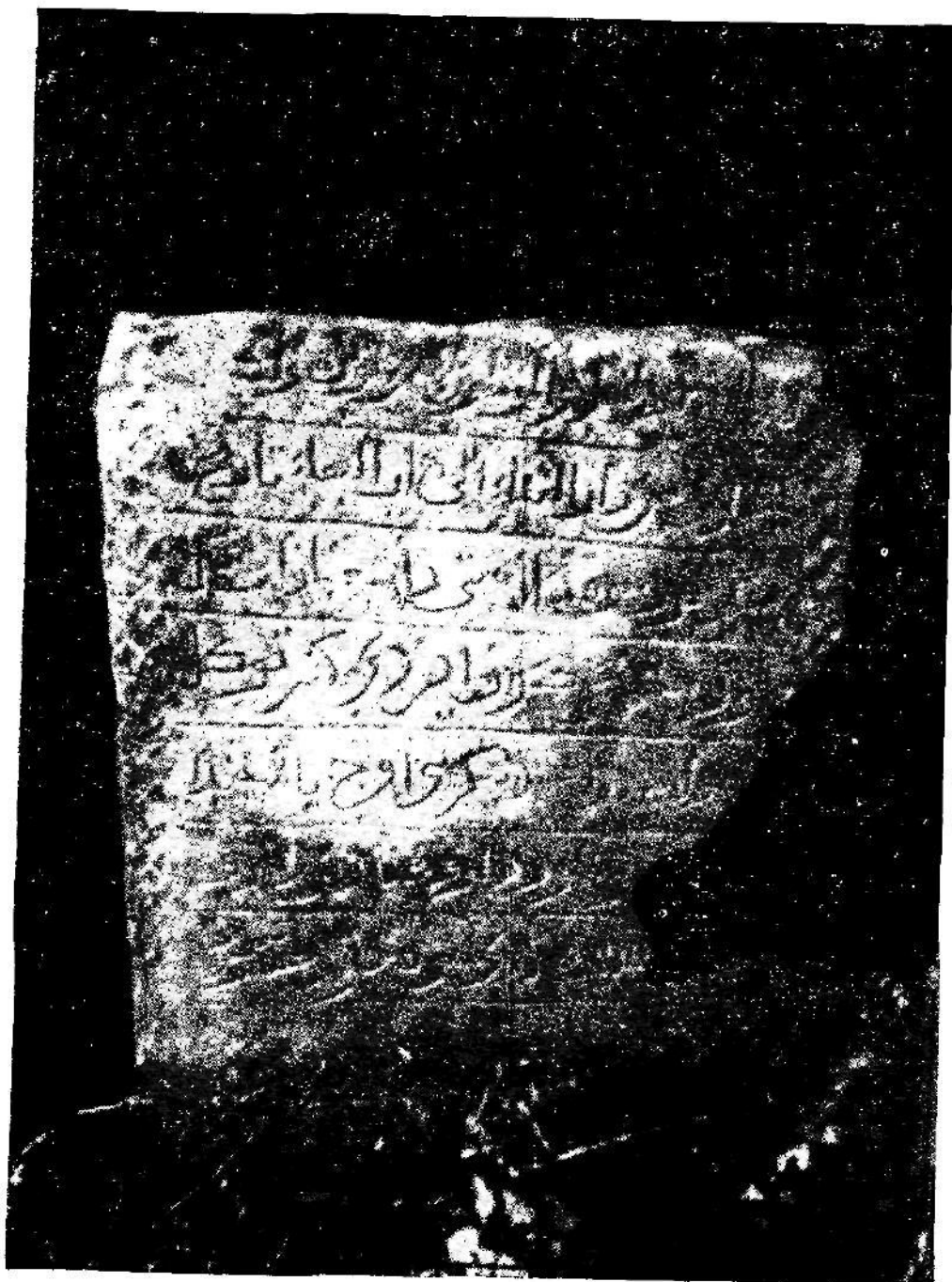
56 x 110 см.

1. كُلُّ نَفْسٍ ذَائِقَةُ الْمَوْتِ ثُمَّ
2. إِلَيْنَا تَرْجِعُونَ عَلَيَّ يَوَارِي هَيْر
3. حَوْمٌ . . . [بلوى] كـ [رحمة] الله
4. عَلَيْهَا [رحمة] و [سعة]
5. دُنْيَا [ران] بَاقِي [أخرة]
6. بَطْوِي
7. هَجْرَةَ رَانَ الطَّجُورِ طَحُورِوَان
8. [توا] تَمَّ جَالِ جَمَادِي الْأَحْر
9.

Дата: 1294/95 г.

- „1. Всякая душа вкусит смерть, после (вы)
2. вернетесь к нам. ‘Алия йўварй девушки-
3. наложницы . . . [памятник], да будет [ми-
4. лость] бога
5. над ней [милостью] об[ширною] . . .
6. [из] мира . . . [в мир] вечности
7. ушла
8. от хиджри в шестьсот девяносто
9. [четвер]том году, джумадй-1.
9.“

Альбом болгаро-татарской эпитафии, № 230 (в библиотеке КФАН СССР); Г. В. Юсупов. К вопросу об истории и классификации болгаро-татарской эпитафии, рис. 1.

Памятник из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на
ТАССР.

135 × 65 × 70 см.

1. قال النبي عليه السلام المومنون لا يموتون ولكن [ن]
2. ينقلون من دار الفناء الى دار البقاء تاريخ
3. سكينز يوز توقسان يتى دا شعبان اى نذك
4. اون بشنجى كون ايردى كيم توكل
5. [بن] مولا سيد احمد بكرمى اوج ياشندا
6. [سوعا] نوشوب دارو فنادين دارو
7. [بقاعا رد] لت قيلدى حق تعالى رحمت قيلسون

Дата: 1491 г., 12 июня, среда.

1. Сказал пророк, — да будет мир над ним, — правоверные не умирают, а
2. переселяются из мира тленного в мир вечности. По летоисчислению
3. в восемьсот девяносто седьмом, месяца ша'бана
4. пятнадцатого дня то было, что Тавәккәл
5. [сын] мавлә Сайид-Ахмада, двадцати трех лет
6. [в воде] утонув, из мира тленного в мир
7. [вечности] переселился. Истинный бог [всевышний] да помилует его“.

Ш. Марджани. Мустәфәд ал-ахбәр фй ахвәли Казән во Булгәр, стр. 27; Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 83—84.

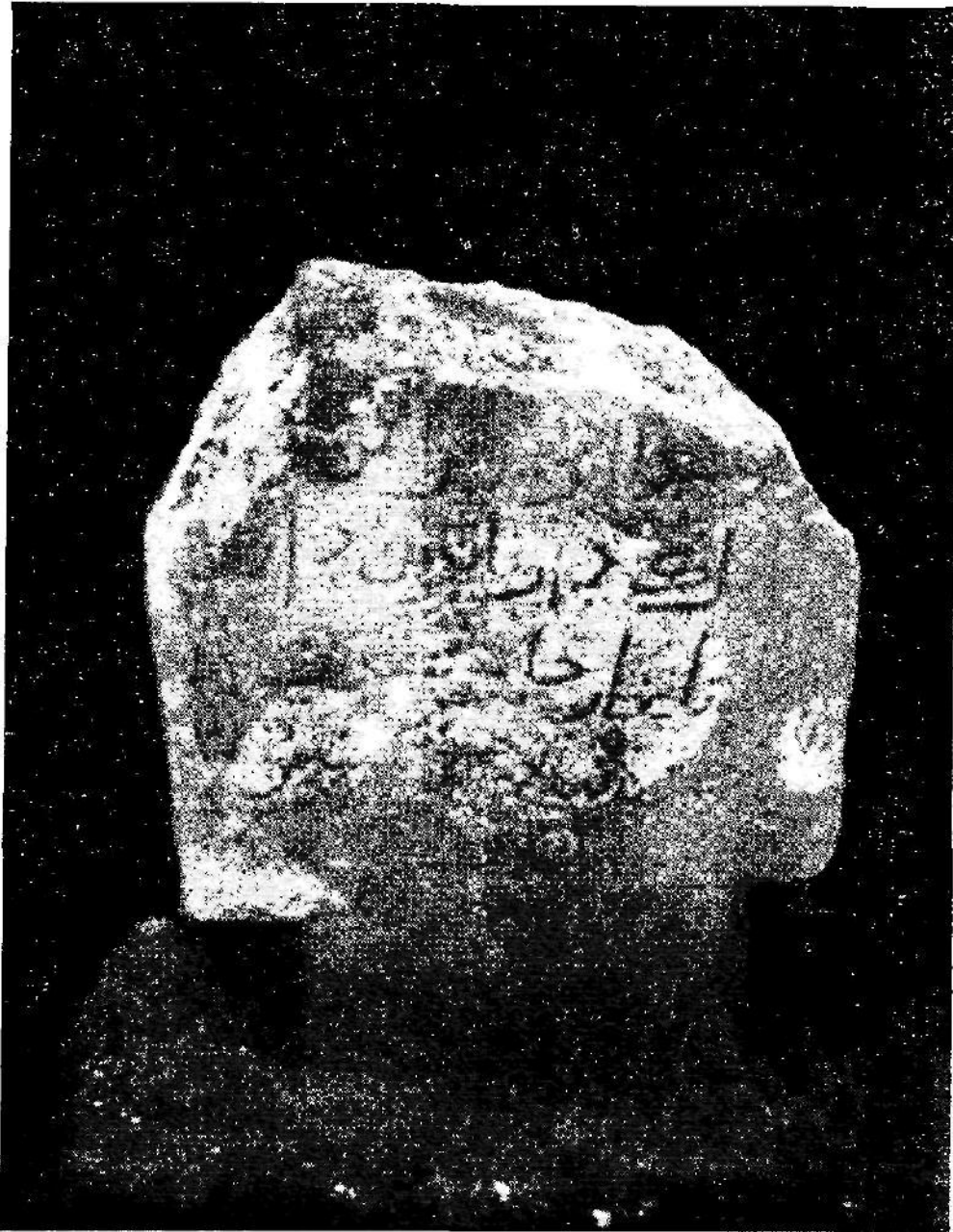
Памятник с городища „Иски-Казан“ близ с. Камаева
Высокогорского р-на ТАССР.
14 x 48 x 110 см.

1. هو الحى الذى لا يموت و كل حى سيموت
2. قال الله سبحانه و تعالى وما تدرى
3. نفس باى ارض تموت
4. قال النبى عليه السلام الدنيا
5. تاريخ توقوز يوزدا مبارك ربيع
6. الاول اى ننگ احريندا ايردى كيم
7. مولا شاه على درويش حلالى نازى ملك
8. حاتون دار الفنادين دار البقاعا رحلت
9. قيلدى عفر الله لها

Дата: 1494 г., декабрь.

- „1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
2. Сказал бог преславный, всевышний: и не знает
3. душа, в какой земле она умрет.
4. Сказал пророк, да будет мир над ним, мир . . .
5. По летосчислению девятисотый год, благословенного
месяца рабй'-I
6. в конце то было, что
7. мавлā Шāх-'Алй дервиша жена Нāзй-Мāлик-
- 8.-хātūн из мира тленного в мир вечности переселилась.
9. Да помилует ее бог“.

• [Н. П. Рычков]. Журнал или дневные записки путешествия... стр. 4—5 (193—194); С. М. Шпилевский. Древние города... стр. 426—428; Ш. Марджани, стр. 121; И. Н. Бороздин. Два татарских надгробия... стр. 58—63; Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в., стр. 155—157; Г. В. Юсупов. Татарские эпиграфические памятники XV в., стр. 89.

Памятник из с. Урывкино Пестречинского р-на ТАССР.
17 x 80 x 82 см.

1. اوليندا ايرد[ى كيم] من او[على]
2. ابك دار فاندین دار
3. البقاء رحلت قیلدی
4. حق تعالی رحمة قیلسون

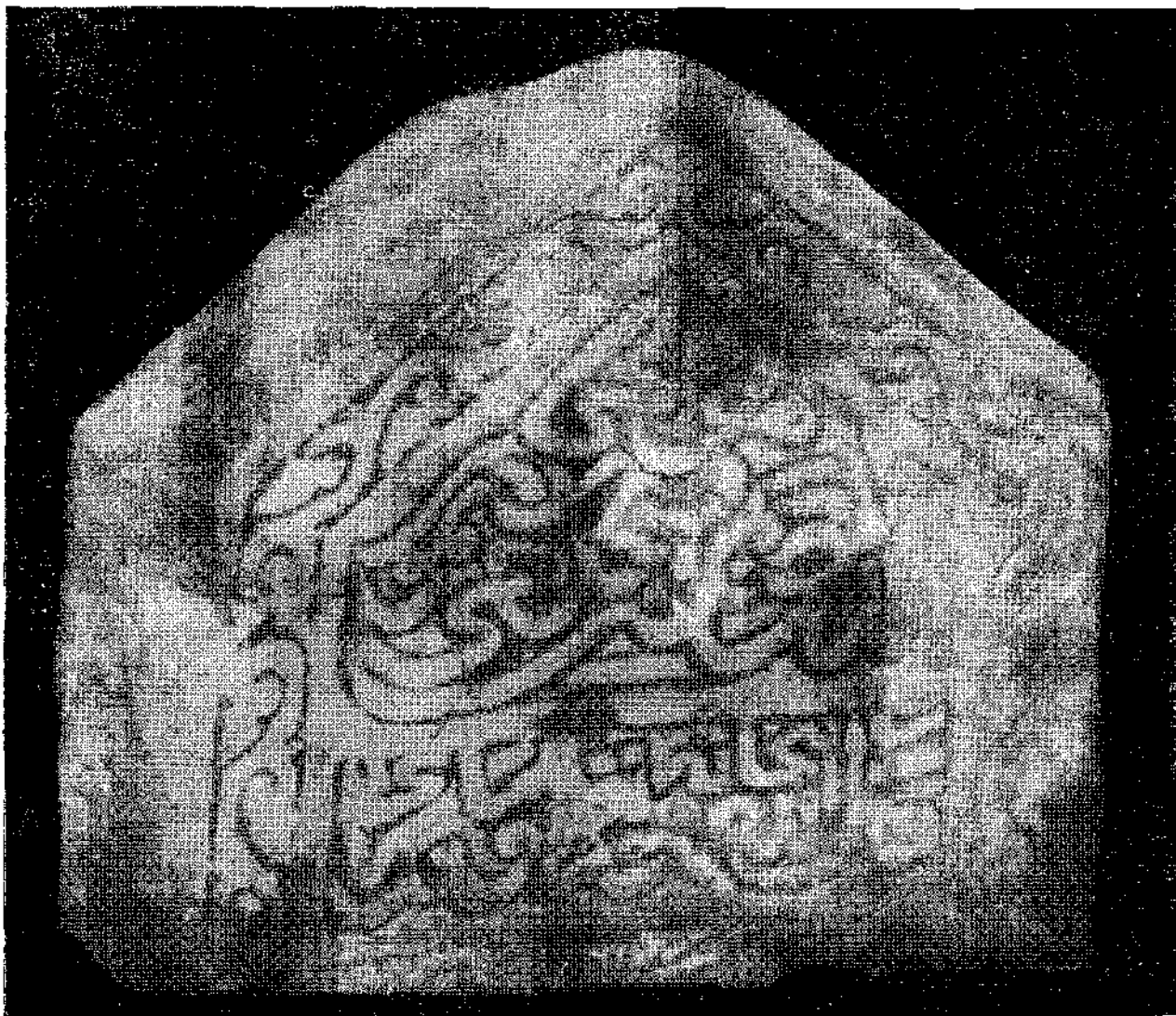
„1. В начале то было, что [сын]

2. Äbäk из мира тленного в мир

3. вечности переселился.

4. Истинный бог (всевышний) да помилует его“.

Г. В. Ю с у п о в. Татарские эпиграфические памятники XV в.
стр. 86—87.

Памятник (обломок) из с. Тат. Ходяшево Пестречинского р-на ТАССР

1. هو الحى الذى لا يموت و كل حى سيموت
2. قال الله سبحانه و تعالى وما تدرى

- „1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
2. Сказал бог преславный и всевышний: и не знает душа...“.

Г. В. Юсупов. Татарские эпитафические памятники XV в.,
стр. 89—90.

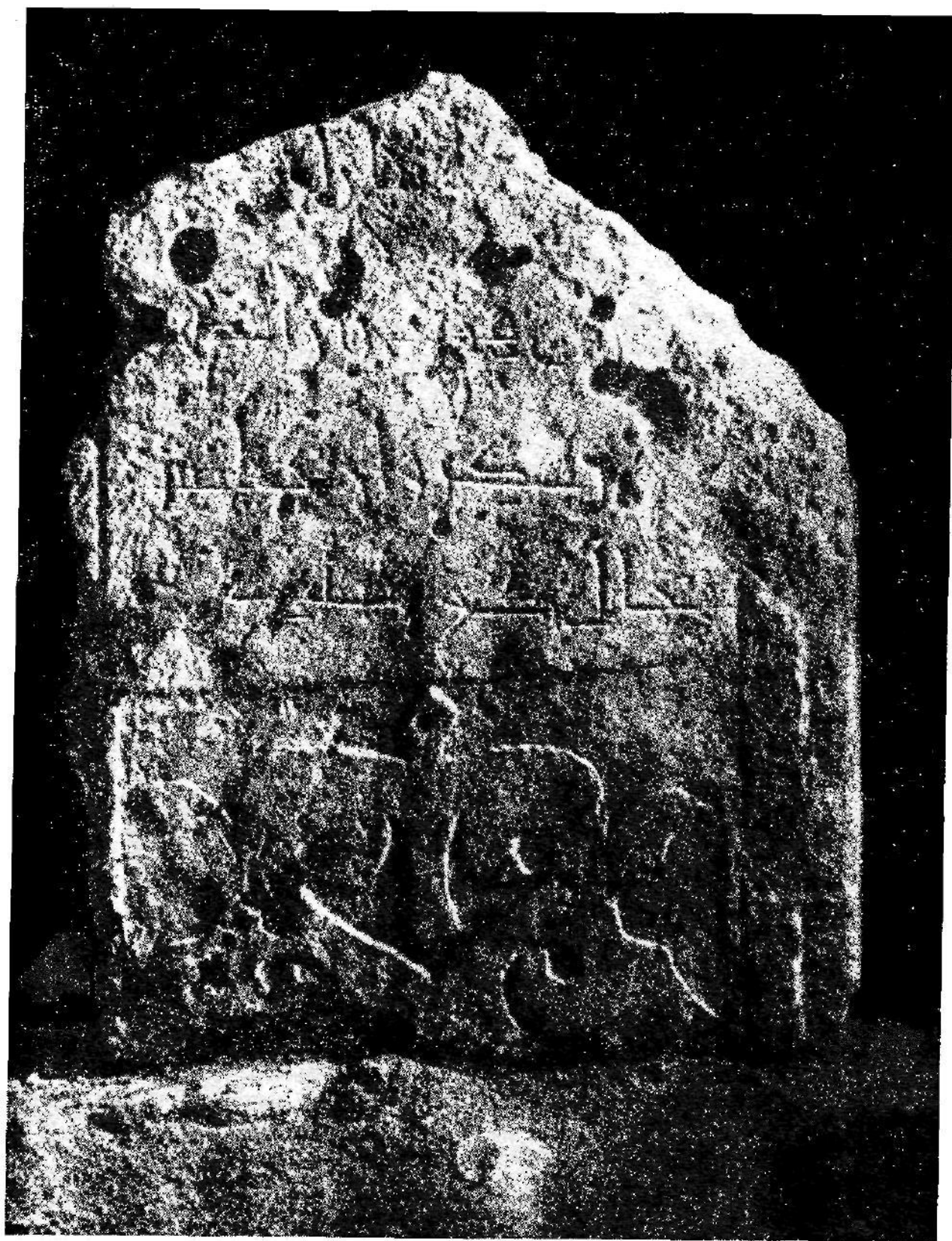
Памятник из с. Карино (Нократ) Слободского р-на Кировской области.

1. اعوذ بالله من الشيطان [الرجيم]
2. بسم الله الرحمن الرحيم كل نفس
3. ذايقة الموت ثم اليها ترجعون
4. قال النبي عليه السلام
5. تاريخ توقوز يوز توقوزدا
6. رجب احرنده ايرديكيم
7. [على عيالى]
8. [دار الفنادين دار البقاعا] رد [ملت]
9. [قىلدى]

Дата: 1504 г., январь.

- „1. Прибегаю к богу от сатаны.
2. Именем бога милостивого, милосердного. Всякая душа
3. вкусит смерть, после (вы) вернетесь к нам.
4. Сказал пророк, да будет мир над ним,
5. По летосчислению в девятьсот девятом,
6. раджаба месяца в конце то было, что
7. [жена 'Алйя]
8. [из мира тленного в мир вечности] пере-
9. [селилась]“.

Альбом болгаро-татарской эниграфики, № 26 (в библиотеке КФАН СССР).

Памятник с Булгарского городища; хранится в Государственном музее
ТАССР.

17 × 42 × 50 см.

1. هجرة ران الط
2. [جز] ر سكر وان جياتش
3. جان كو [انات]

Дата: 1288 г.

- „1. . . . по хиджре шесть
2. [сот] восемьдесят седьмого
3. года дня [было]“.

Альбом болгаро-татарской эпиграфики, № 9 (в библиотеке КФАН СССР); Н. Ф. Калинин. К вопросу о происхождении казанских татар, стр. 99—100.

Памятник из с. Бол-
гары Куйбышевского
р-на ТАССР.
23 x 62.5 x 225 см.

1. سَوَاحِي اِسْدِي هِ يَهُوب
2. وَ كَل حَي سِيَمُوت
3. تَر كَمَان مُحَمَّد اَوْل [يَعْقُوب]
4. هِيَر حَوْم جَام
5. زِيَارَةُ رَحْمَةِ اللّٰه [عَلَيْهَا]
6. رَحْمَةٌ وَّاسِعَةٌ
7. تَرُور نَارِيح
8.
9. سَعْمَار اِنِح دَوَامِ كَوَا [نَات]
10. الْمَوْت بَاب وَ [كُل النَّاس]
11. دَاخِلُهُ وَ يَالَيْتَ
12.
13.

Дата: ?

1. Он живой, который не умирает,
2. все живущее умрет.
3. Төркмән Мухаммеда сына [Йа'қуба]
4. девушка-наложница Джәх
5. Место ее погребения. Да будет милость
6. бога [над ней]
7. по летосчислению
8.
9. ша'бана месяца [четвертого] дня [было].
10. Смерть есть дверь, и [все люди]
11. войдут в нее
12.
13.

Памятник, находящийся у с. Чишмы Чишминского р-на БАССР.
27 x 67 x 150 см.

2. [بك بن عمر بك] رساس تركستان [الدرحوم] (?)
3. اللهم ارحمه رحمة [واسعة] واكرمه بالعمو والمغفرة
4. توفي في الايام [التاسع] من شهر الله المبارك ا
5. [لرا] بع سنة الربيعين وسبعمئة [رحمة اول مومن فاتحه] ?
6.

Дата: 1339 г., 15 сентября, среда.

1. Справедливый в своих решениях хаджи Х[усейн]-
2. [бек сын 'Омар-бека . . .] рсасского из Туркестана, [покойного]
3. боже мой помилуй милостью [обширной], чти же его своим благодеянием.
4. Скончался [девятого] дня благословенного богом месяца
5. [чет]вертого, года семьсот сорокового (?)
6.

J. Georgi: Bemerkungen . . . , стр. 728—730; П. Павловский. Мечеть Хусейн-бека; В. С. Юматов. Древние памятники . . . ; Р. Г. Игнатъев. Памятники доисторических древностей . . . ; Г. Игнатович. О древних памятниках . . . ; В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии; М. В. Лоссиевский. Кое-что о башкирах . . . ; Али Рахим, Г. Газис. История татарской литературы, стр. 54—55; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 89—90; Г. В. Юсупов. Эпиграфические памятники . .

Размер: 11 × 47 × 61 см

1. هو الحى الذى لا يموت
و كل حى سيهوت
2. تاريخ سكرز يوز سكرسا[ن]دا
3. يترك احرندا
4. [او]لى حيسن دار فنا
5. دين دار بقاعا رحلت قيلد[ى]
6. اوييز فاني سراى دين
7.
8.
9.

Дата: 1475/76 г.

- „1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
2. По летосчислению в восемьсот восьмидесятом
3. [мес]яца в конце
4. с[ын] Хасан из мира тлен-
5. ного в мир вечности переселился.
6. Из дома нашего — временного дворца,
7.
8.
9.“.

. اغوذ بالله من الشيطان الرجيم [بسم] الله الرحمن
الرحيم قال رسول الله صلى الله عليه

Надпись на бордюре:

„ прибегаю к богу от сатаны,
[именем] бога милостивого, милосердного. Сказал послан-
ник бога, да благословит [его] бог“

Текст 4: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. ЯМАШУРМА
ВЫСОКОГОРСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 20 × 53 × 144 см

1. هو الحى
2. الذى [لا يموت]
3.
4.
5.
6. قال النبى عليه السلام [الدنيا]
7. [ساعة] فاجعلها [طاعة]
8.
9.
10. تاريخ توفوز يوز يكرمى التى دا
11. مبارك
12. ايردى كيم اوعلى جورا قرق
13. ياشيندا دار الفنادين دار البقاعا
14. رحلت قيلدى حق تعالى رحمت

Дата 1519/20 г.

1. Он живой,
2. который [не умирает]
3.
4.
5.
6. Сказал пророк, — да будет над ним мир, — [мир]
7. [есть час], так используй его [в богоугодных делах].
8.
9.
10. По летосчислению в девятьсот двадцать шестом,
11. благословенного
12. то было, что сын Чурā в сорок
13. лет из мира тленного в мир вечности
14. переселился. Праведный бог да помилует“.

Размер: 20 × 45 × 130 см.

1. قال الله تبارك و تعالی كل نفس ذايقة الموت
2. قال النبي عليه السلام الدنيا مزرعة
3. الاحر قال النبي عليه السلام الدنيا ساعة فجعلها
4. طاعة قال النبي عليه السلام
5. تاريخ شهيد توقوز يوز قرق بردا مبارك محرم
6. ايندا ایردی کیم میرعلی اق سید اوعلی علی مردان
7. اق سید یکرمی التی یاشندا دار فنا
8. دین دار بقاعا رحلت قیلدی حق تعالی عرق
9. بو لوحنی إناسی لباق بناقیلدی

Дата: 1534 г., июль—август.

- „1. Сказал бог преблагой, всевышний: всякая душа
вкусит смерть.
2. Сказал пророк, — да будет над ним мир, — мир есть пашня
3. конечной жизни. Сказал пророк, — да будет над ним мир, —
мир есть час, так используй его
4. в богоугодных делах. Сказал пророк, — да будет над ним
мир
5. Мученически пал по летосчислению в девятьсот сорок
первом, в благословенном муҳарраме
6. месяце то было, что ақ-сайид Мйр-‘Аля сын ақ-сайид
‘Алй-Мәрдән,
7. двадцати шести лет, из мира
8. тленного в мир вечности переселился. Праведный бог...
9. Этот памятник воздвигла (его) мать Ābāq“.

Текст 6: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. ЧЕМЕГДЫ
АРСКОГО РАЙОНА ТАССР

Размер: 21 × 45 × 140 см.

1. قال الله تبارك و تعالی
2. كل من عليها فان ويبقى وجهه
3. ربك ذوالجلال والاکرام
4. تاریخ توقوز یوز قرقدا
5. مرعلی اوستاذ اوعلی شاه مردان
6. اوستاذ ذوالحججه ایندا
7. دار فنا دین دار بقاعا رحلت قیلدی

Дата: 1534 г., июнь—июль.

1. Сказал бог преблагой, всевышний:
2. все, что на ней (на земле), — бренно, и останется вечно (лишь) лицо
3. господя твоего, обладателя величия и почтения.
4. По летосчислению в девятьсот сороковом.
5. Устāза Мир-Алйя сын Шахй-Мāрдāн устāз¹
6. в месяц зūлхиджа
7. из мира тленного в мир вечности переселился“.

¹ Устāз — духовный наставник, учитель.

Текст 7: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. НИЖ. МЕТЕСКИ,
АРСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 25 × 56 × 136 см.

1. قال الله تبارك و تعالی
2. كل من عليها فان ويبقى وجه
3. ربك ذوالجلال والاکرام
4. تاریخ توقوز یوز قرق سکزدا
5. قوناق حوجهبای اوعلی جیان حوجه او
6. . . . [بارعاندا] کافر قولندین شهید بولدی

Дата: 1541/42 г.

1. Сказал бог преславный, всевышний:
2. все, что на ней (на земле), — бrenно, и останется вечно (лишь) лицо
3. господа твоего, обладателя величия и почтения.
4. По летосчислению в девятьсот сорок восьмом.
5. Қунақ-Ходжа-бая сын Джийан-Ходжа
6. пал мученически от руки неверного“.

Текст 8: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. НИЖ. МЕТЕСКИ
АРСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 22 × 55 × 137 см.

1. قال الله تبارك و تعالی
2. كل من عليها فان ويبقى وجه
3. ربك ذوالجلال والاکرام
4. تاریخ توقوز یوز قرق سکیزدا
5. قوناق حوجهبای اوعلی امان حوجه حافظ
6. اوزعاندا بارعاندا کافر [قولندین] شهید بولدی

Дата: 1541/42 г.

- „1. Сказал бог преславный и всевышний:
2. все, что на ней (на земле), — бренно, и останется вечно (лишь) лицо
3. господа твоего, обладателя величия и почтения.
4. По летосчислению в девятьсот сорок восьмом.
5. Құнәқ-Ходжа-бәя сын Амән-Ходжа хәфиз
6. пал мученически [от руки] неверного“.

Текст 9: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. ПАНОВКА
ПЕСТРЕЧИНСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 20 × 55 × 150 см.

1. قال الله تبارك و تعالی
2. كل من عليها فان يبقی وجهه
3. ربك ذوالجلال والاکرام
4. تاریخ توقوز یوز ایلیک بردا
5. مبارک ماه ذوالحجه ای نیک
6. تنگری بردی اوعلی
7. کافر قولندین شهید بولدی نور الله قبر

قان

Дата: 1545 г., январь.

- „1. Сказал бог преславный и всевышний:
2. все, что на ней (на земле), — бренно, и останется вечно (лишь) лицо
3. господа твоего, обладателя величия и почтения.
4. По летосчислению в девятьсот пятьдесят первом,
5. благословенного месяца зұлхиджа
6. сын Тәнгрй-Бирдй
7. мученически пал от руки неверного. Да осветит бог могилу (его)“.

Текст 10: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ ИЗ С. МАКСАБАШ
ТЮЛЯЧИНСКОГО Р-НА ТАССР

Размер: 22 × 43 × 95 см.

1. هوالمى الذى لا يموت و كل حى سيموت قال النبى عليه
السلام الدنيا سا
2. عات فجعلها طاعت صدق قال النبى عليه السلام الدنيا
3. الموت . . . قال النبى عليه السلام الدنيا جيفات وطالبها
كلاب
4. تاريخ مينكدا توقسان ايكيذا . . . ايشتيراك حافظ
5. ايشاى سوفى نك اوعلى ايردى انا اناسى اوچون اوز واقتندا
بيلكنى قويدى
6. اير انلاردين [دعا اوميد اوچون] كورارمن دنياى ويران بارى
باقى ايرمس هميشه يوق قرارى

Дата: 1681 г.

- „1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
Сказал пророк, — да будет мир над ним, — мир есть
2. час, так используй его в богоугодных делах, истинно.
Сказал пророк, да будет мир над ним, мир . . .
3. смерть . . . Сказал пророк, — да будет мир над ним, —
мир есть падаль и желающие его — собаки.
4. По летосчислению в тысяча девяносто втором . . .
ḫāfīz Йштірāk
5. сын Йшāя-сүфй для отца и матери при жизни своей
памятник воздвиг,
6. от людей [молитв ожидая]. Вижу мир развалиной по
существу, не останется он
продолжительно в покое“.

Текст 11: НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ. МЕСТО НАХОДКИ
НЕИЗВЕСТНО

1. هو الحى الذى لا يموت و كل حى سيموت قال النبى
2. عليه السلام الدنيا ساعات فجعلها طاعات
3. قال النبى عليه السلام الدنيا المؤمنا
4. و جنت الكافر قال النبى عليه السلام
5. الدنيا جيفات و طالبها كلاب تاريح مينكدا
6. يوزدا التيده ديرلار ايردى مورضا
7. او على مورضا

Дата: 1694/95 г.

- „1. Он живой, который не умирает, все живущее умрет.
Сказал пророк, —
2. да будет мир над ним, — мир есть час, так используй
его в богоугодных делах.
3. Сказал пророк, — да будет мир над ним, — мир
мусульм[ан]
4. и рай неверных. Сказал пророк, — да будет мир над ним, —
5. Мир есть падаль, и все желающие его — собаки.
По летосчислению в тысяча
6. сто шестом было мурзы
7. сын мурза“.

Альбом болгаро-татарской эпитафии, № 14 (в библиотеке
КФАН СССР).